Издание для сильных и жестких мужчин

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 13.04.09

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15.09.2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 609
Тираж – 21.500

Михаил ЕФИМОВ

Книга – кладезь боевого опыта

Несколько лет назад по настоятельной просьбе читателей редакция журнала начала большой и весьма сложный проект – сбор, обработку и публикацию материалов по проблемам боевого опыта. Журнал и до этого старался выносить на страницы издания статьи и корреспонденции, в которых были те самые «золотые крупицы» боевого опыта. Однако единичные, хотя и довольно частые публикации на эту тему не удовлетворяли наших читателей. Тем более, что это случилось как раз в тот период, когда шла вторая чеченская война. На нее уходили молодые, необстрелянные ребята, и боевой опыт, военные знания были необходимы как воздух.

Словом, все понимали нужность введения постоянной рубрики на страницах журнала. Но для того, чтобы ее открыть, нужны материалы. Не отдельные статьи, а большое количество выступлений.

Существовала и еще одна проблема: авторами этих корреспонденций должны были стать воины разных профессий – снайперы, танкисты, автомобилисты, спецназовцы, авианаводчики, вертолетчики, саперы. И рассказать им предстояло о разном, о том, как победить в городском бою, в горах, в лесу, в рукопашной схватке, в снайперской дуэли. Но где найти таких пишущих людей? Ведь они умеют воевать, и хорошо воевать, да не умеют рассказывать, а тем более писать складно да ладно, чтобы ясно стало другим. Задача, откровенно говоря, трудноразрешимая. И тем не менее мы взялись за нее.

Опубликовали обращение ко всем, кто прошел военными дорогами Афганистана, Чечни, других «горячих точек» и районов. Ветераны стали откликаться. Правда, не все их материалы были готовы к публикации – приходилось с авторами встречаться, беседовать, помогать дорабатывать, «дотягивать» их корреспонденции. Работа пошла сложная, кропотливая, но она стала давать свои результаты. Рубрику назвали «Книга боевого опыта».

Она быстро завоевала популярность и получила признание у читателей. Несколько раз на страницах издания мы публиковали анкету, в которой ставили вопрос о популярности у читателей журнальных рубрик. «Книга боевого опыта» всегда была в лидерах.

Случались и такие моменты, когда завязывалась «ожесточенная» дискуссия между спецами той или иной воинской профессии. Так было, например, когда читатели обсуждали тему рубежа безопасного удаления. И вот уже несколько лет на страницах журнала идут споры. А, как известно, в спорах рождается истина.

Энтузиаст-авианаводчик, спецназовец Андрей Кириллов за прошлый год опубликовал в журнале несколько статей. Редакция предоставила ему такую возможность и всячески помогала, ведь Кириллов болеет душой за подготовку таких профессионалов, как авианаводчики. К сожалению, не всюду у нас понимают важность этой проблемы. Андрей старается достучаться до тех, от кого зависит успех подготовки специалистов.

Рубрика «Книга боевого опыта» породила публикацию материалов, которые близки по своей тематике, но их нельзя отнести к конкретным рекомендациям, советам. Зачастую автор рассказывает об одном бое, эпизоде из своей жизни. Повествует интересно, эмоционально, хорошим ярким, живым языком. Он просто делится с читателями пережитым, самым сокровенным, выстраданным. В ходе повествования не говорит: делать так или по-другому. Да этого и не нужно, ибо рассказанное и есть наука, как выжить и как победить на войне.

Мастером таких рассказов стал наш автор полковник запаса Ю. Васильев. Он опубликовал у нас несколько своих корреспонденций. Все они встречены читателями очень тепло.

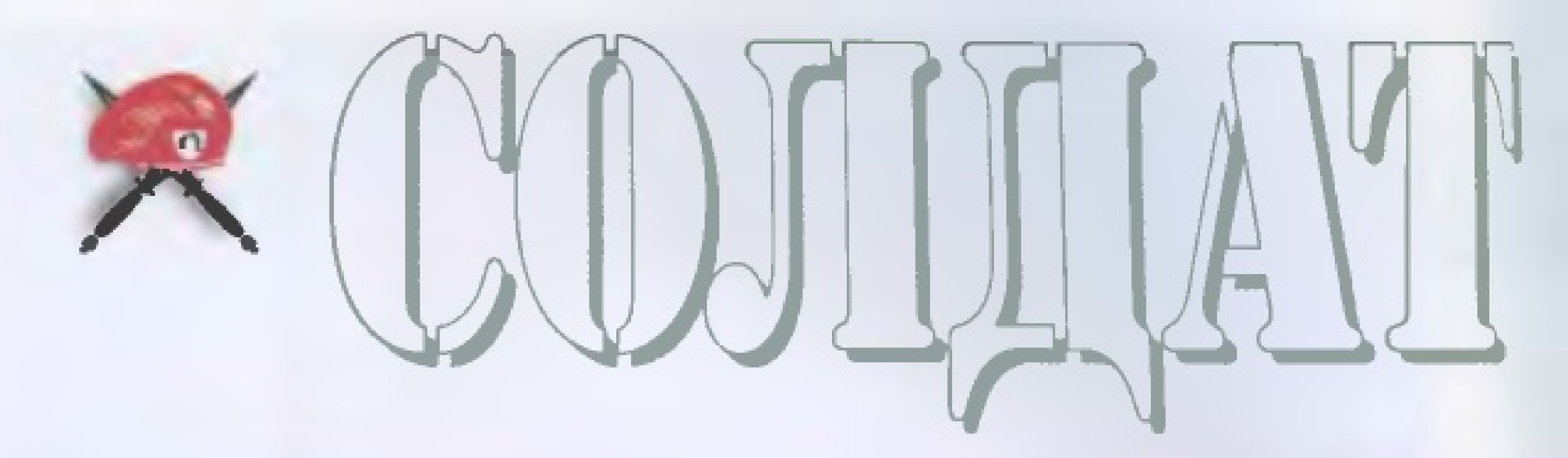
С годами в редакции накопился солидный архив текстовых и фотоматериалов из «Книги боевого опыта». И на этот раз дальнейшую работу с ними подсказали наши авторы и читатели.

Помнится, приехал к нам в редакцию преподаватель одного из военных вузов и посетовал, мол, неудобно использовать журнал в ходе обучения курсантов, обложка мягкая, быстро изнашивается. Откровенно говоря, мы были удивлены, что в высших военных заведениях наш журнал применяется как учебное пособие. Этот офицер-педагог и посоветовал издать журнальные материалы в единой книге, под одной обложкой. Легко сказать, да не просто сделать. Где взять деньги на издание? Однако и здесь удалось найти выход, и вот уже в издательстве «Яуза-Эксмо» вышло два тома, где собраны материалы рубрики «Книга боевого опыта». Теперь это настоящая книга.

Такова история столь замечательной рубрики, которая, уверены, принесла и еще принесет немало пользы офицерам и солдатам нашей армии.

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

стр. 4

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

Подземная война

Следует подчеркнуть, что в условиях господства противника в воздухе и все большей доступности высокоточного оружия, возможно, именно туннельная оборона станет одним из средств парирования этой угрозы. Опыт недавней войны в Ливане подтверждает этот тезис.

Андрей МАРКИН

стр. 9

КНИГА БОЕВОГО ОПЫТА

Тактические уроки войн в Ираке...

Вопреки распространенному мнению, действия авиации коалиции далеко не всегда были результативными. Так, 20 февраля 1991 года батальон вертолетов «Кобра» (AH-1F Cobra) и несколько вертолетов «Апач» (Apache), а также две пары штурмовиков «Тандерболт» (A10-A Thunderbolt II Warthog) в течение шести часов утюжили позиции 1-го батальона 841-й пехотной бригады иракской армии.

Андрей МАРКИН

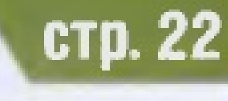
стр. 19

ПРАВДА ВОЙНЫ

Из штаба и с передовой по-разному видится бой

Товарищ Сталин, разговаривая с генералом М.Е. Катуковым, требовал, чтобы танкисты, атакуя, вели огонь с ходу. И это при том, что ни о какой точности стрельбы уже речи не было. Куда можно попасть, стреляя из идущего в атаку танка, не имеющего стабилизатора вооружения. Только в сторону врага. Поразить цель можно лишь случайно.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ

Колонна идет в «ад»

«Ствол вправо! Наблюдай трассер! Один снаряд, огонь!» Выстрел! Разрыв. Вот оторвалась панель, обнажив внутренности одной из квартир. Я увидел в межкомнатной стене пробитый проем. Потом мы узнали, что боевики рубили стены, делая проходы между комнатами, благодаря чему могли перемещаться по всему этажу и открывать огонь неожиданно из любого окна.

Роман СПИРИН

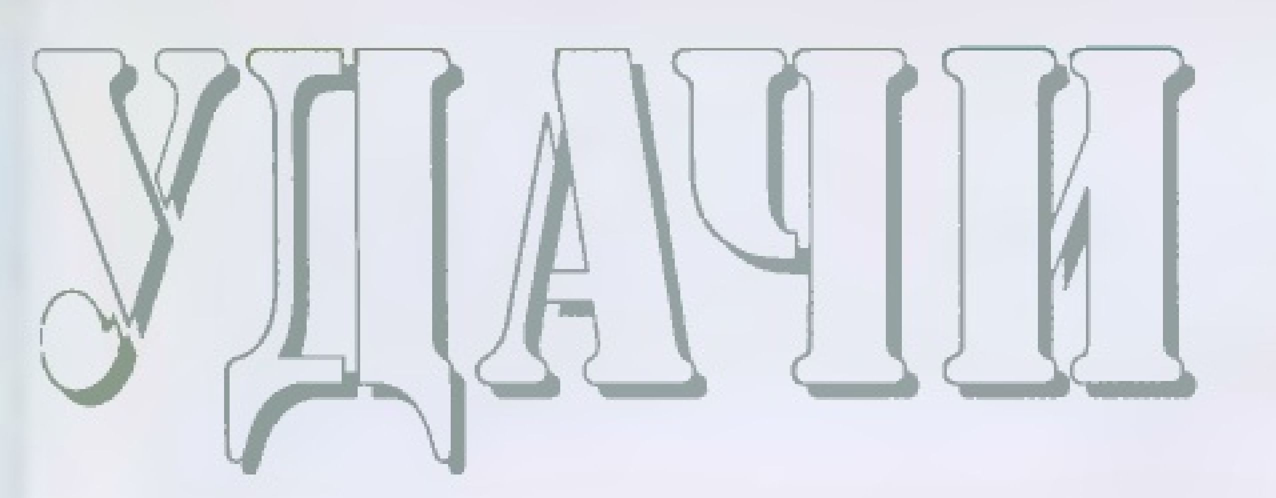
стр. 26

АРМЕЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Как миллион остался без погон

Когда оценивают хрущевскую эпоху (1953–1964 гг.), то на первый план выносят субъективизм и волюнтаризм ее главного фигуранта. Накрепко прилепилось к имени Никиты Сергеевича и пресловутое «миллион двести тысяч» – плод его усилий по демилитаризации общества и высвобождению людских ресурсов и средств для развития народного хозяйства. При Хрущеве, считается, произошло первое разрушение Вооруженных Сил.

Василий ХОРЕШКО

№ 5-6 (176-177) май-июнь 2009

Фото Виталия АНЬКОВА

И ОПЫТ – СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ...

стр. 32

Путь на Выборг

Сначала танкисты пытались вызволить из ловушки попавшую туда машину спаренной тягой двух легких танков БТ. Безуспешно. Дорога узкая, по бокам сугробы, маневр ограничен. Из-за поворота тяговое усилие идет по диагонали, то есть пытаясь вытащить машину, лишь сдвигают ее вбок. Рвутся буксировочные тросы, их собирают со всей колонны.

Дмитрий ПАНИН

стр. 49

АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК

Штабные хлопоты

Картина печальных событий ясна. Расстрелян караул – семь убитых. Двое из его состава отсутствуют. Они и есть те предатели, которые организовали это преступление. Вместе с ними из арсенала пропали несколько десятков стволов стрелкового оружия и гранатометы. Все вывезено на бригадной машине. Войска уже прочесывают окрестности в поисках оружия и пособников.

Михаил СЛИНКИН

СПЕЦНАЗ ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЙ

стр. 59

Центр 707

Образование специального контртеррористического центра подготовки (Counter Terror Warfare School) явилось кульминационным моментом программы реорганизации израильских подразделений спецназа, начатой после провальной антитеррористической операции по освобождению заложников в средней школе в 1974 году. Во время этой акции, проводимой спецподразделением Sayeret MATKAL, погибли 25 школьников и 4 учителя.

Евгений КОЖУШКО

стр. 66

ОРУЖИЕ РОССИИ

Достойный ответ «Патриоту»

В конце 70-х годов прошлого столетия американцы приняли на вооружение зенитный ракетный комплекс «Патриот» – самый передовой на то время. Советские конструкторы ответили на этот вызов, разработав аналогичную систему, но с гораздо более высокими техническими характеристиками.

Евгений КЛИМОВИЧ

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИЙ МИРА

стр. 71

«Талон» на смерть

В авиации в 1953 году был сформирован собственный контртеррористический отряд «Талон», предназначенный для освобождения заложников на авиационных объектах. В отряд набираются добровольцы, прошедшие тщательный 14-дневный отбор из числа личного состава воздушно-десантных войск и подразделений специальных операций. В ходе отбора отсеивается до 90 процентов желающих служить в отряде.

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

В номере использованы фотографии Сергея Сидорова, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

ндрей МАРКИН

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Тактика наземно-подземной обороны пехоты

(Окончание. Начало в № 3, 4)

Даже при наличии дверей на входе какая-то часть этой смеси все равно проникнет через имеющиеся щели внутрь. Но даже не на это обращают основное внимание при описании действия боеприпасов объемного взрыва. В конечном счете взрыв внутри туннеля может быть и при прямом попадании обычного боеприпаса. Другой поражающий фактор привлекает большее внимание — резкое падение давления в районе взрыва, называемое нередко в прессе «вакуумным эффектом», когда всасывается окружающий воздух в то «пустое место», которое образовалось после подрыва облака топливно-воздушной смеси. Даже если солдат спрятался от взрывной волны в блиндаже, то при малейшей негерметичности двери воздух будет вытянут из него, что приведет к гибели. На этом основании, бывает, делают вывод, что вообще устройство подземных убежищ бессмысленно. Все равно взрыв боеприпаса объемного взрыва «высосет» воздух из защитных сооружений, и все укрывшиеся в них погибнут. Объемно-детонирующие бомбы действительно могут поражать людей в легких инженерных сооружениях, однако зона действия «вакуумного эффекта» ограниченна. Не имеется каких-либо данных, позволяющих говорить о том, что за пределами участка туннеля, непосредственно примыкающего к входу, «вакуумный эффект» будет приводить к поражению личного состава. Основной поражающий эффект объемного взрыва для солдат, находящихся в тун-

неле, — все та же взрывная волна, против которой применяются все методы, указанные выше.

Другой угрозой является высокая температура объемного взрыва, которая может привести к возгораниям внутри туннеля, прежде всего деревянной обшивки стен и деревянных дверей, примыкающих к выходу.

Третий фактор, который нужно принимать во внимание, — это возможность пожаров. С учетом того что в туннелях создается хорошая тяга воздуха, огонь по ним распространяется очень быстро. Кстати, используя тягу в туннелях, можно обнаружить все выходы из системы галерей, если обнаружен хотя бы один. После того, как в туннель забрасывается дымовая шашка, очень скоро дым повалит из всех остальных выходов.

Во время войны в Корее американцы старались поджечь напалмом деревянные перекрытия участков траншей, в которые вели выходы из подземных туннелей, для того чтобы организовать подземные пожары.

Пожары могут возникнуть от применения противником огнеметов и при заливании им внутрь обычного топлива шлангом во вход или из канистр в вентиляционные шахты с последующим поджогом.

Пожар опасен не только огнем, но и выгоранием кислорода, задымлением и распространением угарного газа, от которого не спасают противогазы. Поэтому в качестве противопожарной меры следует устраивать защитные двери, которые в случае необходимости можно загерметизировать мокрой глиной или грунтом. Такими дверьми туннель разбивается на отдельные отсеки, с тем чтобы изолировать место возгорания. Пожар от недостатка кислорода может потухнуть. В крайнем случае, для разбивания на отсеки используются толстые одеяла.

Отсеки желательно заблаговременно соединить внутренней связью — для возможности взаимодействия, если группы солдат окажутся разделены изолированным отсеком.

Также следует предпринимать обычные противопожарные меры — заготовить воду и песок, ведра, лопаты, средства защиты дыхания (при этом помнить, что от угарного газа противогазы не защищают), мешки с землей, чтобы была возможность возвести временную противопожарную перегородку, отработать последовательность действий при пожаре и т.п. На том же принципе — готовности герметично и быстро изолировать необходимый участок туннеля — строится защита от попыток выкурить подземный гарнизон дымами (дымовыми шашками, сигнальными дымами, разведением костров перед входами в туннели из материалов, дающих густой едкий дым, выхлопом от работающего двигателя), ядовитыми газами или закачиванием воды в туннели.

Отметим, что любой газ, даже не ядовитый, в больших количествах может вытеснить воздух в туннеле и никакие противогазы не спасут.

Газ, образующийся от близких разрывов обычных снарядов и бомб, при интенсивном обстреле постепенно заполняет помещения и отравляет гарнизон укреплений.

Для лучшего проталкивания дымов и газов внутрь после образования облака производят подрыв обычной ручной гранаты перед входом — взрывная волна протолкнет облако дальше.

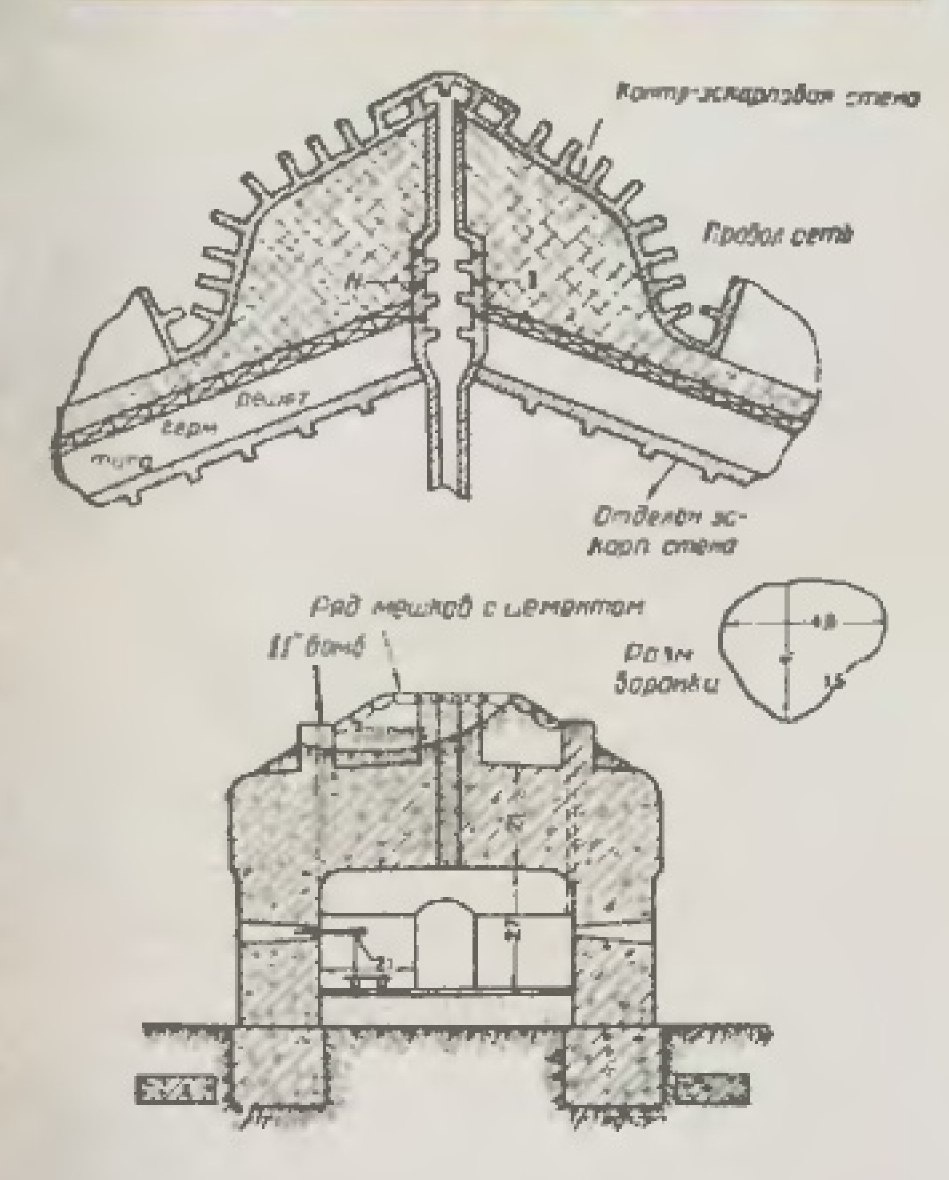
Во время вьетнамской войны в подземных туннелях партизаны устраивали водяные «тамбуры».

Выкапывали участок туннеля в виде перевернутой буквы «П» — откапывали неглубокий вертикальный колодец, затем у дна колодца прокапывали дальше горизонтальный ход, который через пару метров заканчивался и выходил вертикальным колодцем снова на прежний уровень. Горизонтальный ход заливали водой. Идея достаточно оригинальная, правда, в условиях непартизанской войны малоприменимая. Каждый раз, пролезая через тамбур, нужно полностью окунаться самому и главное — погружать в воду оружие.

Здесь следует остановиться на одном из самых трудных вопросов тактики туннельной обороны — устройстве вентиляционных отверстий и шахт. Многие, бывавшие в деревенских подвалах и погребах, знают о прохладе и свежести, которая сохраняется там даже в самые жаркие дни. Мало кто отдает себе отчет, что если посадить туда несколько человек, то довольно быстро там станет жарко, воздух будет тяжелым, а стены покроются влагой. В идеальных условиях для поддержания комфортного состояния примерно через каждые двадцать метров в туннеле нужно делать вентиляционное отверстие. Желательно, чтобы была также принудительная вентиляция, пусть даже в виде примитивных приспособлений. Однако хорошая вентиляция для туннельной обороны практически невозможна. И дело даже не в том, что у полевых войск, как правило, нет возможности бурить отверстия. Проблема в том, что вентиляционные отверстия — один из главных «помощников» пехоте противника в уничтожении подземного гарнизона. Приборы, различающие разницу температур поверхностей, или собаки смогут определить места выхода из-под земли теплого воздуха, а соответственно станет известно начертание системы туннельной обороны. В вентиляционные отверстия будут бросать гранаты (никакие решетки и попытки забить пробку в последний момент не спасут — разрывы прочистят путь), заливать горючее, закачивать газы и пускать дымы, и наконец, спускать взрывчатку и устраивать подрывы. В идеале проблему могут решить вентиляционные шахты с защитными коленами и изгибами и заранее подготовленными приспособлениями для герметичной забивки, однако их устройство в полевых условиях практически невозможно. Поэтому заранее нужно учитывать то, что вентиляционных отверстий либо не будет совсем, либо их будет очень мало. Весьма приближенно: за один час человек в спокойном состоянии, выдыхая углекислый газ, делает непригодным для дыхания один кубический метр воздуха, а при интенсивной работе — в четыре раза больше. Для комфортного пребывания необходимо исходить из объема воздуха шесть кубических метров в час на одного человека.

Зная площадь туннеля и количество солдат, можно подсчитать время, которое они смогут провести в туннеле с закрытыми дверьми. С учетом того, что никаких приспособлений, продлевающих возможность пребывания в закрытом пространстве (как на подводных лодках), у полевых войск

Повреждения капонира в крепости Осовец

никогда не будет, а требование изолировать отсеки туннелей будет частым, обороняющимся нужно готовить себя к тяжелым условиям пребывания под землей.

В условиях постоянного ожидания бомбардировок с применением высокоточных бомб требование о том, чтобы двери были закрыты, может быть практически постоянным. Проветривание туннелей придется проводить урывками, одновременно открывая все двери, чтобы образовывалась тяга и шло быстрое движение воздуха, а после нескольких минут двери придется опять закрывать.

Отметим также, что в случае близких разрывов крупных бомб в туннелях, проложенных в сухих грунтах, может подниматься пыль в количествах, мешающих дыханию, поэтому, возможно, будет необходимо ношение масок или противогазов.

Четвертый фактор — это возможность засыпания всех выходов и вентиляционных отверстий либо в результате обстрелов и бомбардировок, либо с использованием бульдозерного оборудования, или в результате подрывов, осуществляемых саперами противника, а равно обваливание участков туннелей в результате бомбардировки. Противоядие только одно — подготавливать много пространственно разнесенных выходов из подземных туннелей, часть из которых оставлять неиспользуемыми и хорошо замаскированными (вплоть до того, что выход откапывается изнутри и оставляется полметра-метр невыкопанной земли или устанавливается легко разбиваемая/разбираемая стенка, например, из мешков с землей). Если основная масса выходов из туннелей выходит в окопы, то часть выходов обязательно должна быть сделана несколько в стороне от окопов, чтобы артподготовка, обычно направленная на окопы, гарантированно не повредила хотя бы запасные выходы, которые к тому же можно будет использовать для контратак. Рекомендации говорят о том, что минимальной нормой для подземных убежищ является один выход на 25 человек.

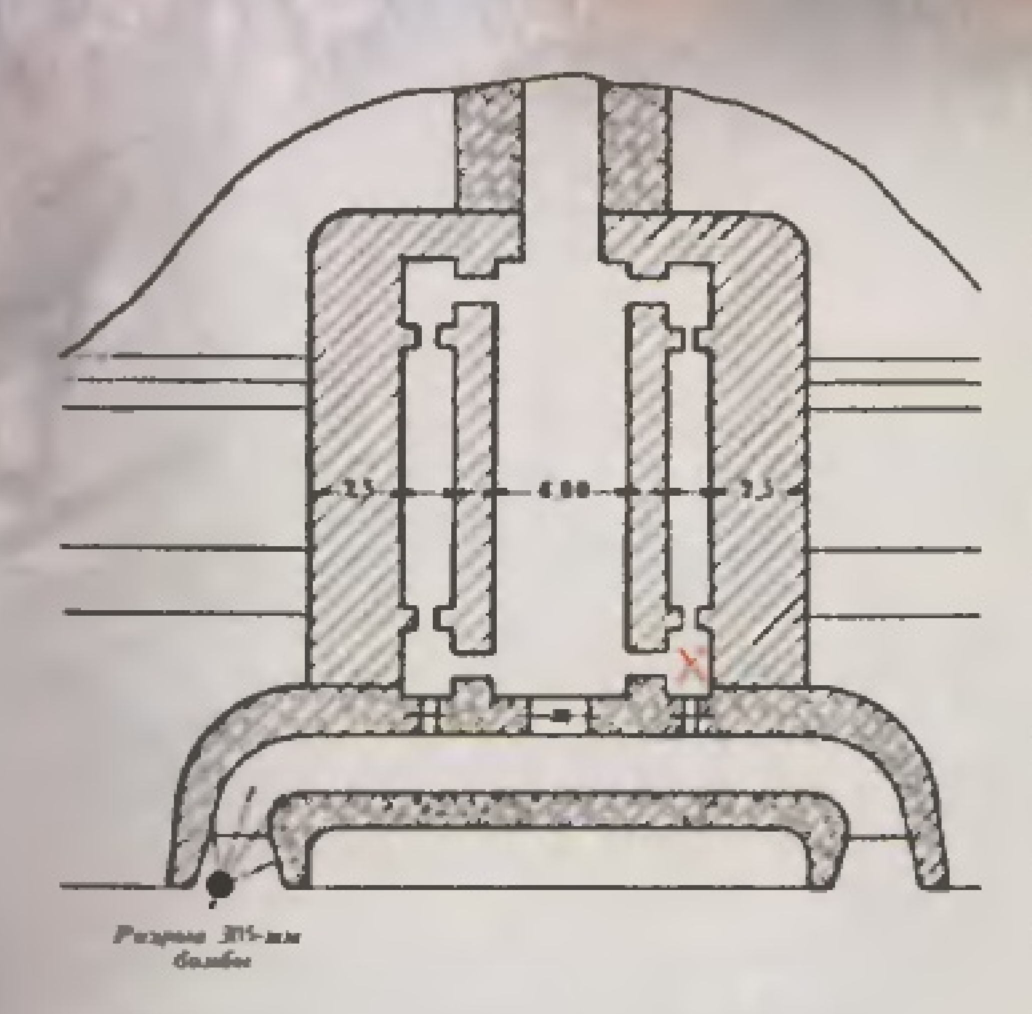
При устройстве выходов следует помнить о возможности их обнаружения аппаратурой, чувствительной к разницам температур объектов. Особенно «предательским» будет выход из туннелей воздуха, нагретого подземным гарнизоном, в прохладное время суток или при прохладной погоде. Поэтому в районе выходов из туннелей необходимы перекрытия участков траншей, чтобы теплый воздух успевал остыть и его выход не мог быть обнаружен. Если перекрытие будет уничтожено бомбардировкой, то на время ремонтных работ нужно имитировать выход горячего воздуха из-под земли, устанавливая мини-жаровни из подручных средств в подбрустверных нишах по всей длине наземных окопов.

Нужно отметить, что американское военное ведомство занимается поисками других технических способов обнаружения подземных туннелей, но пока особых результатов нет, хотя исследования в этом направлении продолжаются.

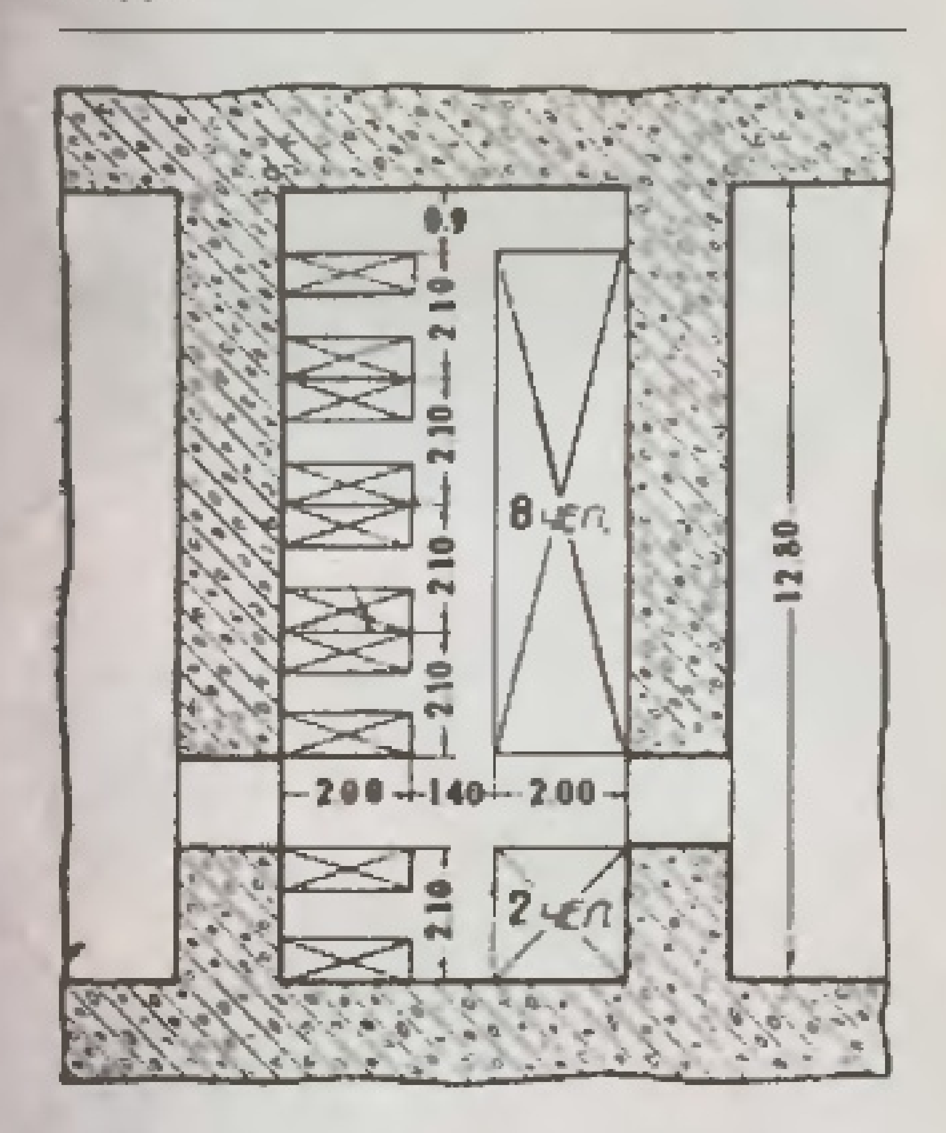
Для снижения вероятности заваливания выходов в результате бомбардировок и обстрелов противника, в том числе с применением высокоточного оружия, особое внимание следует уделять маскировке выходов из подземных сооружений, а также работ по их устройству. В идеале вынос грунта должен осуществляться под навесами или по временно или постоянно перекрытым участкам траншей, чтобы даже средствами воздушного и космического наблюдения невозможно было установить, в какой точке из-под земли выносят грунт. Дорожка следов от места выноса грунта на поверхность до места выбрасывания грунта должна уничтожаться (например, до начала работ срезают дерн под тропинку для выноса грунта, а по завершении работ дерн кладут на прежнее место; или дорожку следов нужно хотя бы подметать от остатков грунта), либо необходимо будет сделать большое количество ложных дорожек следов, причем ведущих к разным местам, что не позволит противнику определить места выходов из туннелей. Можно выбрать один выход из подземной системы и, заранее смирившись с его обнаружением и заваливанием противником, выносить грунт только через него. Такой метод работ применялся англичанами во Фландрии во время Первой мировой войны — все выходы, кроме первого, откапывались из глубины на поверхность. Но это очень сильно замедляет отрывку подземных галерей. Поэтому копать надо все-таки сразу в нескольких местах.

Желательно маскировать отвалы из вынесенного грунта, ссыпая его в канавы, реки, воронки. Иногда можно сделать несколько подрывов, чтобы образовались воронки, в которые вынутый грунт и засыпают. Правда, зачастую грунт под землей не такой, как на поверхности, и это может выдавать противнику факт прокладки галерей, но, по крайней мере, объем работ будет трудно оценить.

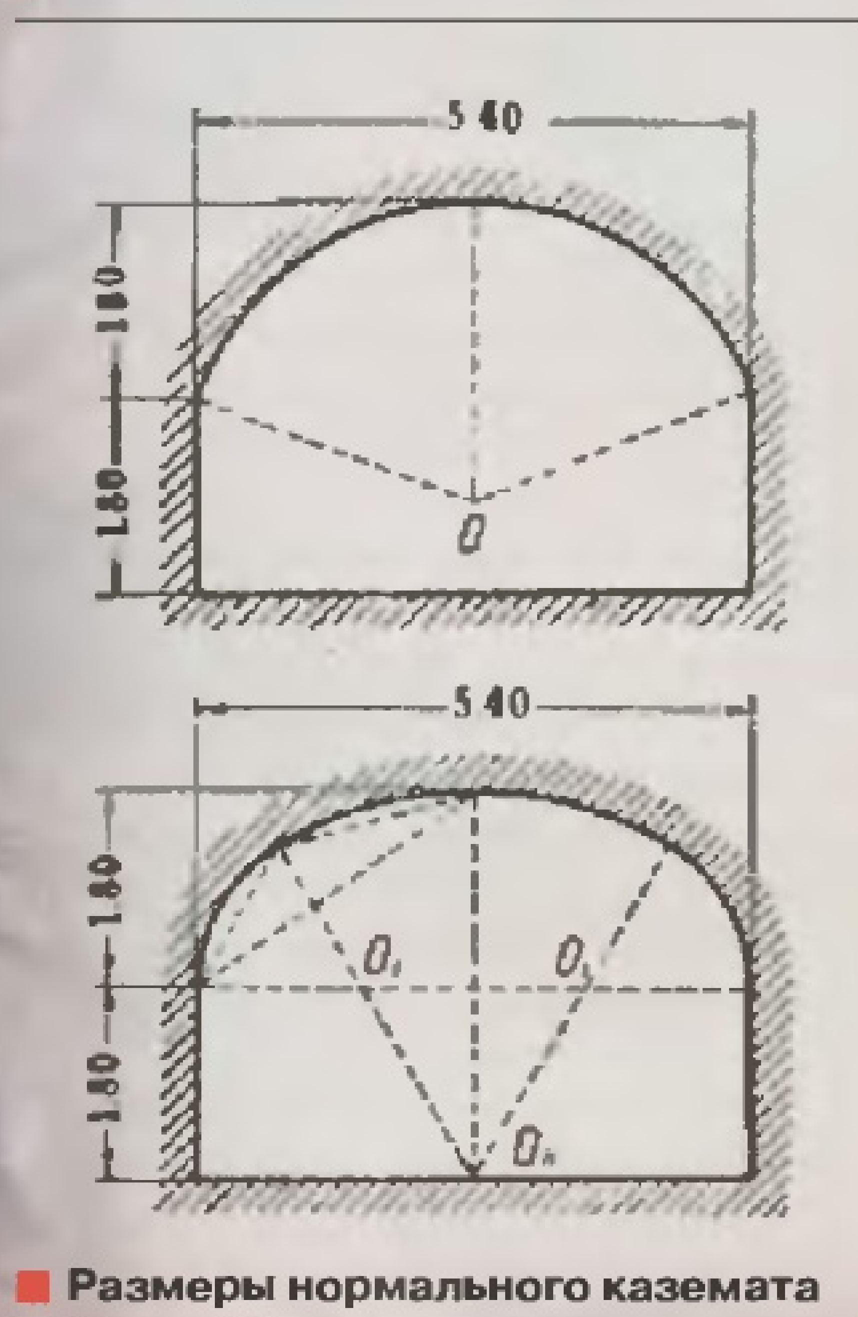
Желательно принять меры, чтобы

■ Попадание бомбы в сквозник. Х — каземат, где были контужены люди

■ План нормального каземата

■ Размеры нормального каземата

по движению личного состава противнику трудно было понять точное местоположение выходов из подземных сооружений, — точки, где люди «исчезают», спускаясь под землю, не должны быть очевидны.

А на случай, если все же завалит все выходы, нужно быть готовым к самооткапыванию, в том числе с использованием микрозарядов взрывчатого вещества. В туннелях в нескольких местах должны быть необходимые для откапывания инструменты (лопаты, кирки, земленосные мешки, тележки, ящики для земли, доски для прокладки «рельсов» под тележки или крюки и ролики для прокладки «канатной дороги» для переноса грунта в подвешиваемых земленосных мешках и т.п.).

Непосредственно над входом и над первыми метрами туннеля можно положить слой камней, чтобы воспрепятствовать заваливанию входов от разрывов небольших снарядов и мин (если получится, хорошо замаскировать, чтобы не выдавать местонахождение выходов воздушным наблюдателям). Но нельзя усиливать выходы крышей из крупных бревен, рельсами, бетонными плитами, поскольку в случае завала входа откопаться будет крайне затруднительно.

Чтобы снизить вероятность обвала галерей в результате близких разрывов, по возможности туннели необходимо обшивать деревом так, чтобы обшивка плотно прилегала к стенкам и потолку. Если возможности обшить деревом нет, то потолок лучше делать треугольным в сечении, а стенки — немного наклонными. Это повышает устойчивость к обрушениям.

Во время бомбардировок лучше не касаться стен, не поднимать голову к своду галереи и ногами стоять на каком-нибудь мешке: близкий разрыв, даже не повреждающий туннель, может привести к колебаниям земли, что чревато переломами.

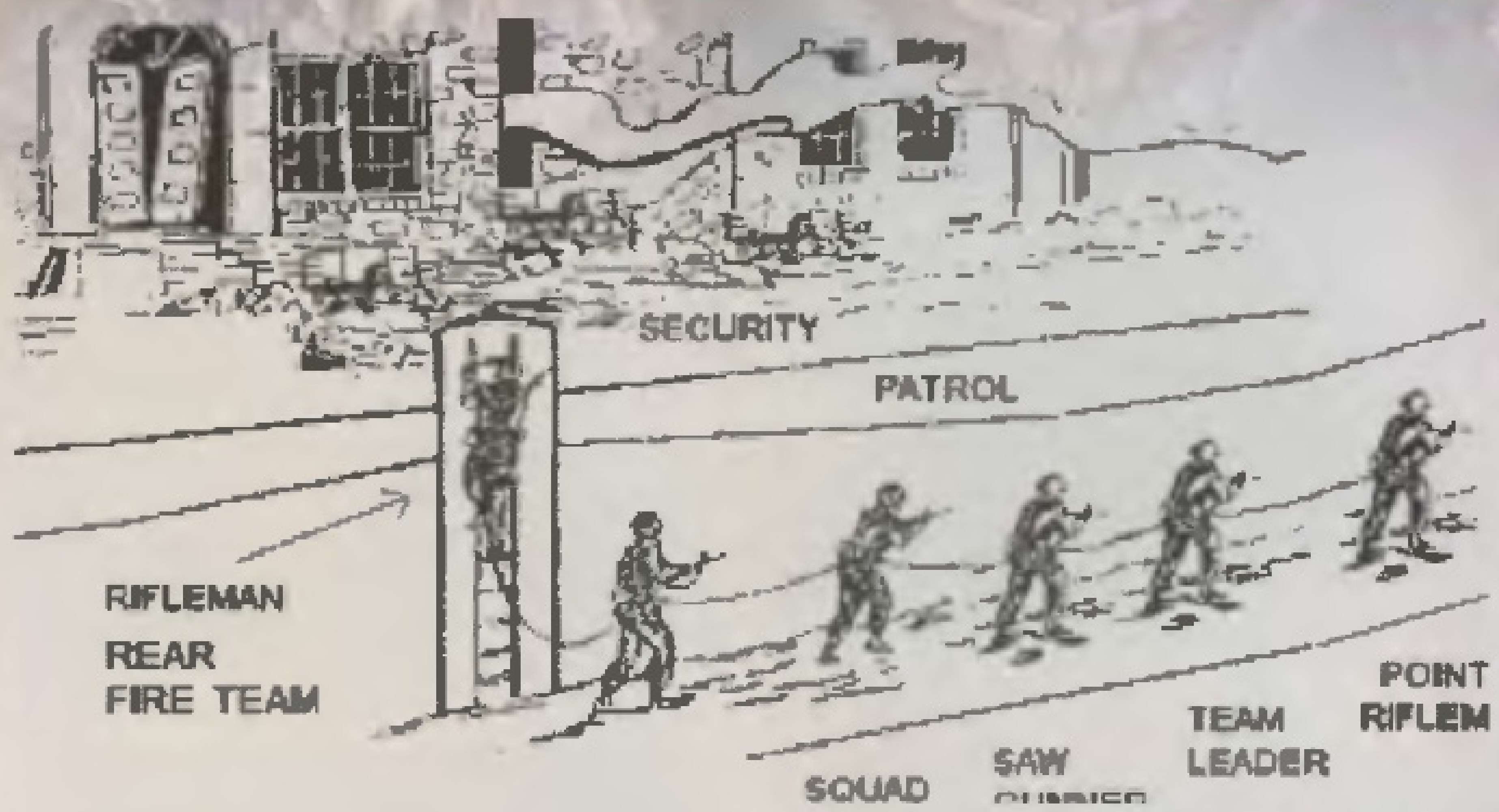
Наконец, наименее опасный фактор — попытка пехоты противника проникнуть в туннели. Это маловероятный вариант действий. Сначала противник использует все ранее указанные способы, прежде чем посылать солдат внутрь. Слишком уж легко воспрепятствовать их продвижению. Например, можно устроить поперечную стенку с бойницей для стрельбы, которую туннель огибает с одной стороны. Обойти ее внутри туннеля будет никак нельзя. Единственное, лучше сделать несколько канавок поперек туннеля перед стенкой с бойницей, чтобы к ней нельзя было подкатывать гранаты. Прямо же перед бойницей следует сделать достаточно глубокую ямку, куда бы скатывались гранаты, брошенные к бойнице. Стенки этой ямки будут улавливать большую часть осколков, да и взрыв пойдет строго вверх.

Если выход из туннеля ведет в траншею, то возможно устройство подземных лазов, заканчивающихся небольшими малозаметными амбразурами, из которых будет простреливаться тот участок траншеи, где находится вход в подземную галерею.

В стенах туннеля устраиваются ниши для защиты от огня автоматического оружия, из которых можно внезапно осуществить метание гранат. Оборудуется секретная бойница во внутренней стене туннеля, из которой можно выстрелить с неожиданного ракурса или проколоть противника заостренным деревянным шестом.

Вариантов много. Но у проникающих в туннель тоже есть свои приемы. Солдат, который направляется в туннель первым, должен быть вооружен пистолетом, в идеале с глушителем — звуки выстрелов внутри туннелей многократно усиливаются, а с длинноствольным оружием неудобно разворачиваться. Кстати, на эффекте усиления звука в замкнутом пространстве базируется небольшая тактическая хитрость, когда противник в туннеле обстреливается из сигнальных ракетниц и под прикрытием их «огня» делается бросок вперед. В этом случае световой и шумовой удары деморализуют противника. У впереди идущего солдата должен быть нож для прокалывания пола и стен туннелей на предмет наличия скрытых дверей, мин, ловушек, а также фонарь и/или прибор ночного видения. В туннелях очень слабое освещение, либо оно вообще отсутствует. Поскольку держать три предмета (пистолет, нож, фонарь) и быть готовым пользоваться ими одновременно невозможно, то приходится выбирать либо нож, либо фонарь. Если используется фонарь, то нужно переключатель установить в положение, чтобы выключение происходило путем отпускания пальца с кнопки — может возникнуть необходимость мгновенно отключить свет. Если требуется иметь в руке нож, то желательно, чтобы освещение обеспечивал второй номер, идущий следом. Прикреплять постоянно включенный фонарь к корпусу или на голову нежелательно, так как противник может стрелять на свет. Для решения проблемы в некоторых случаях изготавливали крепящиеся на голову фонари, включавшиеся удаленно зуба-

ми, однако они оказались неудобными в использовании.

К ногам идущего впереди привязывают веревку, чтобы в случае ранения его можно было вытащить назад. На случай применения противником слезоточивых газов нужно иметь противогазы. Для осмотра участков туннелей за поворотами целесообразно использование зеркал, прикрепляемых к палкам-держателям.

По возможности впереди идущий солдат должен передавать второму номеру все, что он видит перед собой, а второй номер по проводу передает всю информацию на поверхность.

Возможно также, чтобы передачу информации первый номер вел сам, но это менее безопасно, поскольку соответствующее оборудование несколько сковывает движение головы и, как правило, закрывает одно ухо.

Сообщается, сколько пройдено метров (на волокущихся веревках и телефонном проводе делаются отметки или узелки через каждый метр или пять метров, что помогает оценить пройденное расстояние), какие повороты под какими углами (определяется по компасу или на глаз) сделаны, что в туннеле находится. На поверхности по этой информации составляют схему туннеля, и по возможности группа солдат пытается копировать путь, проделываемый передовым солдатом под землей. Это помогает находить скрытые выходы, вентиляционные отверстия и вытащить из-под земли солдата в случае обрушения туннеля за ним, а главное — помогает избежать боя между двумя группами, действующими с разных сторон. Составляемый план туннеля поможет и в том случае, если группа под землей будет зажата противником и потребуется высылать подмогу, а впоследствии также саперам, когда они будут подготавливать туннель к взрыву.

Для помощи наземной группе в поиске вентиляционных отверстий солдаты, находящиеся под землей, могут использовать дымовые гранаты. Их вставляют в шахты, которые немедленно затыкают грунтом. Дым будет выходить на поверхность и покажет наземной группе, где находится вентиляционное отверстие.

В группе солдат, спускающейся в туннель, задачи номеров должны быть распределены. Задача первого номера — разведка, второго — помощь и поддержка первого, навигация, передача информации наверх. Они идут без средств защиты слуха, поскольку должны слышать каждый шорох. Третий и последующие номера в группе могут иметь обычное оружие, в том числе пулеметы. При этом они обязательно должны быть в шлемофонах или иметь другие средства защиты слуха. Первые два номера, обнаружив противника и завязав бой, отходят (только после этого они могут воспользоваться средствами защиты слуха), и дальнейший бой ведут третий и последующий номера.

В некоторых случаях солдат приходится оставлять на резких поворотах туннеля следить за тем, чтобы кабель мог протягиваться дальше.

Качество воздуха в туннелях быстро ухудшается в связи с тем, что при бое под землей противник зачастую перекрывает туннель и перемещение воздуха прекращается. Поэтому желательно иметь компрессоры, которые могли бы нагнетать свежий воздух в туннель во время боя. Иначе после непродолжительной перестрелки группа очистки туннеля вынуждена будет ретироваться. В некоторых случаях при наличии компрессоров сначала закачивали в туннель слезоточивый газ, а затем свежий воздух. Группа пускается внутрь в противогазах.

При выборе оружия нужно помнить, что туннели в нестойких грунтах могут обваливаться от громких выстрелов и разрывов, а взрывная волна от разрыва гранаты может поразить кидавшего и другие группы, действующие через другие входы. Поэтому применять

мощное оружие и гранаты, после того как в туннель спустился хотя бы один свой солдат, недопустимо. При этом обороняющиеся, если в туннеле имеются внутренние двери, могут использовать гранаты, кидая их за дверь и тут же закрывая ее, — взрывная волна или дым пойдут в сторону противника.

Однако стоит еще раз подчеркнуть, что направление людей в туннели — это крайний случай, как правило, предпринимаемый для того, чтобы попытаться вытащить какую-то ценную информацию. Имелись сообщения, что американцы для проверки туннелей в Афганистане использовали дистанционно управляемые роботы с установленными на них телевизионными камерами. На роботы планировалось поставить гранатометы. К сожалению, оценить истинную эффективность применения этих роботов на настоящий момент не представляется возможным.

Завершая рассмотрение темы о тактике туннельной обороны, следует подчеркнуть, что в условиях господства противника в воздухе и все большей доступности высокоточного оружия, возможно, именно туннельная оборона станет одним из средств парирования этой угрозы. Опыт недавней войны в Ливане подтверждает этот тезис. Впрочем, этот вопрос, безусловно, требует углубленной проработки и, наверное, проведения специальных учений.

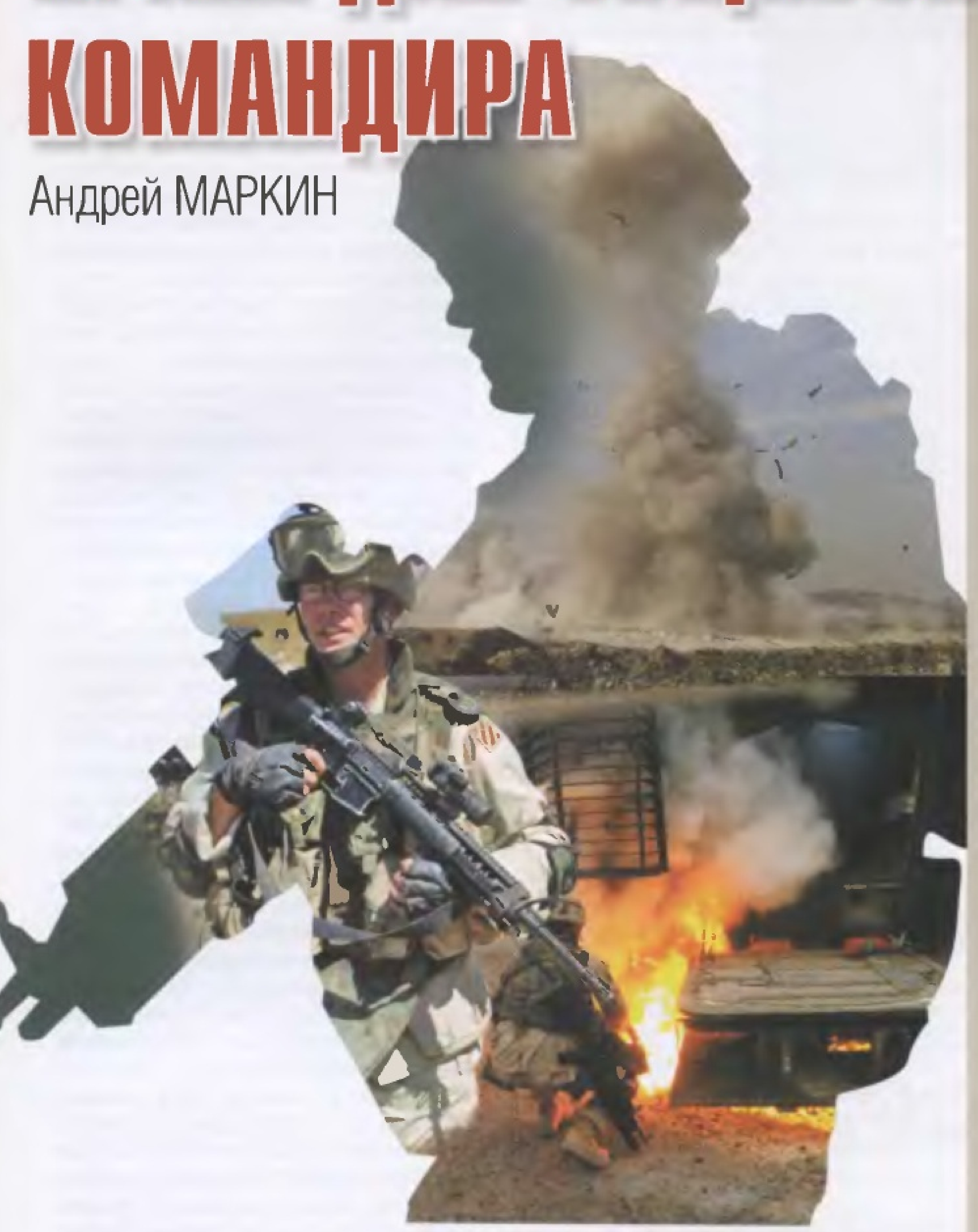
ТАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ ВОЙН В ИРАКЕ ДЛЯ ОБЩЕВОЙСКОВОГО КОМАНДИРА

Андрей МАРКИН

В ходе первой войны в Ираке (1991 г. и на допартизанском этапе второй войны (2003 г.) господство в воздухе решило многое, но не все. Бои между подразделениями иракской армии, мало пострадавшими от воздушных налетов, и сухопутными подразделениями антииракской коалиции при отсутствии поддержки с воздуха имели место. В настоящий момент собрано достаточно информации о тактических ошибках, допущенных иракцами в этих боях. Списать их на общее превосходство врага было бы чрезмерным упрощением. Иракская армия была вооружена все же не камнями и дубинами, и далеко не все дезертировали с поля боя.

Оставление позиций и техники, а также случаи явной неорганизованности были действительно широко распространены в иракской армии. Но это не должно служить препятствием к изучению тактического опыта наземных боев, имевших место в ходе обеих иракских кампаний. К сожалению, дискуссии вокруг этих боев зачастую либо сводятся к рассмотрению вопроса о стойкости брони американских и иракских танков против огня друг друга, либо ограничиваются обсуждением оперативно-стратегических вопросов. Тактика при этом забывается.

Попробуем восполнить существующий пробел. Это важно, поскольку Российская армия далеко не всегда может рассчитывать на материальный паритет с рядом потенциальных противников.

Вопреки распространенному мнению, действия авиации коалиции далеко не всегда были результативными. Так, 20 февраля 1991 года батальон вертолетов «Кобра» (AH-1F Cobra) и несколько вертолетов «Апач» (Apache), а также две пары штурмовиков «Тандерболт» (A10-A Thunderbolt II Warthog) в течение шести часов утюжили позиции 1-го батальона 841-й пехотной бригады иракской армии. После такого обстрела основная масса иракских солдат сдалась, всего 436 человек. При этом оказалось, что ни один иракский солдат после шестичасовой обработки позиций авиацией не был даже ранен. Причем позиции иракцев представляли собой не наземно-подземную (туннельную) оборону, а обычную полевую.

По признанию командующего 7-м американским корпусом, господство в воздухе авиации коалиции не помешало командованию иракской республиканской гвардии осуществлять тактический маневр подразделениями, равными по размеру бригадам, на дистанции 25–50 километров.

Не всегда американская авиация могла поддержать действия сухопутных войск, что не мешало американцам уничтожать иракские подразделения с минимальными потерями.

В 1991 году во время боев американцев с дивизией республиканской гвардии «Тавакална» (Tawakalna) и дивизией «Медина» (Medina Ridge) американская авиация долгое время из-за нелетной погоды не осуществляла поддержку атаки 7-го американского корпуса. До наземного боя авиацией коалиции было выведено из строя около 24 процентов от общего числа танков указанных иракских дивизий. Тем не менее оборонявшиеся подразделения были разгромлены сухопутными частями коалиции и без поддержки с воздуха.

Один плененный командир иракского танкового батальона привел такие цифры: при вводе его батальона в Кувейт у него было 39 танков, после шести недель бомбардировок с воздуха у него осталось 32. Все они были потеряны в ходе двадцатиминутного боя с американскими танками.

Рассмотрим опыт наземных боестолкновений более пристально.

ПЕРВОЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Занятие подразделениями сухопутных войск позиций, позволяющих противостоять ударам с воздуха, само по себе не означает, что с этих позиций войска могут эффективно отражать удары наземных войск противника.

Весьма показательный пример – разгром иракской дивизии «Медина» в ходе второй войны. По свидетельству командира 2-й бригады 3-й американской пехотной дивизии Перкинса (Perkins), несмотря на предварительную оценку ущерба в 80 процентов от общего количества бронетехники иракской дивизии, его бригада не встретила ни одной (!) иракской машины, поврежденной с воздуха. Иракцы применили эффективную хитрость: они обустроили обычную оборону, с обычным расположением позиций бронетехники и... расположили все настоящие боевые машины вне этих позиций в пальмовых рощах, в гаражах, спрятали их рядом с мечетями и другими строениями. Американская авиация била по пустому месту. Но такое рассредоточение повлекло быстрый разгром дивизии наземными войсками. Иракцы не смогли организовать скоординированный огонь этими рассредоточенными машинами по атаковавшим американским подразделениям. Иракские танки и другие бронемашины выезжали на позиции для открытия огня по одной и быстро уничтожались сосредоточенным огнем американцев. Свою роль сыграл тот факт, что американцы зашли с севера и ударили по иракцам с тыла. Многие иракские танки и БМП были ориентированы на юг, они выезжали со своих позиций и пытались развернуться, что влекло задержки с открытием огня и способствовало их уничтожению.

Другой прием маскировки от авиации противника, который также ударил по самим иракцам, применялся в ходе ночных наземных боев. Чтобы избежать обнаружения по тепловому излучению ночью с американских самолетов, иракские танкисты не включали моторы своих машин. Бронетехника имела такую же температуру, как и окружающий фон местности, и не могла быть распознана. Правда, в период перехода ото дня к ночи разная скорость остывания брони и грунта позволяла распознавать иракские машины.

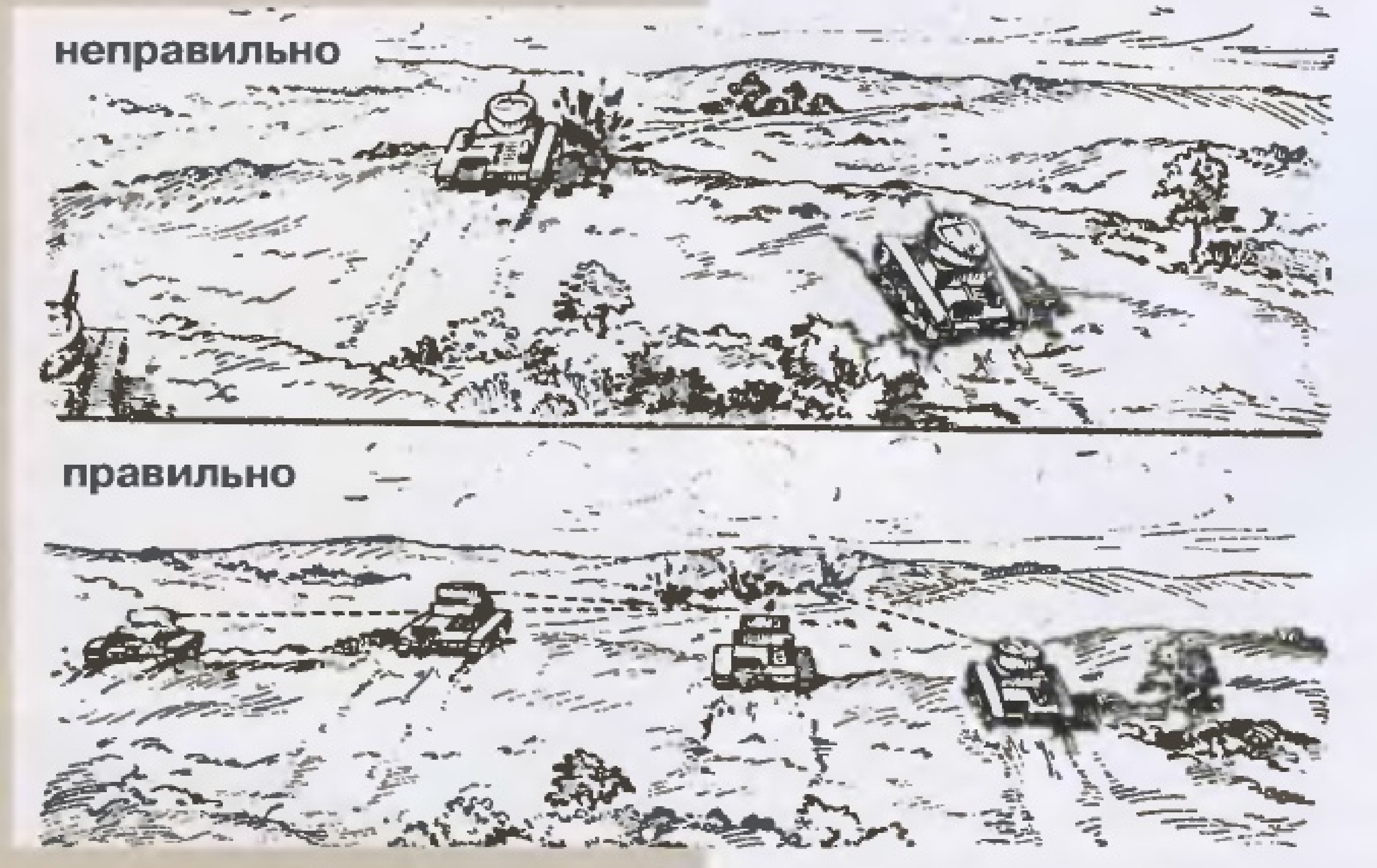
Когда же в ночную атаку шли танки коалиции, то необходимость заводить машины увеличивала рассогласованность действий иракцев. Машины заводились разновременно по ряду причин: разная скорость принятия решений командирами танков, разное расстояние от укрытий экипажа до машины, разное техническое состояние техники, в некоторых случаях – обстрел американцами машин, мешавший членам экипажей залезть в люки. Такая рассогласованность играла на руку войскам коалиции.

Американцы отмечают, что имели место случаи, когда иракские танкисты пытались наводить пушки, поворачивая башни танков вручную, без использования электроприводов. Истинная причина этого не известна. Скорее всего, это было именно стремление сохранить свои машины холодными под фон местности, чтобы не быть обнаруженными в тепловизионные прицелы американских танков. Возможно, иракцы просто не успевали воспользоваться электроприводом поворотного механизма башни – нужно было стрелять. В любом случае это оказалось достаточно неэффективным с точки зрения маскировки. Движение пушки часто выдавало местонахождение иракского танка, и американцы, пользуясь большей скоростью поворота танковой башни, успевали сделать выстрел первыми.

Но даже тогда, когда иракцам удавалось сделать первый выстрел незамеченными, маскировка против тепловизоров сразу пропадала. Температура танка и особенно пушки после первого выстрела повышалась, что позволяло обнаружить машину.

Следует учитывать, что в тепловизоры видно не только нагретую броню, но и горячий выхлоп от двигателей бронетехники. Поскольку устроить отвод выхлопа в сторону по гибким трубам редко когда представляется возможным, то включение двигателя и его работа почти всегда выдадут место нахождения бронетехники.

Одним словом, тактика выдерживания машин холодными под фон местности до последнего момента ошибочна. Да, она существенно помогает снизить потери от авианалетов, но неэффективна против наземной атаки. Попытки вести бой из «холодных» машин, равно как и заводить

■ Схема из пособия 1941 года для бойца-танкиста, показывающая необходимость одновременного появления из-за укрытий, чтобы избежать расстрела машин по одной. Бронетехника дивизии «Медина» разновременно выезжала из-за укрытий, что повлекло разгром всей дивизии

машины непосредственно во время наземной атаки противника, не дадут результата.

Представляется, что правильный алгоритм действий обороняющегося для ночного боя таков. Нужно подсчитать, сколько времени занимает приведение замаскированной бронетехники из «холодного» в полностью боеготовое положение, насколько за это время сможет приблизиться атакующий, учесть дальность эффективного огня орудий атакующего. При подходе противника на это расстояние нужно отдавать приказ на включение двигателей машин, хотя это и нарушает маскировку от тепловизионных приборов. То есть к моменту выхода атакующих на дистанцию открытия огня процесс приведения бронемашин обороняющихся в полностью боеготовое состояние должен быть завершен.

Если наземный противник продолжит сближение, то, дождавшись входа его в зону действительного огня орудий обороняющихся, бронетехника последних выезжает из укрытий на позиции для ведения стрельбы и открывает огонь. Под укрытием в условиях большей дальности эффективного огня орудий противника и большей дальности обнаружения можно считать только позицию, скрывающую машину целиком с башней ниже уровня земли. Танковый окоп с укрыванием корпуса бронемашины землей под погон башни недостаточен, но об этом ниже.

Если атакующий наземный противник остановится и направит свою авиацию на уничтожение нагревшейся и тем самым «проявившейся» бронетехники обороняющихся, то последним придется переходить в атаку на максимально возможной скорости, с тем чтобы смешаться с атакующими подразделениями врага. К сожалению, других вариантов в условиях технологической отсталости у обороняющихся просто нет. Дожидаться в «холодной» машине, пока противник проедет сквозь позиции, – слишком рискованно. Контратака должна быть массированной и скоординирована со стрельбой артиллерии на ослепление тепловизионных прицелов осветительными снарядами и на создание задымления, непроницаемого для наводки ПТУР по лазерному лучу или по проводам. Разрозненные контратаки иракских танков были с легкостью отбиты американцами.

Контратаковать также придется, если укрытий оборудовать не удалось. Например, относительно неожиданный маневр войск коалиции в 1991 году (поэтично называемый боксерским термином «хук слева») вынудил подразделения иракской республиканской гвардии оставить прежние позиции и занять новые. Смена позиций была произведена примерно за сутки-двое до начала наземного боя. В условиях каменистой пустыни ничего, кроме «жиденьких» брустверов из поверхностного песка, нагрести не смогли. И это при том, что иракские инженерные подразделения начали оборудовать новые позиции примерно за две недели до начала наземной операции сил коалиции.

Пустынный рельеф делал брустверы хорошо заметными, и они подвергались интенсивному обстрелу американскими танкистами, в том числе и в тех случаях, когда за бруствером американцы не видели бронемашин.

Подбитый иракский танк в окопе, 1991 г. Видны толщина бруствера и отсутствие заглубления в грунт

Позиции иракских танков в окопах, 1991 год

Даже если не принимать в расчет утверждения американцев об уничтожении иракских танков при стрельбе через брустверы (на многих брустверах были явно видны выемки в местах попадания снарядов), то все равно следует признать, что брустверы не мешали американцам поражать иракские танки.

Иракцам нельзя было полагаться на защиту брустверов, а нужно было контратаковать.

«Противосамолетная психология» обороняющихся иракцев привела в боях 1991 года также к тому, что в момент начала наземной атаки некоторые экипажи бронемашин, посчитав, что начинается очередной авианалет, их покинули, чтобы спрятаться в укрытиях.

И только после того, как им стало ясно, что идет наземная атака, экипажи начинали возвращаться в свои машины. Так, например, на участке атаки американской роты G (Ghost troop) на позиции иракской дивизии «Тавакална» в 1991 году первые ответные выстрелы иракцев прозвучали примерно через 18 (!) минут после начала боестолкновения.

Это давало американцам существенное преимущество – они уже вели огонь на поражение, а по ним еще не стреляли в ответ. Многие экипажи были уничтожены во время попыток забраться обратно в бронемашины.

Ну и, наверное, самый анекдотический случай произошел при захвате американцами аэропорта в Багдаде. Оборона аэропорта была рассчитана на противодействие парашютному и вертолетному десанту при активной поддержке с воздуха. Иракцы создали систему подземных траншей, где были готовы переждать бомбардировки и выйти на поверхность для уничтожения десанта. «Противовоздушная психология» привела к тому, что когда американские танки ночью въехали на ВПП, иракцы их приняли за свои.

И обе стороны спокойно отдыхали до утра на одних и тех же позициях. С утра было сражение, но иракцы, не готовившиеся к бою против бронетехники, его проиграли.

Предварительный вывод: меры по укрытию от нападения с воздуха могут усложнить быстрое и скоординированное открытие огня по наземному противнику, привести к полной неэффективности обороны против массированной наземной атаки. Уязвимый момент — переход от укрытого положения к ведению огня по атакующим, если этот переход осуществляется во время уже начавшейся атаки противника. Риск рассогласованных и замедленных, и как следствие неэффективных действий довольно велик. При планировании обороны необходимо предусмотреть такое нежелательное развитие событий и разработать контрмеры.

ВТОРОЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Низкий уровень подготовленности стрелков и наводчиков орудий СУЩЕСТВЕННО сокращает дистанцию, на которой огонь по врагу эффективен, по сравнению с дальностями, указанными в официальных наставлениях и таблицах.

Это наблюдение настолько очевидно, что нередко не принимается во внимание. А вместе с тем основная причина проигрыша иракцами наземных боев с разгромным счетом может быть элементарной — они просто «мазали», в то время как их американские «коллеги» нет.

В ходе второй иракской войны 4 апреля 2003 года американцы угодили в танковую засаду иракцев в районе, условно обозначенном американцами как участок «Монтгомери» (objective Montgomery). Иракские танки, избежавшие обнаружения с воздуха, внезапно открыли огонь в бортовую проекцию американских бронемашин с дистанции 800—1.000 метров. Результат — полный разгром... иракского (!) подразделения. Иракцы успели сделать 16 выстрелов из своих 125-мм орудий. Ни одного попадания. Промах с «наилучшим» результатом — недолет до цели 25 метров.

После второй войны американцы подняли трофейные записи о проведенных иракцами стрельбах. В одной танковой дивизии оказалось, что за год лишь однажды были проведены стрельбы. Танкистам дали выстрелить по четыре снаряда. В элитной дивизии республиканской гвардии «Багдад» тоже только один раз были стрельбы, но дали выстрелить больше — по десять снарядов. Была дивизия, в которой за год ни разу не проводились стрельбы. Результат очевиден.

Не «отставали» от танкистов и иракские пехотинцы. По наблюдениям американцев, менее 10 процентов выстрелов из РПГ попадали в цель.

Вообще, американцы довольно часто упоминают о таких фактах.

В ходе первой иракской войны был случай, когда из 73-мм орудия БМП-1 с расстояния примерно в 400 метров иракцы, сделав пять выстрелов, не попали по американской БМП «Бредли». Причем американская БМП в этот момент не стреляла из-за поломки в системе привода орудия.

Наверное, самый показательный пример разгрома из-за неумения стрелять произошел в ходе контратаки двух иракских бригад (3-й и 8-й танковых) на наступающие подразделения 1-й дивизии морской пехоты США утром 25 февраля 1991 года, на второй день после начала сухопутной операции в районе нефтяного поля Аль-Буркан (al-Burqan oil field). На вооружении морской пехоты были не «Абрамсы», а более старые M60A1, не имевшие тепловизионных прицелов. В течение первых девяноста минут боя огонь и дым от горевших нефтяных скважин, утренний туман и плохая погода свели преимущество американцев в обнаружении целей на дальнем расстоянии на нет. По тем же причинам над полем боя первые полтора часа американской авиации не было. Американская артиллерия также не вела огонь, поскольку предполагалось использовать вертолеты и была создана запретная зона для полетов, чтобы свои снаряды их не повредили. В хаосе боя отменить эту зону не удалось, хотя применить вертолеты в такой ситуации было невозможно. Операторы ПТУР ТОУ зачастую не могли использовать тепловизионные прицелы, поскольку огонь от нефтяных скважин их засвечивал, особенно если целиться приходилось в направлении горящего нефтяного поля. Кроме того, в дыму и тумане иракские и американские части перемешались, что мешало операторам американских ПТУР вести огонь. ПТУРы могли эффективно использоваться американцами лишь на короткой дистанции. Плохая видимость привела к тому, что противники начинали видеть друг друга на расстоянии 500—800 метров. На таких дистанциях разница в технологическом уровне M60A1 и Т-55 в значительной степени нивелировалась. Результат боя — более ста уничтоженных иракских бронемашин и ни одного убитого у американцев. Дважды в ходе боя иракские танки «натыкались» на командные пункты американцев. Оба раза атаки танков были отбиты морскими пехотинцами без помощи своих танков.

Эффективность огня иракцев была крайне низка.

Из-за неучета снижения дальности эффективной стрельбы при недостаточно подготовленном личном составе в 1991 году иракцам не удавалось реализовывать преимущество обороны на обратном скате. Иракцы размещали технику на удалении, равном дальности стрельбы из танковых орудий.

Расчет ставился на поражение американских танков во время переваливания через топографический гребень. Танки-то через него переваливали, а попасть по ним иракцы на таком удалении не могли.

Трудно оценить, насколько высок уровень мастерства американских наводчиков в мирное время. Но практически в течение всего периода сосредоточения войск до начала наземного вторжения американские военнослужащие интенсивно тренировались на стрельбищах. Уровень квалификации наводчиков орудий и простых пехотинцев к началу боевых действий был очень высок. Это намного увеличило вероятность поражения цели с первого выстрела на большой дальности, что дало неоспоримое преимущество американцам над иракцами в ходе наземных боев.

Предварительный вывод: если приходится воевать плохо подготовленным

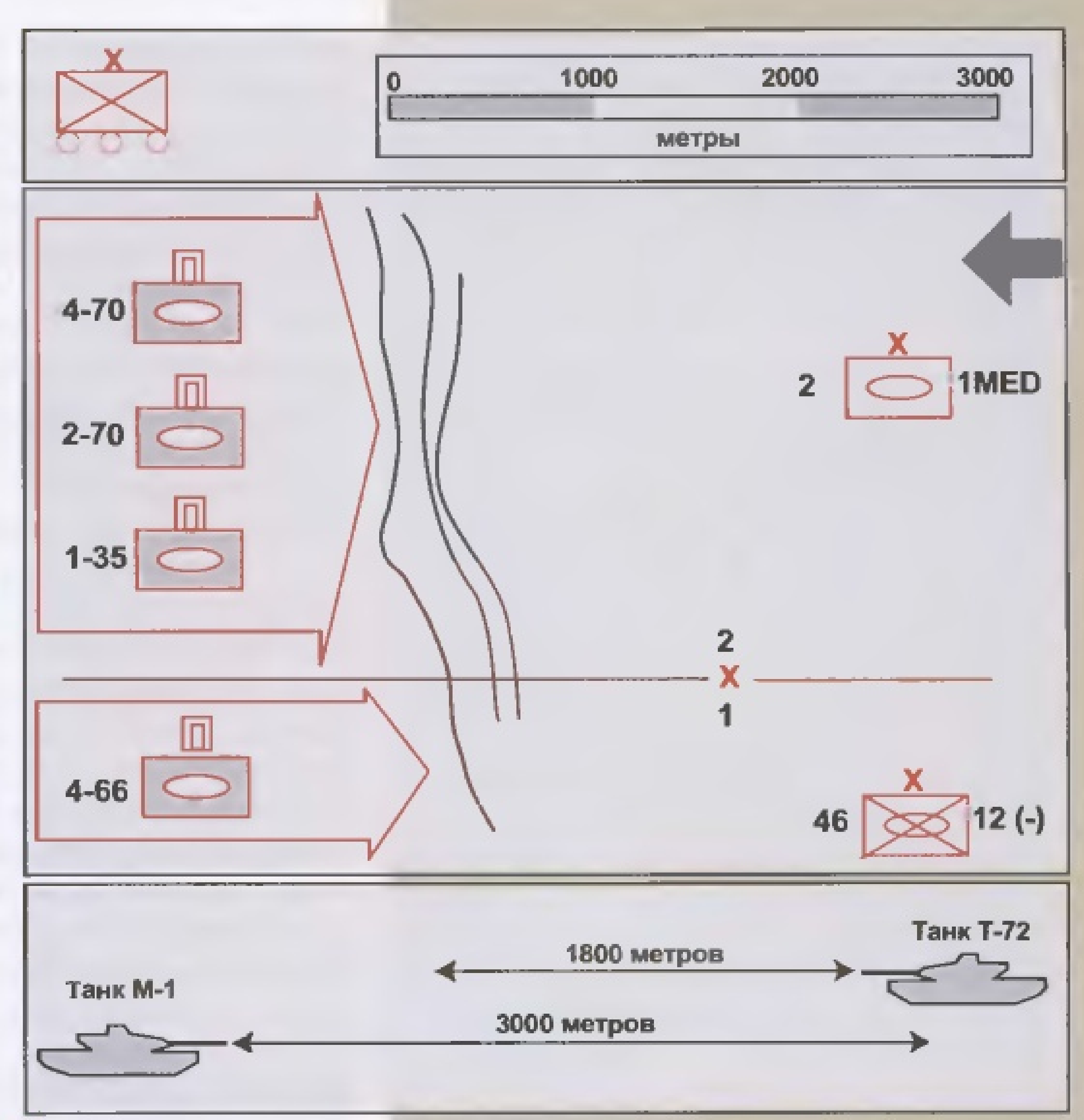
личным составом, то нужно менять всю тактику, рассчитанную на «нормальных» солдат. Надо помнить, что в таких условиях эффективным будет только огонь практически в упор, по крайней мере, на первых порах. И под дистанцию выстрела «практически в упор» придется пересчитывать и расстояния между позициями, и дальности открытия огня, и необходимые плотности танков, орудий и живой силы, и возможность использования определенных тактических приемов и т.п. Лучше все же готовить солдат нормально.

ТРЕТЬЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Армия, имеющая технологическое превосходство, стремится уничтожить противника, не заходя в зону действительного огня его оружия, вести бой на предельных дальностях, превратить боестолкновение в расстрел врага с безопасного для себя расстояния. Причем это может делаться в неторопливой манере.

Примером может служить то, как 2-й батальон 327-го американского пехотного полка (2nd battalion of the 327th Infantry Regiment) вел бой за город Ан-Наджаф в 2003 году. Иракцы заняли позиции в многоквартирных домах на городской окраине и открыли огонь из оконных проемов по наступающим американским пехотинцам и танкам. Причем огонь велся преимущественно с недолетом. Американцы остановили наступление и в течение нескольких часов (примерно с трех часов дня до девяти часов вечера) расстреливали огневые точки иракцев из ПТУР ТОУ с расстояния свыше 1.600 метров. Американцы сделали более 45 выстрелов ПТУР. Одно артиллерийское орудие иракцев было уничтожено ПТУР. Два других — после обстрела вертолетами «Кайова» (Kiowa), американской артиллерией и самолетами. Бомбами также была уничтожена минометная батарея. После того, как огонь иракцев стих, американская пехота пошла вперед. Ожила одна огневая точка иракцев. На здание, где она располагалась, были сброшены две 500-фунтовые бомбы. После этого американцы совсем остановили наступление до следующего утра, поскольку «встретили более сильное сопротивление, чем ожидалось», и еще некоторое время обстреливали иракские позиции из минометов и других артиллерийских орудий и бомбили их авиацией. На следующее утро по дороге к городу были направлены пять поддерживающих танков батальона. Они, малоуязвимые для огня иракцев, должны были вызвать огонь на себя, а в это время остальной батальон с безопасного расстояния расстреливал бы ожившие иракские огневые точки. Однако иракцы сдались.

Принципиальная схема атаки была не в том, чтобы, подавив огонь противника, сблизиться с его позициями и уничтожить его в ближнем бою за счет количественного и огневого превосходства в месте сосредоточения основных усилий. Основная идея — вызвать огонь иракцев на подразделение-приманку, чтобы с безопасного расстояния уничтожать появляющиеся огневые точки. Характерно, что для второго дня боя план был тот же. Тактическая ошибка иракцев была в том, что поражение противника было спланировано исходя из «противопехотной» привычки, оставшейся от ирано-иракской войны, — открывать огнь с максимальной дальности действительного огня своего оружия сразу после захода первых подразделений противника в эту зону. Это привычка связана с тем, что в условиях «обычного» пехотного боя атакующая бегом пехота может довольно быстро преодолеть расстояние до окопов обороняющихся, поэтому последним нужно выбить максимальное число атакующих до того, как те подойдут в непосредственную близость к окопам. Однако в условиях войны с американцами это требование должно было отойти на второй план. Главное — обеспечить живучесть позиций от ведущегося издалека огня противника. «Оживать» оборона должна была только при подходе врага в непосредственную близость к

Вверху: общая схема боя дивизии «Медина» за возвышенность в 1991 году. Слева – американцы, справа – иракцы. Масштаб дает возможность примерно оценить удаление иракских танков от топографического гребня. Расстояния даны в метрах.
Внизу: разница в дальности стрельбы. Слева – американский «Абрамс», справа – иракский Т-72.

обороняемым позициям. После отражения атаки следовало уходить в укрытия и на провоцирующий огонь не отвечать. Очевидно, что уроки первой войны иракцы не учли, по-видимому, списав поражение только и исключительно на господство американцев в воздухе.

Другой пример. 6 апреля 2003 года в ходе боя за перевал Дебека (Debecka) в северном Ираке подразделение американцев на четырех «хаммерах» остановило «классическую» механизированную атаку роты иракцев на МТЛБ, поддержанную четырьмя танками Т-55, загнав стрельбой из ПТУР «Джавелин» (всего было выпущено 19 ракет) иракскую бронетехнику в укрытие за дорожной насыпью. Иракцы вынуждены были перейти к огневому бою на дальней дистанции из укрытия, где они в течение четырех с половиной часов методично уничтожались вызванной на поддержку авиацией американцев.

В ходе первой иракской войны американцы зачастую выигрывали наземные бои, применяя тактику «расстрела на расстоянии» (stand-off tactics).

Танковые подразделения 7-го американского корпуса, которые вели бои с частями иракской республиканской гвардии, атаковали следующим образом.

Американские роты (20–30 бронемашин) наступали строем частично в линию, частично углом назад (hybrid-line-abreast-combat-vee-formation), глубина ротных построений была примерно 1.500 метров. Другой вариант – все машины выстраивались в линию.

Огонь из танков велся на ходу, причем скорость сближения во время атаки составляла 10–15 км/час, то есть танки и БМП буквально ползли. С одной стороны, это затрудняло ответный огонь, так как цель все же двигалась, с другой – не сильно раскачивало машину и не мешало работе системы стабилизации орудий и прицеливанию по иракским танкам.

На участке наступления 2-го батальона 34-го танкового полка 1-й американской пехотной дивизии огонь велся с остановки. Американские танки останавливались в 1.500–2.000 метрах от группы иракских машин и расстреливали их до тех пор, пока все они не уничтожались. Затем батальон преодолевал еще примерно 2.000 метров, и процедура повторялась. Причем для предотвращения огня по своим разрешение на поражение каждой цели давал командир взвода. Атака осуществлялась «ползком».

Аналогично, то есть расстреливая противника с остановки, действовал 14/20-й полк королевских гусар 4-й английской танковой бригады.

Справедливости ради надо отметить: имеется одно упоминание, что 1-я танковая дивизия американцев атаковала иракские позиции на скорости 32–40 км/ч.

БМП двигались позади своих танков на дистанции около 1.000 метров. Они обстреливали местность вокруг них, не позволяя противотанковым группам иракцев подбираться к бронемашинам на близкое расстояние и вести по ним огонь из РПГ, а также пресекая попытки забраться на танки и вывести их из строя подручными средствами.

В различных погодных условиях и ночью американцы распознавали иракские бронемашины на разных дальностях. Но «классическим» в описании боев за Кувейт стало обнаружение американцами иракских танков в тепловизионные прицелы за 5–6 километров, а при подходе на дистанцию 2,5 км американские танки начинали расстреливать иракские. При этом иракцы, имея худшие приборы наблюдения, не видели американских танков и стреляли (если стреляли) только по вспышкам выстрелов. Причем снаряды иракских танков, как правило, не долетали до американских.

Но необходимо отметить, что обнаружение на таких дальностях имело место не всегда. Американцы упоминают и 2.000 метров, и 600 метров, и 2.300 метров, и 3.700 метров, и 1.000 метров, и 3.000 метров. Но при этом всегда подчеркивают, что они видели врага первыми.

Таким образом, американцы обеспечивали себе возможность расстрела противника на расстоянии, в то время как противник не видел целей и не мог их достать огнем из своего оружия.

В 1991 году схожая ситуация складывалась у французов: их танки АМХ-30 эффективно поражали Т-55 на дистанции 2.000 метров, а Т-55 могли их поразить только с 1.200 метров.

В ходе второй иракской войны имел место случай, когда одна рота (10 танков «Абрамс» и 4 БМП «Бредли») отбила контратаку 10-й иракской бригады, пытавшейся вернуть контроль над мостом через Евфрат (участок «Персик» – objective «Peach»). Бой шел с трех часов ночи до шести утра. Американские танки стреляли по тому, что в тепловизионные прицелы было видно как маленькие светящиеся точки. Это были контратакующие танки и БМП иракцев, которые не могли вести эффективный огонь по американцам. Бой был выигран за счет большей дальности обнаружения целей ночью и большей дальности эффективной стрельбы у американцев.

В российской прессе, основываясь на данных из статьи инженера фирмы

CMS, занимавшейся очисткой американского сектора от иракской техники после войны 1991 года, М. Хелда, опубликованной в 2000 году в журнале «Боевая техника» (Journal of Battlefield Technics), часто отмечают следующее. Примерно 70 процентов боевых поражений иракских танков было от кумулятивных противотанковых ракет, а на долю танковых снарядов приходилось 20 процентов (еще 10 процентов – на остальные средства поражения: бомбы, мины и пр.). В связи с этим высказывается предположение, что в бою «Абрам-

сы» в основном прикрывали легкобронированные БМП «Бредли», ведя не очень точный и малорезультативный огонь по иракским позициям. Основное поражение осуществлялось именно огнем ПТУР с БМП.

При этом принципиальная схема атаки, построенная на расстреле позиций противника издалека, сохраняется.

Предварительный вывод: в бою может получиться так, что приходится использовать менее совершенную технику, чем у противника. Меры по парированию технических преимуществ противника тактическими приемами следует специально планировать при ведении как обороны, так и наступления. Количественное превосходство менее передовой техники над участвующей в бою на стороне противника более передовой само по себе не может обеспечить успех, если оно не соединено с тактикой, компенсирующей технический разрыв.

парами, каждый из которых ехал по одной из сторон траншеи. Действуя совместно, пара танков заваливала траншею одновременно с двух сторон. Причем траншея простреливалась вдоль из БМП, которая ехала, как бы оседлав траншею.

Другой вариант: танки также шли парами, с внешней стороны каждого из них шла БМП «Бредли», которая подавляла окопы огнем, а позади танков шли еще две БМП, которые расстреливали все, что осталось неуничтоженным. Танки шли на скорости 12 км/ч.

Безусловно, такой танк, засыпающий траншею, очень уязвим. Но вся местность вокруг него обстреливалась очень плотным огнем из других бронемашин. Повторюсь, так поступали на участках прорыва, где создавались достаточные концентрации поддерживающей бронетехники, чтобы иракцы не могли помешать бульдозерным работам. У иракских гранатометчиков или операторов ПТУР просто не было возможности высовываться из окопов для производства выстрелов по танку с бульдозерным оборудованием.

При штурме небольшого населенного пункта в ходе войны 1991 года американцы в качестве штурмовой группы использовали группу из семи бронемашин: два бронированных бульдозера (combat earthmovers), одна инженерная машина с 165-мм короткоствольным орудием и четыре БМП «Бредли». Уничтожение обороняемых зданий и окопов иракцев возлагалось на снаряды инженерной машины и на бульдозеры, сносившие стены и засыпавшие окопы. Приданные четыре БМП осуществляли поддержку огнем вблизи, а остальные танки и БМП подразделения — на удалении.

Собственно, ничего нового в идее обрушения окопов танком нет. Это использовалось еще в ходе Второй мировой войны. Иракская пехота оказалась не готова противодействовать такой тактике, хотя вполне могла ее ожидать от наступающих механизированных частей коалиции. Средством противодействия могли бы стать импровизированные переносные фугасы, закладываемые на дно траншеи или лучше в отходящие от нее «усы», через которые вынуждены переезжать танки. Эти фугасы подрываются при проходе танка с бульдозерным оборудованием в непосредственной близости над ними. Мины, закладываемые в бруствер, неэффективны, они также снимаются бульдозером. Впрочем, иракцами ничего сделано не было.

Прорыв их оборонительных рубежей произошел настолько быстро и эффективно, что распространилось мнение о том, что никаких прорывов просто не было.

Предварительный вывод: в уставах и наставлениях следует указать на меры, которые необходимо предпринять при подготовке обороны, чтобы пехота могла противодействовать тактическому приему обрушения окопов танками. То же можно сказать о снятии минных полей минными тралами, установленными на танки.

Преодоление американскими танками иракских окопов, 1991 г.

ЧЕТВЕРТОЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Бронетехника может самостоятельно справиться с «зачисткой» окопов без помощи спешенных пехотинцев, по крайней мере, если обороняющаяся пехота не будет готова противостоять соответствующей тактике механизированных подразделений.

В 1991 году американцы для уничтожения позиций иракской пехоты на участках прорыва оборонительных рубежей вдоль границы Кувейта и Саудовской Аравии использовали метод засыпания траншей. На танк навешивалось бульдозерное оборудование, и он ехал вдоль линии траншей и засыпал их вместе с иракскими солдатами.

Американцы применяли танки парами...

ПЯТОЕ ТАКТИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

В обеих кампаниях в Ираке американцы использовали тепловизоры. Отметим ряд тактических моментов, которые проявились при применении этих приборов в боевых условиях.

1. О засветке тепловизионных прицелов.

В ходе ночных боев тепловизионные прицелы подвергались засветке из-за пламени от горящей бронетехники и вспышек взрывов, что вело к «ослеплению» танков.

Укажем также, что, по утверждениям американцев, обстрел иракских танков 25-мм снарядами американской БМП «слепил» приборы ночного видения иракских танков.

Возможно, что в ходе ночного боя можно вести обстрел на «ослепление» вражеской бронетехники. Впрочем, этот вопрос требует отдельного изучения.

2. О стрельбе по своим в ночном бою.

Техника обнаруживается в тепловизионные прицелы, в том числе по вспышкам выстрелов. Отсюда появлялась вероятность открыть огонь по своим.

В одном бою иракские противотанковые группы стремились поразить наступающую бронетехнику коалиции в заднюю проекцию, поэтому ряд американских танков и БМП развернули свои башни назад и начали вести по ним огонь. Следовавшие за ними танки американцев приняли эти вспышки выстрелов за огонь иракцев и начали стрелять по своим же бронемашинам.

Попадание вражеского снаряда или РПГ по броне идущего впереди американского танка воспринималось в тепловизионные прицелы как вспышка выстрела из этого танка, направленного на наступающих американцев. То есть танк классифицировался как иракский. Это также служило причиной для открытия огня по своим.

По американским отчетам, 1-я американская пехотная дивизия уничтожила таким образом пять своих танков и четыре БМП «Бредли».

Пытаясь отличить свои танки от чужих, американцы открывали по ним огонь из 25-мм орудий БМП. Если экипаж по радио сообщал, что он обстреливается, то танк определялся как свой. Если никто ничего не отвечал — танк классифицировался как вражеский и по нему открывался огонь на поражение.

Для опознавания своих танков американцы использовали также такой метод: подавали сигнал остановить машины, и та техника, которая продолжала движение, рассматривалась как вражеская.

Сходные проблемы существовали и у пехотинцев. Любое мерцание, например при повороте фонарика, могло быть истолковано как вспышка выстрела, направленного на смотрящего в прибор ночного видения. Это могло вызвать желание стрелять «в ответ».

Пилоты самолетов могли воспринимать в качестве бронеобъектов не успевшие остыть осколки от ранее сброшенных бомб.

3. Об обнаружении.

«Холодные» иракские танки в некоторых случаях обнаруживались американцами по странным белым точкам, «висящим» в воздухе. Это были лица командиров иракских танков, вылезавших из люков, чтобы лучше осмотреться. Поэтому наблюдатели, которые подавали команды на выезд из укрытия, должны были находиться вне танков, чтобы не выдавать преждевременно положение машин.

В ходе второй войны имелись случаи, когда иракские засады в рощах обнаруживались американцами по тепловому следу, который оставляли человеческие тела, — на дисплеях приборов он был виден. Поэтому находившиеся в засаде иракцы стали накрывать себя одеялами, чтобы не быть обнаруженными.

4. Об атаках пехоты под прикрытием темноты.

Пытавшаяся контратаковать в ночных боях иракская пехота, несмотря на продвижение короткими перебежками, уничтожалась из орудий БМП, экипажи которых прекрасно видели перебегающих пехотинцев в тепловизионные прицелы.

Одна из неудачных атак иракской пехоты произошла 25 марта 2003 года чуть севернее г. Насирия. В ходе попытки ночной атаки на группу остановившихся американских бронемашин примерно 400–500 иракцев, не успев сделать ни одного выстрела, были убиты. 25-мм орудие «Бушмастер», установленное на бронемашинах, имеет ночной прицел двойного действия — как определяющий разницу температур, так и усиливающий имеющийся свет. Орудие может вести эффективный огонь ночью на дистанции 1.000 метров. Иракские гранатометчики просто не могли подойти к американским машинам на дистанцию выстрела из РПГ. Свою роль сыграло, наверно, и то, что иракцы не видели, как других пехотинцев срезает огонь из американских бронемашин, они не могли оценить его эффективность и продолжали подходить ближе под убийственный огонь американцев, не укрываясь от него.

Вообще, упоминания о постоянных, но безуспешных попытках атак иракских гранатометчиков в ходе ночных боев довольно часто встречаются в американских источниках.

Предварительный вывод: *наличие тепловизионных приборов не делает равнозначным ночной бой дневному. Имеется ряд особенностей, связанных с действием соответствующих приборов, которые необходимо учитывать.*

Так, по едкому замечанию одного американского автора, использование очков ночного видения, закрепленных на каске, равносильно игре в футбол, когда игрок смотрит на поле через два рулона туалетной бумаги.

Приборы дают плоское изображение и приводят к туннельному зрению, когда все находящееся на периферии отсекается, зачастую давая ложное чувство безопасности.

Ведение ночного боя при широком использовании приборов для наблюдения в темноте требует тренировок. Сторона, которая может обеспечить лучшую подготовку солдат к ночному бою, даже при равенстве технических показателей используемых приборов у враждующих сторон, получит в ночном бою значительные преимущества. Может быть, будет целесообразным проведение учений, где одна из сторон имеет явное преимущество по количеству и качеству приборов для наблюдения в темноте над другой стороной.

ПРОЧИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

1. О брустверах для танковых окопов.

С брустверами дивизии «Тавакална» в 1991 году связано одно наблюдение. Основная масса позиций бронетехники была развернута к направлению ожидаемой атаки под углом от 20 до 60 градусов.

Зачастую стрелять с позиций можно было только в направлении, в котором позиция была ориентирована. В другие стороны пушку повернуть было невозможно из-за высоты бруствера.

В американских источниках даны разные объяснения, зачем иракцы делали высокие брустверы. Есть точка зрения, что это делалось с целью уменьшения вероятности обнаружения и поражения с воздуха. По крайней мере, добиться того, что только одна машина может быть поражена за один заход самолета. Другая точка зрения, что основная цель — построить систему огня обороны на косоприцельном огне. Это должно было позволить вести косоприцельный огонь, не опасаясь поражения в бортовую проекцию танка.

Участок иракского окопа. Перекрытия отсутствуют

Выложенный камнем иракский окоп

Как бы там ни было, высокий бруствер работал зачастую на руку американцам. Поскольку наземные атаки шли не всегда с ожидаемого направления, такой высокий бруствер мешал разворачивать орудие в сторону атакующих. Это вынуждало иракцев выезжать из-за брустверов, что влекло потерю драгоценных секунд в тот момент, когда противник атакует.

Медленный поворот башни, а также выезд из-за брустверов, мешавшие быстро направить орудие на американский танк или БМП, часто указывались американцами в качестве причины уязвимости иракских танков – они успевали поражать их до того, как те делали первый выстрел.

2. Освещение поля боя ночью.

В ходе ночного боя для использования ПТУР, не имеющих ночных прицелов, можно и нужно применять освещение местности осветительными снарядами или продумать, как это сделать иными средствами, включая подручные. После боев американцы обнаружили на иракских позициях большие запасы ПТУР «Малютка», которые не были использованы иракцами в ночных боях.

Вообще, отсутствие средств для освещения местности приводило к тому, что иракская пехота зачастую не могла вести прицельный огонь из РПГ даже при нахождении вражеской бронетехники на расстоянии 100–200 метров.

3. О требованиях к пехотным окопам.

При обстреле иракских окопов артиллерией американцы добивались воздушных разрывов над окопами, пехота поражалась осколками сверху. Иракские траншеи, не имевшие перекрытий, не спасали от такого огня.

Для выживания под бомбардировками иракские пехотинцы уходили из основных траншей в их боковые ответвления. Таким образом, в момент нанесения бомбо-штурмового удара основные окопы были пусты. Удар приходился по пустому месту.

Вообще, такая тактика не нова. Еще в 1938 году в ходе боев на реке Эбро, когда шла гражданская война в Испании, республиканцы покидали во время бомбардировок основные позиции и занимали их только перед подходом наземных войск франкистов в непосредственную близость к ним.

4. Некоторые приемы маскировки.

Для введения в заблуждение американских пилотов иракцы жгли шины или бочки с нефтью рядом с неподбитыми танками, что создавало впечатление, что машины уже уничтожены.

Для тех же целей неповрежденные боевые машины ставили рядом с подбитыми.

В этом случае лишь при первом налете американцы были уверены, что бомбить можно любую машину. При последующих налетах американские пилоты видели только подбитые машины, не зная, какие из них действительно подбиты, а какие нет.

В американских источниках имеются утверждения о том, что поджигание шин использовалось иракцами для увода бомб, наводимых по лазерному лучу или по тепловому рисунку цели, в сторону.

Отдельные стрелковые ячейки также маскировались под уже уничтоженные. Для этих целей вокруг позиции разбрасывались камни. При этом придавался такой общий вид, как будто бы в эту точку уже попадал снаряд и камни из бруствера были разбросаны взрывом.

5. Об артиллерии.

Иракская артиллерия открывала огонь в основном по заранее пристрелянным зонам. Они отмечались установкой на местности 55-галлонных (200-литровых) бочек. Под ними ночью разводили небольшие костры, чтобы бочки были видны в приборы ночного видения. По идее, при проходе бронетехники американцев мимо этих бочек можно было открывать высокоприцельный огонь. Однако американцы стали объезжать места, обозначенные этими бочками. И вместо пользы они принесли иракцам вред, поскольку вытолкали американские подразделения на участки местности, которые не были заранее пристреляны.

Прицельный контрбатарейный огонь из РСЗО открывался американцами по иракской артиллерии через несколько минут после открытия огня иракцами. Иракской артиллерии не удалось оказать существенную поддержку своим частям.

6. О непривычном невзрывном заграждении.

Довольно любопытно, но построенный задолго до войны для борьбы с контрабандистами и никем не охраняемый и не защищаемый насыпной трехметровый песчаный вал на границе между Кувейтом и Саудовской Аравией (первая линия обороны иракцев была примерно на расстоянии от 5 до 15 километров от границы) служил серьезной помехой тыловому снабжению американцев даже после того, как передовые части ушли далеко вперед. Он существенно ограничивал пропускную способность и задерживал подвоз топлива и боеприпасов. Вал сохранял свое даже не тактическое, а оперативное назначение и продолжал задерживать

американцев уже после того, как американским инженерам была предоставлена полная свобода действий по проделыванию в нем проходов. Возможно, при наличии достаточного количества бульдозеров и отсутствии большого числа мин такие валы могут включаться в систему обороны.

7. Как затруднить жизнь самому себе.

Существенным препятствием для американских танков становились воронки от бомб бомбардировщиков В-52. Имели место случаи, когда техника сваливалась в них.

8. В ходе второй иракской кампании во время песчаной бури иракцам удалось уничтожить два танка «Абрамс» из зенитных пушек, поставленных на пикапы. Машина заезжала в тыл, и танк расстреливался в кормовую проекцию.

Отметим, что встречаются упоминания об успешных действиях в 1991 году иракских танков против американских и английских в районе Басры и военно-воздушной базы Саман. Однако никаких сведений, позволивших бы проанализировать примененные в этих боях тактические приемы, не имеется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Институт военной истории Министерства обороны РФ в 2008 году выпустил 764-страничный труд «Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах». В отношении войн в Ираке сделан следующий вывод: «Характерным для войны в зоне Персидского залива явилось то, что... в этой войне главенствующее место принадлежало стратегическим и оперативным средствам, представленным... авиацией, а также ракетным средствам. Тактические же формирования и их действия (пехотные, танковые и артиллерийские соединения и части) не определяли «лицо» операции, ее ход и исход».

Этот вывод спорен. Предположительно, он основан на информации, поступавшей через СМИ во время и сразу после войны, искажавшей картину событий. Поражение иракцев было непосредственно связано в том числе и с проигрышами наземных боев на тактическом уровне.

Окончательный вывод о причинах побед сил антииракской коалиции можно будет сделать лишь после детального анализа и, возможно, проигрывания на учениях тех сухопутных боев, в которых авиация сил коалиции не играла сколь-нибудь значимой роли. Речь идет о контратаке иракских танков на подразделения американской морской пехоты 25 февраля 1991 года в районе нефтяного поля Аль-Буркан, о боях с дивизией республиканской гвардии «Тавакална» и дивизией «Медина» в 1991 году, бое дивизии «Медина» со 2-й бригадой 3-й американской пехотной

дивизии в 2003 году. Пока подробной информации нет, указанные выводы нельзя считать достоверными.

2. Наверное, одна из основных проблем, стоящих перед российской военной наукой, – это ведение войны в условиях технологического превосходства противника и его господства в воздухе. Самый важный вывод из иракского опыта – рассредоточение допустимо лишь до определенного предела, за которым резко падает эффективность действий против наземного противника. По-видимому, противоядие следует искать в маскировке по принципу «перенасыщения местности ложными целями» и «под уничтоженный объект». Широкое рассредоточение возможно лишь в тылу.

Остальные преимущества технологически развитого противника – большая дальность стрельбы, быстрота открытия ответного (особенно контрбатарейного) огня и лучшая видимость ночью могут парироваться тактическим приемами при условии, что войска им обучены.

ИЗ ШТАБА И С ПЕРЕДОВОЙ ПО-РАЗНОМУ ВИДИТСЯ БОЙ

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Около года назад на страницах журнала «Солдат удачи» возник спор, который меня не оставил равнодушным. Спорили между собой два артиллериста, авторы статей журнала. И касался он, этот спор, разных вопросов использования артиллерии. Я не артиллерист, поэтому не все мне в нем было понятно. Но одна тема заинтересовала. Сама по себе она была, на первый взгляд, простая, но показалась интересной. И заставила задуматься. Если коротко, то суть дела такова.

Один из участников спора, Борис Цеханович, рассказывал, что в первую чеченскую войну находился в должности командира противотанковой батареи 276-го мотострелкового полка Уральского военного округа. И там, в Чечне, применял, причем достаточно эффективно, ведение огня ПТУРами по малозначительным целям. Например, по одиночным боевикам. Боевой счет данного подразделения постоянно рос, поэтому сам Борис считает свои действия правильными. Боевиков они уничтожали, а какими средствами и способами – какая разница? Но не все в этом полку разделяли его точку зрения, в том числе и командование части.

В ту пору я и сам проходил службу в Уральском военном округе в должности командира батальона. Некоторые из подчиненных мне офицеров и прапорщиков тогда тоже побывали в командировках в Чечне, где участвовали в боевых действиях, в том числе и в составе 276-го мсп. После возвращения с Кавказа они много рассказывали о том, что им довелось повидать на той войне. И подтвердили, что практика обстрела одиночных боевиков ПТУРами в полку имела место. А о командире противотанковой батареи этого полка отзывались очень хорошо и с уважением.

Другой участник спора, тоже автор статей журнала Андрей Кириллов, придерживается в этом вопросе совсем другой точки зрения и приводит свои аргументы. В частности, он доказывает, что противотанковые управляемые снаряды являются боеприпасами дорогими и редкими. В войсках это по сути дела «штучный товар», поэтому расходоваться они должны продуманно и по действительно важным целям. Расстреляв ПТУРы куда попало, можно оказаться безоружным и беззащитным при появлении бронеобъектов противника. В качестве примера он приводит действия тех же чеченских боевиков, которые подобные боеприпасы применяли гораздо эффективней. По одиночным бойцам они ПТУРами не палили, а использовали их для ведения огня по нашей бронетехнике и вертолетам, добиваясь при этом хороших результатов. Кроме этих примеров он ссылался на исторические факты Великой Отечественной войны и опыт афганских и чеченских событий. Как итог, этот участник спора утверждает, что в любом случае боеприпас, используемый для поражения цели, должен соответствовать важности цели. И касается это не только использования ПТУРов не по назначению, но и других редких и дорогих боеприпасов.

И кто же из спорщиков прав? В определенной степени есть здравый смысл в утверждениях как одного, так и другого. Может быть, и мое мнение в этом споре не окажется лишним и кого-либо заинтересует.

Если ссылаться на события Великой Отечественной войны, то и здесь все не так просто и однозначно, как пишет Андрей Кириллов, например, в «Солдате удачи» № 6 за 2008 год. Здесь он приводит исторические факты, работающие на его точку зрения. Но ведь имеются и другие примеры, противоположные.

Много чего происходило в те трудные годы. Случалось, и боеприпасов было мало, приходилось их экономить. Бывало, что перед атакой бойцы получали всего по десятку патронов к вин-

товке. Тогда вся надежда была на штык. Но чтобы ударить штыком фашиста, до него нужно еще суметь добежать! Было и так, что на обороняющуюся стрелковую роту имелось только две противотанковые гранаты.

Известны случаи, когда, отступая и выбираясь из окружения, наши бойцы катили через лес чудом уцелевшую пушку, а несколько оставшихся к ней снарядов несли на руках, перепеленав их чистым нательным бельем, словно младенцев.

Есть свидетельства (даже маршал Г.К. Жуков говорит об этом в своих мемуарах), когда подразделения поднимались в атаку, не имея винтовок на каждого бойца! Зачем это было нужно? Сейчас трудно представить себе чувства человека, идущего без оружия в атаку на противника. А если ему удастся добежать до окопов противника, что он сможет сделать? Искусать врага?

Так что случались обстоятельства, и довольно часто, когда хочешь не хочешь, а боеприпасы приходилось экономить. Но не всегда так было. Имели место и обратные примеры.

Товарищ Сталин, разговаривая с генералом М.Е. Катуковым, требовал, чтобы танкисты, атакуя, вели огонь с ходу. И это при том, что ни о какой точности стрельбы уже речи не было. Куда можно попасть, стреляя из идущего в атаку танка, не имеющего стабилизатора вооружения? Только в сторону врага. Поразить цель можно лишь случайно. От танковых экипажей требовали, чтобы они не возвращались из атаки с неизрасходованным боекомплектом. Все снаряды туда – по врагу.

А вот события, произошедшие еще до Великой Отечественной войны. Апрель 1940 года, совещание по итогам финской войны. Здесь произошел диалог Сталина с В.И. Чуйковым. Многие высказывания Сталина являются интересными: «...Если мало боеприпасов расходовали, то много людей расходовали. Тут надо выбирать одно: либо людей надо пожалеть, но тогда не жалеть снарядов, патронов, либо жалеть патроны и снаряды, тогда людей будете расходовать. Что лучше? ...Если бы наша артиллерия стреляла только по целям, до сих пор бы воевали. ...Никогда снарядов в современной войне нельзя жалеть и патронов нельзя жалеть. Если будем жалеть – это преступление. Если не будем жалеть снарядов и патронов, тогда мы людей сохраним и выиграем войну в пять раз раньше».

И Мерецкову Сталин возразил, когда Кирилл Афанасьевич попытался оправдать большие потери: «Воевать можно с малой кровью, но с большим расходованием снарядов». И в чем товарищ Сталин не прав? Он что, в современной войне не разбирался?

Маршал А.И. Еременко в своих дневниках, опубликованных в «Военно-историческом журнале», говорит то же самое: что требовал перед атакой проводить долгую и мощную артподготовку. Били по площадям и боеприпасов не жалели.

Правда, обо всем этом нам стало известно из книг, кинофильмов и рассказов ветеранов.

И здесь нужно учитывать, что сорок первый год – это одно дело, а сорок четвертый или сорок пятый – совсем другое. Поэтому проводить аналогии и делать сравнения, например с чеченскими или афганскими событиями, не совсем корректно. Это совершенно разные вещи.

С тем, что происходило в Афганистане и Чечне, разобраться проще. Это относительно недавние события. Андрей Кириллов тоже приводит те факты, которые ему удобней, чтобы отстаивать свою точку зрения. А между тем и здесь все было по-разному. Примеров этому много, но приведу один, из своего опыта.

Мы двигались в горы, чтобы оказать помощь подразделению спецназа ГРУ, блокированному боевиками в ущелье. Один из наиболее опасных участков маршрута оказался минированным. Но подойти к установленному фугасу, чтобы его уничтожить, было невозможно. Противник вел фланговый огонь из засады, расположенной на вершине и склоне горы. Для выполнения поставленной задачи нам была придана батарея 152-мм самоходок. Решили воспользоваться ее поддержкой. Артналет длился около двадцати минут. Вершина и склон горы, где располагалась засада боевиков, оказались распаханы полностью. Когда артиллерия закончила работу, вперед пошли саперы. С горы по ним не то что ни одного выстрела не было сделано, но даже ни одного звука не донеслось. Тишина.

Подорвали фугас и пошли дальше. Через некоторое время вышли к переднему краю обороны противника, который открыл по нам огонь. Изготовились к атаке, вперед выдвинулась группа огневой поддержки. Наша группа огневой поддержки – чистой воды импровизация. Она включала БТР, БРДМ с их пулеметами КПВТ, зенитную установку на КамАЗе, один миномет, один АГС-17 и два крупнокалиберных пулемета «Утес». Приданная артиллерия в данной ситуации нам уже ничем помочь не могла. Слишком большая дальность, а до противника – рукой подать. Это как раз к разговору о РБУ (рубеж безопасного удаления). Как бы там ни было, а приданной артиллерией воспользоваться не рискнули, хотя с нами и был опытный артиллерист. Но он не гарантировал, что в этих условиях сможет филигранно сработать. Решили обходиться своими силами.

Группа огневой поддержки открыла ураганный огонь по узкому участку обороны боевиков, который планировалось атаковать. В это время пехота начала выходить на свои рубежи: одно подразделение максимально приблизилось к противнику с фронта и заняло огневые позиции, а другое начало заходить во фланг. Сами того не зная, использовали тактику пехотных подразделений, применяемую в армиях США и Израиля.

В данном случае нет необходимости подробно описывать, как и что происходило. По команде наша пехота с фланга пошла в атаку, а то подразделение, что заняло позиции с фронта, стало ее прикрывать огнем, обстреливая огневые точки противника. Но не все они оказались нами подавлены. С началом нашей атаки противник начал вести сильный ответный огонь. Атака была сразу прекращена, обстрел позиций боевиков продолжился.

Мощным огнем сметаем врага с позиций. Атака повторяется. Оживающие огневые точки боевиков накрываем сосредоточенным огнем нескольких огневых средств. По стреляющему автоматчику били сразу два-три гранатомета и крупнокалиберные пулеметы. Такой маневр огнем дал замечательные результаты. Никто и не вспоминал про расход боеприпасов, их было предостаточно. Не экономили.

Противник отошел, пытаясь закрепиться на другом рубеже. Снова мощный огневой налет и атака во фланг. Теперь атакующее и прикрывающее подразделения поменялись местами. В создавшейся обстановке так действовать оказалось выгоднее.

Спецназовцы, которым мы шли на выручку, тоже двинулись нам навстречу. Связь с ними устойчивая, и это позволило корректировать наши с ними действия. В конечном итоге коридор в обороне противника был пробит и спецназовцы вышли из окружения.

Конечно, не все в реальных действиях получилось так ровно и гладко, как на словах. Были отдельные шероховатости и накладки. Но ведь и действовали мы без тщательной подготовки и тренировки, все решения принима-

лись непосредственно на месте и сразу выполнялись. Тем не менее операция была успешно завершена.

А вопрос о наших действиях и расходе боеприпасов вновь был затронут вечером того же дня, когда меня вызвали к телефону ЗАС для доклада и «разбора полетов». Каково же было мое удивление, когда пришлось выслушать упреки по поводу нерасторопности наших действий и большого расхода боеприпасов. Особенно артиллерийских снарядов. Дословно было сказано, что мы расстреляли «два самосвала» снарядов калибра 152 миллиметра, для того чтобы уничтожить пять-шесть боевиков. И тут же были даны рекомендации и советы по вопросу правильных действий в той ситуации. Оказывается, нам следовало выйти во фланг и тыл засаде, после чего атаковать ее. Взять гору штурмом и «стереть боевиков в лагерную пыль». А «наваленные там штабелями их трупы» снять на видеопленку в виде отчета и для показа представителям прессы. Ничего подобного сделано не было. Поэтому – плохо!

Давно известно, что из кабинета штаба и из окопа на передовой война видится по-разному. Более всего было непонятно услышать подобные слова и упреки от грамотного, умного и уважаемого генерала.

Но вернусь снова к начатому спору. На войне без артиллерии и артиллеристов не обойтись никак. Правда, пусть артиллеристы не обижаются, но в бою они находятся в несколько других условиях, чем, например, пехота. И условия эти равными назвать нельзя, если только артиллерия не ведет огонь прямой наводкой.

Пехотинец видит противника перед собой. Видит врага, по которому стреляет, в которого целится. Этот противник, видимый и невидимый, тоже ведет по нему огонь. А это, надо сказать, непередаваемые ощущения. У пехотинца весь бой происходит перед глазами, и чувствует он его собственной шкурой.

У артиллериста все происходит по-другому. Он находится на огневой позиции, противника, по которому ведет огонь, не видит. У него есть данные для стрельбы: установки, поправки, координаты цели и так далее. А кроме того, он в этот момент не испытывает на себе ответного огня. Работает в спокойной обстановке и не знает, куда попадает. Результаты стрельбы видит только корректировщик, который находится на передовой вместе с пехотой.

Командир противотанковой батареи 276-го мотострелкового полка и люди его расчетов тоже находились на передовой вместе с пехотой. Они видели противника и стреляли по нему, а тот соответственно вел огонь по ним. И в тех условиях им лучше было знать, какая цель является наиболее важной и каким способом ее удобнее уничтожить.

Кроме того, те, кто непосредственно участвовал в бою, прекрасно знают, как порой трудно бывает уничтожить врага. Это только в кино получается легко и просто, а на самом деле все выглядит совсем по-другому. Казалось бы, идеальные условия для уничтожения противника: и дальность до него небольшая, и хорошо прицелиться имеется возможность. А начинаешь стрелять – и попадаешь куда угодно, только не в него. И врагу каким-то невероятным образом удается уйти невредимым от вашего огня. Почему так?

Все просто: «закон подлости» еще никто не отменял, и не только бутерброд всегда падает маслом вниз. Поэтому если видишь перед собой врага, его нужно стремиться уничтожить любыми доступными способами, так как другой такой возможности может и не представиться.

Есть еще один вопрос, в котором Борис Цеханович, по-моему, прав. На складах скопилось огромное количество различных боеприпасов. У многих из них уже давно истек срок годности. Вместо того, чтобы своевременно проводить ревизии и боеприпасы с истекающим сроком хранения передавать в войска для использования, их просто «сгноили» на складах, превратив в утиль. Теперь они валяются на складских территориях в виде хлама и мусора и ожидают утилизации. Так не проще ли было своевременно использовать их в войсках для подготовки экипажей и расчетов, проводя с ними учебные стрельбы. Их, выходит, нужно экономить только в боевой обстановке?

А как можно определить, какая цель в бою наиболее важная, а какая второстепенная? Например, убегающий чеченский боевик – это какая цель? Второстепенная? Она не достойна выстрела по ней ПТУРом? Так следует понимать, что этот боевик не все время будет убегать. Когда-то он в конце концов остановится, займет огневую позицию и изготовится к стрельбе. А потом, выбрав подходящий момент, откроет огонь. И кого ему тогда удастся поразить? Может быть, лично вас?

Статьи Андрея Кириллова, напечатанные в «Солдате удачи», считаю умными и интересными. Но в данном вопросе с ним, увы, согласиться не могу. Чтобы понять, какая цель достойна какого боеприпаса, нужно посидеть вместе с пехотой в окопах на передовой под вражеским обстрелом, походить с ней в атаку, помесить грязь в пеших маршах. И тогда не жалко будет по боевику выстрелить или ПТУРом, или из танковой пушки. Страна у нас большая и богатая. А кроме того, сейчас не сорок первый год, чтобы экономить боеприпасы в бою. Поэтому действия личного состава упомянутой противотанковой батареи в сложившейся обстановке можно считать совершенно правильными.

Окажись я сам на месте ее командира и увидев перед собой спину убегающего боевика, сделал бы по нему пуск ПТУРом, не задумываясь. И был бы прав. Я в этом абсолютно уверен.

КОЛОННА ИДЕТ В «АД»

Роман СПИРИН

Расскажу одну историю из своей боевой практики. Может быть, кому-то из читателей журнала она будет не только интересна, но и полезна. Дело было в самом начале первой Чечни. Мы штурмовали Грозный...

В ПРЕДДВЕРИИ «ЧИСТИЛИЩА»

...31 декабря 1994 года. 6 утра. Начали движение в сторону Грозного, а это всего каких-то пару десятков километров. Что нас ждет, никто не знал. Как говорится, все еще живы...

Я, в то время лейтенант, начальник разведки дивизиона, сижу на самоходке – командиром орудия назначен. Война есть война, и такое было: офицер – и вдруг командир орудия. Веду я не просто 2С3, а орудие прямой наводки, входящее в состав 2-й штурмовой группы полка. Наша конечная цель – закрепиться в больничном комплексе. Да, потом будет знаменитый фильм Невзорова «Чистилище» про «наш» больничный комплекс, а пока... едем к Грозному. На самоходке – как на танке, только броня слабовата: толщина от 3 до 12 миллиметров. Да и на танках-то брони не хватает, хоть с активной защитой идут. Не хватает, когда чуть ли не в упор на городских улицах бьют из гранатомета... Но это все для всех нас еще впереди.

Наш расчет успел навесить на самоходку ящики с землей, кирпичами – со всех сторон закрепили, даже на крыше (зная про работу их снайперов-гранатометчиков, способных поразить технику сверху). Пока ехали, пара ящиков все-таки упали, ничего, зато остальные висят. Мы еще даже представить не могли, как они нас потом спасут...

И вот мы на окраине Грозного. Впереди слышны разрывы и стрельба. Проезжаем русское кладбище, по сторонам пошли первые дома. Техники очень много, улица Лермонтова забита. Движемся вперед очень медленно. Вот по броне ударили первые пули. Так мы входим в бой. Он растянется на несколько дней...

Торчу из люка командира орудия, смотрю по сторонам, нет ли где на крышах домов и в окнах гранатометчиков. Посадил на противооткатные устройства орудия (проще говоря, на ствол) штатного командира орудия (он после «учебки», хоть стрелять умеет), а то одному скучно, две пары глаз всегда лучше. Под рукой «мухи», гранаты, даже дымовая мина наготове (если придется орудие покидать под прикрытием дыма), не говоря уже о родном АКС-74У. Да, автоматы у нас маленькие, ведь мы артиллеристы, и основное наше вооружение – это орудие. В подсумке у каждого четыре магазина, один из них заряжен трассирующими пулями. Из боевого отделения заряжающие готовы подать снаряженные магазины. Внизу вскрытые цинки с патронами, надо очень быстро заряжать, менять пустые.

КАК ПОТРОШИЛИ «ОСИНОЕ ГНЕЗДО»

Проехали первое высотное здание – девятиэтажку, за нами в колонне движется ГАЗ-66 с «васильком», но миномет не кузове, а на прицепе. Минометчики тоже укрепились, как могли: по бортам мешки с землей, ощетинились стволами автоматов.

Сзади характерный звук выстрела из гранатомета. Оборачиваюсь. Успеваю краем глаза увидеть, что стреляют из окон седьмого этажа по колонне – техники много, не промахнешься... Тут же БМП-2 подняли стволы пушек и начали стрелять по окнам. Беда в том, что палят куда попало – в оптику им плохо видно из башен.

Решение созрело быстро. До штурма Грозного меня готовили как корректировщика, поэтому и карта крупного масштаба была при себе с плановыми целями; и частоты, и позывные огневых позиций, что вокруг города раскиданы, я знал, и пароли. Но самое главное, что была у меня радиостанция «Арбалет» – маленькая, с запасными аккумуляторами. Я ее тут же включил, настроил частоту, такую частоту настроил и на радиостанции Р-123 в боевом отделении. Наводчику налел шлемофон, подключил к радиостанции. Вошли друг с другом в связь. Проверили – все нормально. Сказал

наводчику: «Слушай меня и выполняй, что скажу! Все просто! Понял?!»

После этого спрыгнул на землю. Вокруг кутерьма и столпотворение: свист пуль, разрывы, вот несут раненого, горит БМП, автоматчики палят из окон. Как стрелять из орудия по «высотке»? Ведь уже проехали ее, она сзади. Ствол назад, почти на 180 градусов, не развернуть – слева вплотную частный сектор (забор, деревья), справа – два ряда техники.

Кое-как поставил самоходку поперек колонны *(см. схему на рис. 1)*. Вышел на связь с наводчиком, говорю: «Поворачивай ствол вправо, скажу, когда – стоп! Понял?» Он подтвердил: «Понял!» Тем временем меняю в автомате магазин, заряжаю трассирующими. «Теперь давай ствол вверх! Еще! Стоп! Смотри в прицел, даю два трассера! В окно!»

Ставлю на одиночный огонь. Стреляю трассерами в то самое окно, из которого только что вели огонь по колонне. «Видел?!» – спрашиваю по радиостанции наводчика. «Да!» – «Два снаряда, огонь!»

У меня расчет – молодцы. Снаряд в ствол загнали еще на подъезде к городу. Гильза на лотке. Несколько секунд и... выстрел! Внутри комнаты разрыв. Попал! Да как тут не попасть, каких-то 150–200 метров.

Все отлично, работаем! Работаем по окнам!

«Ствол вправо! Наблюдай трассер! Один снаряд, огонь!» Выстрел! Разрыв. Вот оторвалась панель, обнажив внутренности одной из квартир. Я увидел в межкомнатной стене пробитый проем. Потом мы узнали, что боевики рубили стены, делая проходы между комнатами, благодаря чему могли перемещаться по всему этажу и открывать огонь неожиданно из любого окна.

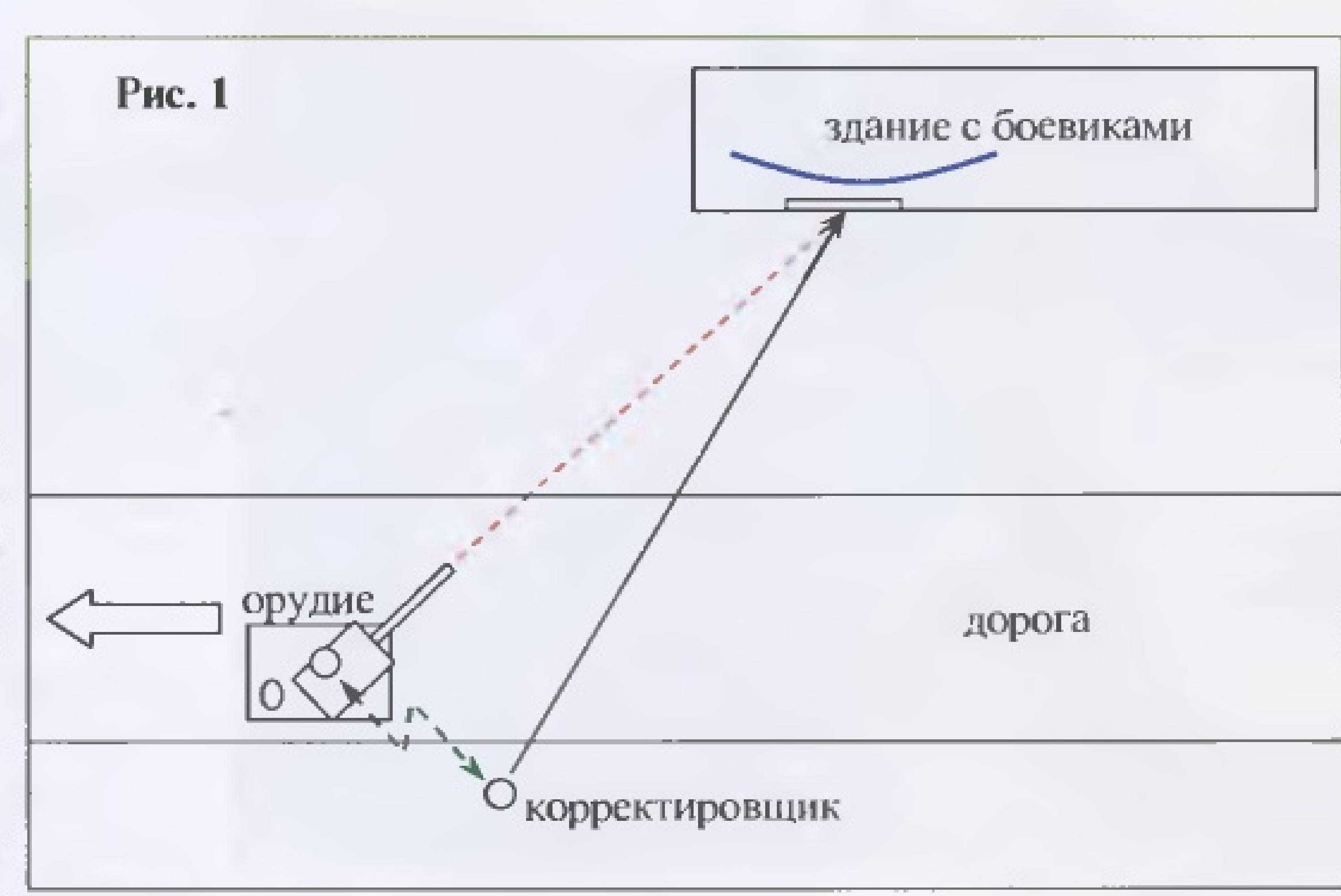
Мы продолжали стрельбу. «Прошерстив» снарядами этаж и убедившись, что стрельба из окон прекратилась, привели орудие в походное положение, только ствол не крепили на стопор, и двинулись дальше. На связь вышел начальник бронетанковой службы, он в техническом замыкании. Ругается (шутя, конечно), что после моих выстрелов его боевую машину завалило кусками панелей от дома. Говорю в ответ, что камень лучше, чем граната от РПГ.

ДУЭЛЬ

Едем дальше. Нет, это трудно назвать ездой – плетемся, будто в пробке, продвигаемся по улице Лермонтова. Вот больница скорой помощи, перекресток, слева мост через Сунжу. Там тоже стоит техника.

...Только как-то странно стоит. Лишь сейчас замечаю, что один из бэтээров возле моста лежит на боку, дымится, а второй застыл на мосту.

К орудию со стороны моста подбегает офицер, орет мне: «Давай поворачивай на мост, там танк и гранатометчики, надо долбануть!»

Да уж, вот тебе стечение обстоятельств... Рядом ни одного нашего танка – одни не доехали до перекрестка, другие уже переехали, а я как раз в центре этого «креста» стою, и офицер мне: «Не бойся, у тебя же броня! Огнем прикроем!»

«Вот, – думаю, – пехота, какая на фиг броня?!» А он не унимается: «Гранатомет в лоб не возьмет! Давай!»

Знаток артиллерии нашелся! Ну что ж, поворачиваю. Подъезжаю и вижу, что на той стороне реки частный сектор, вокруг по берегу много деревьев, дорога через мост скрывается за домом – поворот там, видимо.

И тут из-за этого дома выезжает танк, аккуратненько так, на полкорпуса. Поворачивает башню, стволом в мое орудие тычет и... стреляет. Успеваю заметить, ныряя в самоходку, что мажет он, «двоечник». Его снаряд попадает в дерево, слава богу!

А внутри орудия у нас очень напряженная работа закрутилась, такая что мама не горюй, на автомате, жить-то хочется! Снаряд в стволе, гильза пошла, почему так медленно, не понимаю, я глазом уже в прицеле, наводчик крутит рукоятки поворотного и подъемного механизмов...

Тут опять из-за речки «прилетает» выстрел. В прицеле пропала видимость, разрыв спереди. Слава богу, опять промазал... Да, танки пошустрее будут, автоматическое заряжание – это круто!

Сейчас лопнем от напряжения, гильза зашла, клин закрылся, блокировку сняли. Надо стрелять. Кричу наводчику: «Стоп!» Опять снаружи разрыв. Жму на кнопку. Выстрел! В прицел наблюдаю разрыв, красноватая кирпичная пыль. Еще один снаряд – туда же, в это облако. Разрыв. Не слышно ответа.

С той стороны – тишина. Высовываюсь из башни, жду, когда рассеется пыль. Вижу, что от угла дома, за которым прятался танк, ничего не осталось. Танка нет. Думаю, дело в юрком механике-водителе и в разбитых оптических приборах танка. 152-мм снаряд не шутка, шарахнет – мало не покажется, да еще на такой маленькой дальности. Опять же психологическое воздействие от близкого разрыва. В общем, уехал танк.

Спрыгнул с орудия, весь трясусь. Жив, не попали сегодня в нас!

ПО КРУГУ...

Начало темнеть. Подошел тот же офицер. В двух словах объяснил, в чем было дело. Оказалось, на мосту боевики обстреляли колонну разведбата.

Закурили. Вокруг суетились бойцы, занимали оборону по берегу, окапывались. Поговорить толком не успели. Начали работать снайперы с той стороны, рядом с самоходкой убило солдата, пуля попала в шею. С обеих сторон началась стрельба. По броне орудия опять забарабанили пули. Как попасть обратно в самоходку? Ударил прикладом по башне несколько раз, крикнул, чтобы боковой люк открыли и кто-нибудь высунулся.

Появилась голова заряжающего с распахнутыми обалдевшими глазами – вот так в 19 лет, под конец XX века, у себя в России и на войне оказался... Кричу, чтобы башню вправо повернули на 90 градусов, потом спокойно влезаю туда под прикрытием брони. И мы начинаем расстреливать частный сектор на той стороне. Однако стемнело, и в прицел уже ничего не видно. Осветительными ракетами не разжились, взяли парочку у разведчиков, но этого мало, это резерв – вдруг атака с той стороны. А стрелять надо.

Благо дальности выстрела маленькие. Вылез из орудия, отбежал немного в сторону. Смотрю сбоку на ствол.

потом на дома, в радиостанцию команду, ствол выше или ниже направить. Потом бегу к орудию, ложусь на землю под стволом, опять командую, ствол вправо или влево, потом за орудие, командую: «Огонь!» И так по кругу...

Почти весь возимый боекомплект расстреляли, оставил двенадцать снарядов. Только в крайнем случае теперь стрелять будем. Где пополнять боезапас — не знаю, и довезут ли вообще снаряды в город?

«ПОСТАРАЕМСЯ ПЕРЕЖИТЬ!»

Устал... День прошел, хочется кушать. А вокруг тишины нет и в помине, все то же — стрельба, разрывы, свист, вой. Несколько наших машин горят на перекрестке. Одна, видимо, с боеприпасами — рвутся, разлетаются и убивают кого-то... Трассера летают туда-сюда.

Орудие отвел чуть подальше от моста, немного в кювет — хоть какая-нибудь защита. Снаряд в стволе, гильза на лотке, радиостанция на приеме. Посадил дежурить наводчика за прицельные приспособления, одного номера расчета — сверху, впереди башни, ракетницы ему дал. В случае чего — «огонь на поражение»; те же «мухи», гранаты — все у него под рукой. Механику-водителю сказал сидеть на месте, в готовности к маневру, и кушать, не выходя с места.

С остальными сели трапезничать в боевом отделении, вкушать сухпай. Наступал Новый. 1995 год. Вот уж не думал, что так буду его встречать...

Поел. Сменили дежурных. Пошел искать разведчика. Нашел его недалеко, в частном доме, штаб они там сделали. По-серьезному готовились к Новому году: стол накрывали чем могли (в доме никого не было, жители ушли перед штурмом) — соленья-варенья, чем богаты, тем и рады. «Давай с нами встречать», — предложил он мне. «Встречать — это слишком по-мирному, постараемся пережить!» — шутя ответил я. Так и встречали: в темноте без веселых криков, без фейерверков и праздничных салютов — «пиротехники» и так хватало. И радовались, каждый про себя, что живы...

ОБМЕН «ПОЗДРАВЛЕНИЯМИ»

...Боевики дали нам на встречу Нового года пять минут. В 0.05 начался интенсивный минометный обстрел перекрестка. Мина упала на крышу, с потолка посыпалась штукатурка. «Ну все, началось», — сказал я разведчику и побежал к орудию. Молодцы, все на месте в моем расчете. С брони отправил их под орудие, чтобы, лежа на изготовку, продолжать наблюдение.

Возле моста разрывов не было, мины рвались на улице Лермонтова, от нас метров 80—100. Подбежал офицер-разведчик: «Посмотри за мост, за дома, вспышки видишь?»

И действительно, были видны вспышки, силуэты разрушенных домов ярко проецировались на фоне неба. «Из-за реки долбят, надо и нам по ним пострелять», — сказал офицер.

И постреляли. Сели с разведчиком в башню, достали план города, прикинули по вспышкам и по звуку (засек секундомером) направление и дальность стрельбы. На плане по этим данным оказалась площадь с каким-то памятником посредине. Туда мы и решили выпустить шесть снарядов, больше не мог.

Разведчик сегодня зауважал артиллерию — то, что она может, он видел впервые. Получилась полупрямая наводка: дальность — по прицелу, направление — по вспышкам. Я лег на башню и «рулил» наводчиком — куда поворачивать ствол. Потом спрыгивал, орудие стреляло. Затем опять наверх, на броню. Вновь крутим стволом, снова прыжок с брони, выстрел. Засекал время по секундной стрелке часов, вроде, совпадало по дальности со стрельбой боевиков...

Обстрел стих. «Веселый» Новый год продолжался.

ОРУДИЕ УМЕРЛО, ПРЯМО КАК ЧЕЛОВЕК...

Когда наступило утро, я увидел, что вокруг самоходки нет ни одной стреляной гильзы — они загадочным образом все исчезли (после выстрела гильза выбрасывается из орудия через специальный лючок сбоку). Могу лишь предположить, что коммерческая жилка местных жителей, сидящих по подвалам, не гаснет никогда, даже под угрозой смерти, и гильзы ночью растащили именно они. Скорее всего, поэтому после ночи десятка два трупов местных жителей появилось на улице.

Догорали наши машины на перекрестке, было относительно тихо. К мосту подъехали наши танки. Типа на смену. Я попрощался с разведчиком и поехал искать свою штурмовую группу — благо на связь с командиром группы вышел и знал, куда двигаться. Начиналось 1 января 1995 года. Как встретишь Новый год, так его и проведешь! А впереди еще было много тяжелых январских дней, много смертей и неизвестности.

...Мое многострадальное орудие вывели из строя окончательно 11 января. Снаряд, наш снаряд, чиркнул по дереву (спасибо дереву), изменил траекторию и разорвался у катка ровно посредине гусеницы с правой по ходу движения стороны самоходки. Мы внутри ничего не поняли, просто вдруг неожиданно орудие качнуло, в броне появилось много дырочек, и в башню ворвалось солнце...

Орудие умерло, прямо как человек. Оно истекло соляркой, маслом, антифризом, осколками брони, были пробиты все системы. На белом снегу из-под него растекалось черно-коричневое пятно...

Слава богу, весь расчет остался цел, даже никого не зацепило. Спасибо ящикам, висящим по бокам. Я остался «безлошадным». Уже вечером получил задачу убыть рано утром в одно из зданий, поближе к крыше, на корректировку. Так пригодилась моя доновогодняя подготовка артиллерийского корректировщика...

Вообще, можно долго рассказывать, много было интересных и страшных моментов, на книгу хватит. Но вот пока этим поделился...

СОВЕТЫ НАПОСЛЕДОК

Когда приходилось выполнять огневые задачи с закрытых огневых позиций в городе, то пользовались следующим методом. Имелись план города, карта масштаба 1:10 000. Определить координаты огневой позиции не представлялось трудным, а вот с углами было посложнее. С получением координат целей делали так ***(см. рис. 2):***

— по плану определяли дирекцион-

ный угол улицы с помощью артиллерийского круга и линейки;

– устанавливали буссоль (или по центру улицы, или по бордюру) и выставляли на ней определенный по карте угол, то есть ориентировали по известному дирекционному углу;

– определяли основное направление стрельбы;

– совершали последовательно все действия, выполняемые старшим офицером батареи по ориентированию орудий и наводке их на цель;

– выполняли огневые задачи.

Все это, конечно, без претензий на большую точность и отсутствие ошибок. Хотя дальности были небольшие, до 5 км, так что даже ошибка определения дирекционного угла в 0-10 была незначительна.

ПОСТСКРИПТУМ

И последнее. Еще когда готовил эту статью, прочитал в январском (2009 г.) номере «Солдата удачи» отклик майора Р. Краснянского на наш с полковником А. Карповичем материал о проекте новых ПС и УО. Поэтому напишу несколько строк и в ответ на его рассуждения.

Прочитав статью Р. Краснянского, любой человек со стороны сделает вывод о том, что, как всегда в России, руководящие документы составляют дилетанты, не имеющие за плечами ни практики, ни опыта. А это, мягко говоря, нездорово. На самом деле в работе над ПС и УО принимает участие большое количество специалистов рода войск, и мне, как ответственному исполнителю, надо учесть и обобщить полученную информацию. Процесс этот непростой. То, что до автора не дошел проект, – это не вина разработчиков. Отчасти предвидя данную ситуацию, и появилась статья в апрельском номере «Солдата удачи». Вот и автор узнал и захотел почитать – это положительно!

Но зачем так нападать на научно-исследовательскую работу? Надо конкретно вносить предложения в текст самих правил, но я этих пожеланий в данном материале так и не прочитал. Кроме, конечно, предложения сократить документ до каких-то пределов...

А приводимая Р. Краснянским формула, по которой он оценивает сложность ПС и УО (она, по мнению автора, «прямо пропорциональна произведению длины, ширины и толщины документа к количеству разделов и глав), просто подняла настроение! Надо сделать эту формулу универсальной и впредь измерять научные труды в кубометрах...

Цифры для сравнения

издания	Количество разделов	Количество глав	Количество статей	Количество приложений
ПСиУО-96	10	29	643	25
ПСиУО-2006 (планируется)	8	24	577	27

Рис. 2

ОН; Цель; ОН; $\alpha_{он}$; $\alpha_{осн\,ор}$; $\partial_ц$; $\alpha_{ор}$; Дома; Дома; Улица

КАК МИЛЛИОН ОСТАЛСЯ БЕЗ ПОГОН

Василий ХОРЕШКО

Когда оценивают хрущевскую эпоху (1953–1964 гг.), то на первый план выносят субъективизм и волюнтаризм ее главного фигуранта. Накрепко прилепилось к имени Никиты Сергеевича и пресловутое «миллион двести тысяч» – плод его усилий по демилитаризации общества и высвобождению людских ресурсов и средств для развития народного хозяйства. При Хрущеве, считается, произошло первое разрушение Вооруженных Сил. А как иначе воспринимать расформирование множества соединений, училищ, уничтожение огромного количества первоклассных самолетов, кораблей?!

Вместе с тем Сергей Хрущев очень точно назвал книгу об отце «Рождение сверхдержавы» (первое издание имело подзаголовок «Кризисы и ракеты»). «Обеспечение неприступности нашей страны – вопрос вопросов» – так сформулировал свое кредо сам первый секретарь ЦК КПСС в главе воспоминаний, посвященных обороне СССР. Постулат правильный. А что стоит за ним, как решалась проблема в те неспокойные времена?

Хоть шла «холодная война», жила надеждами страна...

Чтобы понять логику оборонно-наступательных инициатив того периода, надо помнить о том, насколько сложной была тогда международная обстановка. Политики детально обговаривали стратегию и тактику в тотальной термоядерной войне. Эксперты и аналитики всех сортов «разбирали по косточкам» худшие из перспектив, всерьез обсуждая шансы на выживание. За океаном нагнетался общественный психоз, сопровождаемый строительством бомбоубежищ. В исследовательских центрах подсчитывались «нормы» водородных бомб, требуемые для уничтожения ключевых объектов противника.

«Поводом к всеобщей войне могут послужить самые разнообразные и неожиданные действия. Она может вспыхнуть как результат слепого случая или недоразумения. Любая из сторон может нанести термоядерный удар в целях защиты своих жизненных, по ее оценке, интересов, или потому, что рушатся надежды, или как шаг отчаяния (например, если одна из сторон считает, что она безнадежно проигрывает «холодную войну»), или рассчитывая получить огромные преимущества от внезапного нанесения первого удара» («Военная экономика в ядерный век», перевод с английского, Воениздат, 1964).

Прогрессивное человечество было шокировано варварским софизмом бывшего командующего ВВС США генерала Туайнинга: *«Лучше атомная смерть, чем коммунизированный мир»*. Соединенные Штаты прежде всего нацелились на то, *«чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля»*. Американские ястребы предпочитали кое-что погорячее: они спланировали начать новую войну еще до 1 апреля 1949 года, предлагая «охватить» атомными бомбардировками «наиболее значительные советские промышленные центры».

Несколько лет подряд мир балансировал на страшной грани — достаточно вспомнить противостояние у Берлинской стены в 1961-м и тем более Карибский кризис в 1962 году.

Вчитаемся в размышления Хрущева, надиктованные постфактум, то есть намного позже оцениваемых событий, когда отправленный в отставку «первый» пребывал на пенсии. *«...Получалось нагнетание сложностей с обеих сторон. Советская Армия вынужденно продолжала расти. Только в ГДР, на этом социалистическом аванпосту, мы имели около миллиона наших военнослужащих. Потом мы довели их до полумиллиона. На большее не рискнули, учитывая наличие американских, английских и французских войск в Западной Германии... СССР был обложен базами США и полностью накрывался его бомбардировщиками. Противник превосходил нас и в численности, и в качестве боевой техники»*. Когда стало очевидным, что даже последние модели наших бомбардировщиков не способны осуществить контрудар, «осталась надежда только на ракеты».

Запад долго не мог прийти в себя от потрясения, пережитого после того, как в 1957 году мы запустили в космос искусственный спутник Земли. *«Теперь СССР стал способен перебросить через океан ядерную бомбу ракетой, в то время неуязвимой»*, — удовлетворенно резюмировал Никита Сергеевич.

Это было время интенсивного поиска абсолютного оружия. Хватало и пробных ходов: ограниченных локальных конфликтов, когда великие державы пытались нащупать друг у друга уязвимые места (боевые действия в Северной Корее и Венгрии, в Лаосе и Алжире). Словом, эпоха «равновесия ужаса», пожалуй, самое точное определение той поры. Был и еще один старательно утаиваемый обоюдный страх: безрассудно, бесцельно растратить ресурсы и при этом нисколько не уменьшить собственную уязвимость.

«Сосиски» + «каша» = победа наша!

«В пропагандистских целях я даже рекламировал на весь мир советское достижение, что мы сейчас делаем ракеты чуть ли не автоматами, как сосиски. Это лишь приблизительно так, потому что мы сумели организовать все же не конвейер, а поточную сборку, — с законной гордостью вспоминал пенсионер всесоюзного значения. — *Сделав упор на форсированное проектирование ракет, проводя успешные их испытания и развернув их производство на бывших авиационных заводах, мы теперь ни в чем морально не уступали США»*.

Будучи на вершине власти, Хрущев сделал уступку военным морякам, «отчаянно переживавшим» нехватку современных крейсеров, и разрешил достроить ранее начатые ракетные эсминцы. Первый из этих кораблей произвел хорошее впечатление своими ходовыми качествами и вооружением. Присутствуя на испытаниях в Белом море первого из этих кораблей, впечатленный его ходовыми качествами и вооружением, Никита Сергеевич пообещал главкому ВМФ С.Г. Горшкову: *«Мы можем сделать таких, сколько нужно. Конечно, со временем, сразу их из котелка не вынешь, это ведь не гречневая каша»*.

Но куда девались щедрые посулы, когда дошло до принятия решения по новым кораблям? *«...Хороши они только для морских парадов... Если бы они вступили в строй, то ни в океанах воду не замутили бы, ни наших противников не испугали, зато оказались бы хорошими источниками опустошения советских карманов»*.

Точно передал отцовский настрой Сергей Никитович: *«Уменьшился срок действительной службы. Молодые люди вернулись домой, и экономика получила дополнительные рабочие руки. Предпринятые шаги вызвали недовольство генералитета; военные, казалось им, теряли свои позиции и привилегии. Мириться с таким положением они не хотели. Но*

отец был непреклонен. Он хорошо знал нравы военных кругов и не намеревался плясать под дудку доморощенных милитаристов».

В отношении классического вооружения Председатель Совмина СССР (вторая должность Хрущева) проявлял определенную осторожность. Не стал потрафлять полпредам «бога войны», даром что те *«скорбели об артиллерии, которая постепенно заменялась ракетами»*. Даже ценя фронтовые заслуги одного маршала, не поощрял его эстетские вкусы, которые тот выразил афоризмом: *«Голоса пушек – симфония, а ракет – какофония». «...Если военных не контролировать и дать им возможность развернуться в собственное удовольствие, то они вгонят страну в бюджетный гроб. На них всегда надо иметь узду и не позволять им пускать пыль в глаза, чтобы добиться своего. Они стараются запугать правительство силами противника. И не только у нас».*

Видно, в курсе был Никита Сергеевич, что делалось «за бугром». Существующая разноголосица донимала и президента США (в 1953–1961 гг.) Дуайта Эйзенхауэра, о чем он сокрушался в открытой печати. Мол, военные, выбивающие бюджетные ассигнования, наперебой (не зная удержу и не разделяя, что необходимо, а без чего можно обойтись) предлагают мероприятия, которые могли бы усилить оборону. Одни ратуют за выпуск огромного количества самолетов. Другие столь же рьяно доказывают роль эскадренных миноносцев или танков, управляемых ракет или орудий. *«...И все называют итоговые цифры «абсолютным минимумом», пользуясь этим термином как разменной монетой. Свою точку зрения они отстаивают энергично и упорно. Но естественно, что все они не могут быть правы».*

Сдается, что генерал армии Эйзенхауэр, как кадровый офицер, оказывался более объективным при утверждении программ национальной безопасности, чем Хрущев с его опытом хозяйственника и партийного деятеля.

«Империалисты все больше начинают понимать, что новая мировая война, если они ее развяжут, кончится еще более сокрушительным разгромом, чем она кончилась для Гитлера, развязавшего Вторую мировую войну», – так заявил Н.С. Хрущев на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 21 июня 1963 года. Речь называлась «Марксизм-ленинизм – наше знамя, наше боевое оружие». Но не требовалось быть шибко догадливым, чтобы понимать, что совершенно другой род оружия придает уверенности лидеру социалистической системы.

Взвесив возможности авиации и флота, высшее руководство СССР отдало предпочтение развертыванию в стране ракет средней дальности и особенно межконтинентальных баллистических ракет, способных осуществить гарантированную доставку всесокрушающих зарядов к целям практически в любую точку земного шара, в любых метеоусловиях и в любое время суток. *«...В 1960 году были созданы первые две ракетные армии (43-я со штабом в Виннице и 50-я – со штабом в Смоленске), на формирование которых были обращены воздушные армии под этими же номерами и большинство входивших в их состав соединений и частей. Затем число армий было доведено до 6, а дивизий стало более 50».* Вновь организованные объединения и соединения очень нуждались в кадрах, поэтому комплектовались за счет не только авиаторов, но и офицеров реактивных, артиллерийских, зенитных и даже танковых и мотострелковых полков. Однако нельзя утверждать, что на фоне всеобщего сокращения это было сущим благом для всех сокращаемых.

Активный участник создания и становления РВСН генерал-полковник в отставке Г.Н. Малиновский, обращаясь к этапу 1946–1959 годов, напоминал, что новая структура впитала вместе с кадрами опыт других видов и родов войск: *«...Не секрет, что авиация передала Ракетным войскам основу организации эксплуатации вооружения, а ВМФ многое дал в вопросах подготовки офицерских кадров».* Однако непросто «приживались», например, выпускники военно-морских училищ. Многие из них считали назначение их в ракетные соединения недоразумением. *«...«Предательское» переодевание (вместо черных бушлатов – форма защитного цвета) болезненно переживалось ими, и мы разделяли их чувства. Ломка продолжалась два-три года. Благодаря лучшей, чем у сухопутчиков, общей подготовке (не боюсь в этом признаться, ибо в этом глубоко убежден) они быстро встали на ноги».* Г.Н. Малиновский нашел самые верные слова, чтобы поклониться подвижничеству соратников: *«Эти люди обеспечили своими судьбами интенсивное развертывание войск межконтинентальных ракет».*

Бывший курсант Ростовского высшего инженерного училища полковник запаса Н.К. Монахов одним мазком дал образный портрет эпохи: *«Первая ракета, которую мы увидели, была немецкая ФАУ-2 конструкции В. фон Брауна. Мы стали непосредственными участниками исторического рывка из прошлого в будущее. В аудиториях мы изучали инженерное чудо – баллистические ракеты, а на парадах вышагивали в сапогах со шпорами, с шашками».* Он же описывает, как в экстренном порядке «меняли кожу» полнокровные части различных видов Вооруженных Сил. В новообразованном соединении (г. Тauraге Литовской ССР) требовалось в короткие сроки поставить на боевое дежурство пять ракетных полков. Два из них были скомплектованы за счет дальней и фронтовой авиации, третий – на базе артиллерийской бригады большой мощности, четвертый – на основе танкового полка и, наконец, пятый практически включал представителей всех родов войск. *«...Характерно, что из летного состава остались служить в ракетных частях единицы. Тяжело переживали освоение новой специальности моряки, державшиеся за свою форму одежды и морские традиции. Квалификация выдвиженцев на ту или иную должность также была весьма различной. Более успешно осваивали ракетное вооружение авиационные инженеры и техники, упорно, с традиционным достоинством трудились вчерашние артиллеристы». «...Важной вехой стал 1962 год. Нам приказали готовить Плунгенский полк к скрытной передислокации на Кубу. Это было испытание моральных и физических сил на грани человеческих возможностей. История рассудит политическую правомерность этого шага, а в дивизии сделали все возможное для обеспечения успешных действий личного состава во время Карибского кризиса».*

Все же как понимать эту «кузькину мать»?

Любил Никита Сергеевич хлесткую речь. Он и сам в этом признавался. *«...Некогда я говорил на публику, что мы создали противоракетную ракету, которая может попасть в муху. Ну, это просто красивая фраза. Я ею воспользовался в ходе полемики, чтобы отрезвить наших противников и продемонстрировать, что мы вооружены ракетами и как средствами нападения, и как средствами защиты».*

Откуда-то пошло, что где-то он во всеуслышание обозвал генералов дармоедами. Ну не обидно ли?! Я, правда, ни в одном из изученных источников не нашел подтверждения сему прискорбному факту. А если он и случился, то спишем его на то, что глава государства выпалил оскорбление в запальчивости – на него это было похоже. В полемическом задоре он не выбирал выражений. Всенародно назвал трутнями работников НИИ, занимавшихся вопросами сельского хозяйства. Не только не возмущаясь – гордясь собствен-

ным прозвищем «заядлый кукурузник», Никита Сергеевич отметал всякую иронию: *«Я никогда не скрывал, что остаюсь большим патриотом этой культуры. Все равно за ней будущее. Врагами кукурузы у нас были и лентяи, и глупцы...»*

Любопытный эпизод находим в книге Ф. Бурлацкого, вышедшей в серии «Вожди и советники» (Эксмо-пресс, 2002). Он был свидетелем того, как прибывший в редакцию газеты «Правда» секретарь ЦК Л. Ильичев мялся, многословно пытаясь объяснить причины снятия Хрущева со всех постов (на октябрьском Пленуме 1964 г.). Никто ничего не понял. Тогда крупный партработник жалобно выдавил из себя: *«Так он же всех нас фуячил!»* Сразу вопросы отпали сами собой.

В том же аналитическом жизнеописании автор отдает должное своему герою как мастеру спичей. В отличие от блеклых речений генсека Л.И. Брежнева выступления его предшественника отражали живой ум и политическую волю. Он тщательно следил за тем, как правят его диктовку, дорожил своими шуточками вроде таких: *«покажем кузькину мать», «у нас с американцами непримиримый спор по одному, земельному вопросу — кто кого закопает»* и т.д.

Не знал удержу Никита Сергеевич и в решимости распатронить собственную армейскую структуру. Оглядываясь на прошлое, в мемуарах он обронил: *«Неразумным был наш шаг, когда мы надели погоны, нашили лампасы. На кой черт нам это? Мы Гражданскую войну выиграли без погон. Мой тогдашний ранг был комиссарским, и я ходил без погон. Красноармейцы признавали и своего комиссара, и своего командира, и мы разбили врагов без погон. А сейчас вырядились, как какие-то канарейки».*

Понятно, не вдруг начались плевки в сторону служивых. Тон задал стоящий у кормила власти. Его пренебрежительные, порой необдуманные высказывания в адрес защитников Отечества, ясно, не добавили им авторитета. По сути, он сорвал тогу с победителей 1945 года.

А сам-то смотрелся очень даже ничего – в кителе с погонами генерал-лейтенанта и полководческим орденом Суворова I степени на груди (так и сфотографирован: на фронте и на торжествах в честь 40-летия Советской Армии). Причем хватило у него ума (в отличие от Л.И. Брежнева) не клюнуть на маршальское звание, которое предлагал ему А.А. Гречко как Председателю Совета обороны. Он резко оборвал министра маршала: *«Сейчас мирное время, и войны не предвидится. А с вами я и так справлюсь, коль потребуется».*

И ведь легко ломал: и министра, и главкомов видов Вооруженных Сил. Например, предложил отказаться от немедленной модернизации Военно-Морского Флота, сосредоточившись на создании «таких же самолетов, какие имеет наш вероятный противник». Запротестовавший Н.Г. Кузнецов был освобожден от обязанностей главнокомандующего ВМФ и лишен высшего воинского звания. *«Чтобы дать почувствовать некоторым строптивым военным недопустимость бонапартовских настроений»,* – пояснил Хрущев.

Он грозил «показать кузькину мать» супостату, а реальные тычки все ощутимее чувствовал на своей шкуре наш брат-армеец.

Интересный проект: нужен нам... некомплект

Обратимся к монографии, приобретшей широкую известность благодаря огромному статистическому и фактографическому материалу (Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. «Советская Армия в годы «холодной войны», изд-во Томского ун-та, 2004). К 1954 году численность Вооруженных Сил достигла 5.763 тысяч военнослужащих. Очередная волна увольнений (после победного 1945-го) накатилась в 1955–1959 гг. Цифра отставленных от ратных дел внушительна: 2.140 тысяч.

Упомянутый исследовательский труд дает представление о «хитрой механике» той кампании.

Военная верхушка рапортовала: *«В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 12 августа 1955 г. произведено сокращение штатной и списочной численности Вооруженных Сил на 340 тысяч человек, и, кроме того,* ***установлен обязательный некомплект личного состава*** *в количестве 300 тысяч, с учетом уже имевшегося к тому времени некомплекта — 178.217 человек». Ликвидация советской военно-морской базы в Финляндии дополнительно дала еще 48.417 кандидатов на «самоустранение».*

«За период с 1 марта 1953 г. по январь 1956 г. сокращено: по штату 989.822 человека, в том числе 172.238 офицеров и генералов; по списку 1.106.216 человек, в том числе 119.074 офицера и генерала».

В 1956 году «дамоклов меч» навис еще над 420.000 военнослужащими – на столько обязалось Министерство обороны ужать свои ряды за счет «аннулируемых» боевых соединений, органов управления, тыловых и обслуживающих частей, военно-учебных заведений, а также путем замещения людей в погонах так называемыми пиджаками.

Прилагался длиннейший список предложений, где жестоким вердиктом выделялось слово **«расформировать»**. К этому приговаривались: управления Беломорского и Таврического военных округов; 10 управлений стрелковых, 2 – воздушно-десантных и 3 – авиационных корпусов; управления авиационно-технических дивизий, дислоцируемых на территории СССР; 23 отдельных тяжелых танкосамоходных полка; *«отдельные зенитные артиллерийские дивизионы по прикрытию аэродромов истребительной и штурмовой авиации*

как не имеющие особой боевой ценности в современных условиях». Той же участи подвергались: одна бригада морской пехоты на Камчатке; три стрелковые и одна воздушно-десантная дивизия, дислоцированные на Дальнем Востоке; одна дивизия ВДВ — в европейской части; дальневосточный отдельный стрелковый полк; зенитно-прожекторный полк в Московском округе ПВО — ну и так далее «по мелочам». Из Группы советских войск в Германии намечалось отправить восвояси с расформированием на территории СССР: четыре управления стрелковых корпусов, два армейских тяжелых танкосамоходных полка, один батальон и одну роту аэродромно-технического обеспечения и одну школу младших авиационных специалистов (итого 7.500 человек).

Далее цитирую. *«...Вывести из боевого состава ВМФ в резерв и консервацию в течение 1956—1957 гг. до 200 единиц». «...Списать на слом 93 и перевести в другие классы 69 устаревших кораблей и катеров согласно представлению МО в ЦК КПСС от 31 декабря 1955 г., утвержденному 8 февраля с.г.* Советом обороны». *«...Сократить численность центрального аппарата МО и военной приемки».*

Трудно сказать, насколько полно были осуществлены перечисленные мероприятия. Отдельной строкой я бы выделил те пункты, где соседствовали, так сказать, разрушение и созидание. Например: *«Перевести зенитно-артиллерийские полки Войск ПВО 72-орудийного состава на штаты 56-орудийного состава. При перевооружении этих полков ракетами они будут развернуты до необходимой численности».*

Некоторым силовым подразделениям предстояло «исчезнуть» раз и навсегда, предварительно переложив свои функции «на плечи» гражданских ведомств. «Эстафета» такого рода выглядела так: линейные части связи — Министерство связи; торговые учреждения, обслуживающие группы войск за границей, — Министерство торговли и т.д. Перевозку военно-технического имущества планировалось производить на общих основаниях наряду с народнохозяйственными грузами — воинские части сопровождения, естественно, оказывались ненужными. Выполнение судоподъемных и подводно-технических работ предусматривалось передать в ведение Министерства морского флота. *«...Оставить в ВМФ только необходимые подразделения аварийно-спасательной службы для обеспечения боевой подготовки и оказания помощи кораблям, терпящим бедствие».*

40.000 человек «сходили со сцены» военно-учебных заведений. Две академии (Военно-транспортная и Тыла и снабжения) сливались в одну, Военно-юридическая вовсе ликвидировалась. *«Ввиду неудовлетворительных бытовых условий»* 17 суворовских училищ в течение 1956—1957 гг. предстояло «трансформировать» в 10 суворовско-офицерских училищ.

Вдобавок Минобороны прикинуло, скольким должностным лицам «по характеру работы не требуется военная подготовка» (стало быть, с них погоны — долой!). Таковых набиралось: в различных органах тыла и НИИ ориентировочно до 100.000 человек; на предприятиях, производящих капитальный ремонт самолетов, танков, автомобилей, аппаратуры связи, до 10.000 человек. Итого 110 тысяч преспокойно подпадали под замену гражданскими специалистами. Сделать цивильной и сторожевую охрану на многих участках тоже не представлялось затруднительным.

К общему печальному знаменателю искомые силы подводились так: Сухопутные войска — 142.911 сокращенного личного состава, ВМФ — 52.000, ВВС — 43.296, ПВО — 40.117, ВДВ — 7.036, части и учреждения центрального подчинения — 8.591, аэродромно-строительные и строительные части, состоящие в численности Вооруженных Сил, — 126.049.

Несколько слов в отношении последнего показателя. Да, приходилось отказываться от пресловутой «дармовой силы». Сохранялся лишь необходимый минимум, привлекаемый для аэродромного и специального строительства в отдаленных районах с особо тяжелыми климатическими и метеорологическими условиями, — военно-строительные части (105.000 военнослужащих) и военно-строительные отряды (115.000 военных рабочих по призыву). Тем, кому сия мера казалась не слишком радикальной, адресовалась исходная цифирь: только **«вне норм численности Вооруженных Сил»** первых (из вышеназванных) значилось 73.095 человек, вторых — 218.880 человек. Сверх того на армейском коште содержались 231.015 военных строителей.

Все вышеизложенное подводит к выводу: как ни изворачивалось Минобороны (стараясь и принципалам из ЦК угодить, и себя не обделить), мало что у него получилось.

Крепка оборона, коль ты не ворона

«Верховному кукурузнику» нередко ставят в вину то, что он беспрестанно

тыкал носом командование в якобы несовременное состояние сухопутных, авиационных и морских сил. Чрезмерная пристрастность главы государства в какой-то мере извинительна, если учесть его армейское прошлое. Не исключаю, что его бросало в дрожь при одном воспоминании о первых неделях гитлеровского нашествия. Когда он (являясь членом Военного совета Юго-Западного направления) из Киева запросил по телефону винтовки для рабочего ополчения, Москва устами секретаря ЦК партии Г.М. Маленкова убила его своим ответом: *«Дается указание самим ковать оружие, делать пики и ножи, а с танками бороться бензиновыми бутылками»*.

Трагический 1941-й никогда не забывался Хрущевым. Именно поэтому, взойдя на вершину власти, он всегда напоминал себе и другим: *«Оборона не терпит отлагательств, нельзя повторять наше ротозейство перед Великой Отечественной войной»*. Надо сказать, не каждому выпало пережить то, что испытал он лично в первый военный год. Об этом у него подробно описано в воспоминаниях. Достаточно привести лишь несколько фактов. Он был потрясен гибелью целой 6-й армии. Нет, не той — фельдмаршала Паулюса (очевидцем капитуляции которой был в феврале 1943-го), а родной рабоче-крестьянской, попавшей в окружение в начальный период войны. Бездарным приказом из Москвы отведенную из района Перемышля 6-ю армию швырнули на прежнюю линию обороны, прямиком в загон врагу. Та же судьба постигла и подставленную под удар в районе Львова 12-ю армию. Обе они были растерзаны высокомеханизированными соединениями вермахта, со штабами и командующими попали в плен. На глазах Хрущева застрелился член Военного совета Киевского Особого военного округа, посчитавший невозможным сопротивляться сверхмощному натиску германских войск. На плече Хрущева рыдал командующий воздушными силами КОВО генерал Ф.А. Астахов, потрясенный потерей почти всей вверенной ему авиации. Да что говорить о простых военачальниках, коль сам Сталин, по меткому определению Никиты Сергеевича, «ходил как мокрая курица» (вплоть до 1943 года, покуда окончательно не уверовал, что мы победим). Потому-то Хрущева неприятно поражали те военные мемуаристы, которые, по его словам, «подхалимничали перед сталинскими штанами».

Не тогда ли Хрущев дал себе зарок: если в будущем что-то от него будет зависеть, он не допустит оборонной беспомощности страны, сделает все для ее неприступности. И вместе с тем он считал: очень накладно в мирное время держать в строю пять с лишним миллионов штыков. *«...Мы накопили некоторое количество единиц ядерного оружия и его носителей, наша огневая мощь возросла во много раз... Поэтому мы считали, что ничем не рискуем. Наоборот, сокращая армию, обогащаем бюджет и обретаем возможность переключить ресурсы на развитие средств производства и средств потребления ради повышения жизненного уровня граждан... В целом мы опустили численность нашей армии до двух с половиной миллионов человек». «...Ну и что? Стали слабее? У нас появилось больше страха перед войной? Ничего подобного... Мы должны отказаться взирать на мир через очки ограниченной касты военных, через отраслевые очки военных промышленников, через очки запуганных пропагандой мещан. Надо видеть реальную ситуацию ясными глазами непредвзятых людей, ставящих на первый план доводы разума и интересы большинства трудящихся. В свое время я обсуждал эти проблемы с маршалом Жуковым, когда он был министром обороны СССР... Он, в отличие от многих военных, не проявлял ведомственного твердолобия, которое иной раз отмечается у людей, носящих мундир. Он не только соглашался насчет того, что необходимо сокращение Вооруженных Сил, но и предложил уменьшить оклады некоторым категориям военнослужащих»*.

Не урезонить супостата, не утеснив армейца-брата

1 июня 1956 года первый замминистра обороны Маршал Советского Союза И.С. Конев и начальник ГлавПУ Советской Армии и ВМФ генерал-полковник А.С. Желтов доложили ЦК КПСС о реагировании в войсках на Заявление советского правительства по вопросу о разоружении. В их секретной записке говорилось об отдельных фактах «неправильных толкований указанного выше решения правительства». В подтверждение приводились недовольные высказывания типа: «как бы нам не досокращаться, как в 1941 году», «как бы не пришлось в случае войны снова на ходу готовить кадры». *«...Отрицательным является также то, что часть молодых офицеров начинает тяготиться службой и выражает желание поскорее уйти в запас, с тем чтобы легче было устроиться на гражданскую работу. Много разговоров ведется по этому поводу и среди курсантов военных училищ. Некоторые из них сожалеют, что пошли учиться на офицера. Среди офицеров старшего возраста имеют место настроения нервозности и неуверенности. Некоторые выражают недовольство работой местных органов власти по трудовому и жилищному устройству офицеров запаса. В Одесской области, например, до сих пор не трудоустроено 329 офицеров, уволенных из армии в прошлом году, из них 120 человек не имеют право на пенсию...»* Несмотря на бодрое заключение: *«...политические органы усиливают разъяснительную работу среди личного состава»*, верилось с трудом, что благие увещевания способны затмить естественную тревогу о завтрашнем дне, в том числе и о благополучии семей.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР 6 января 1958 года постановили: в течение года уменьшить численность Вооруженных Сил на 300 тысяч человек.

Руководство Минобороны отбивалось как могло. Под предлогом «проведения неотложных мероприятий» удалось уберечь от этой напасти 10.332 человека. Капля в море, но все же... Сержантский и солдатский состав убавился на 247.280 человек. Офицерский — на 63.504. Для изгнания кадровых военных в ход шли следующие мотивы: по болезни (23.129 человек), по сокращению штатов (20.630), по возрасту (11.488), «за невозможностью использования по ограниченному состоянию здоровья» (4.426), по служебному несоответствию (1.658), по приговорам офицерских судов чести (1.742). Лишь 64,3 процента «ушли» с пенсионным обеспечением — таковых счастливчиков набралось 4.825 человек.

(Продолжение на стр. 43)

Путь на Выборг

Дмитрий ПАНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «Солдате удачи» № 6 за 2006 год был опубликован мой материал «Финским «волкам» от русских «медведей», в котором приводились воспоминания двух участников советско-финской войны 1939–1940 гг.

Рассказ одного из героев воспоминаний – Давида Исааковича Певзнера – был дан мной не полностью. Напомним, ветеран рассказывал о действиях инженерных групп особого назначения, скрытно проникавших на передний край финской линии обороны и взрывавших доты. Он воевал в составе одной из таких групп и подробно рассказывал о том, как удавалось просачиваться сквозь боевые порядки финнов, каким именно образом подрывались доты и т.д., а закончил свои воспоминания эпизодом о решающем штурме «линии Маннергейма».

Так вот, в целом у меня состоялась с ним не одна большая беседа. И только спустя время вновь возвращаюсь к ее продолжению. Причина проста – слишком уж то, о чем рассказывал этот человек, расходилось с официальной историографией войны, и я честно пытался долгое время найти документальные подтверждения всему, о чем говорится в записях наших бесед. Результаты неблестящие. Поневоле засомневаешься в услышанном. Но, занимаясь розысками, я понял и другое – второй такой оболганной войны в русской военной истории нет. Певзнер был кристальной честности человеком, профессионалом-строителем с большой буквы и просто очень порядочным и человечным. Я верю его рассказам. Тем более что, как указывалось мною в предыдущем рассказе о действиях инженерного осназа, все-таки были найдены некоторые документальные подтверждения слов рассказчика (фотография группы особого назначения с автоматами Федорова в руках, скафандр на резиновой прокладке для преодоления электрифицированных проволочных заграждений).

Сразу отмечу, что в предлагаемом вниманию читателей продолжении нашей беседы Д. Певзнер рассказывает не менее удивительные вещи о рождении тактики танковых десантов на финской войне, о марше к Выборгу в феврале–марте 1940 года. Далее рассказ идет от его имени, переданный мною в литературной записи.

«МЫ БЫЛИ ИДЕАЛЬНЫМИ ПЕРЕДОВЫМИ ЧАСТЯМИ...»

Что было дальше, после штурма «линии Маннергейма»? Был путь к Выборгу, к границе Карельского перешейка. Почти месяц боев и марш-бросков. Наше подразделение инженерного осназа (особого назначения), предназначенное для уничтожения долговременных огневых точек на «линии Маннергейма» и успешно выполнившее свою задачу, не расформировали, и мы шли в голове войск вместе с танковыми батальонами. Сначала рядом с танками, а потом на танковой броне – десантом. Более того, мы были первыми в Красной Армии, кто стал ходить танковым десантом. И это произошло как раз в ходе нашего трудного продвижения на Выборг – как, впрочем, и многое, многое другое, о чем стоит рассказать. Долгая история, но если по порядку, то дело было так.

Как только на нащем участке мы прорвали «линию Маннергейма» и отбили все атаки финнов, они отошли, словно растворились в одну ночь среди карельской тайги. Командование понимало, что финны не сдадутся и, оторвавшись от нас, начнут готовить нам очередные каверзы и пакости, которые будут стоить нам новой крови и затянут войну. Поэтому сразу же, как только мы убедились, что противник отступил, была поставлена задача: «Преследовать белофиннов, не дать им оторваться от нас, догонять и сбивать их с новых, еще плохо подготовленных и обжитых позиций, не дав закрепиться».

В общем, наступать, не теряя контактов с противником. Для «расчистки» пути лучше всего подходил наш инженерный осназ. Мы были уже бывалыми саперами, то есть могли обнаруживать и обезвреживать мины противника, у нас имелись автоматы,

Трудные дороги войны

Танки в походе

и в скоротечных боестолкновениях с финскими засадами мы могли драться с ними на равных, ведь у «лахтарей» не было преимущества перед нами в автоматическом оружии. Наконец, мы не были подвержены «финнобоязни», мы били противника, верили в себя и в то, что и дальше будем его бить, умели драться в составе малых боевых групп и имели самый большой опыт такой войны в частях действующей армии. Короче, мы были идеальными передовыми частями.

Первый день марша к Выборгу мы шли походной колонной рядом с танками, по дороге. В наших тогдашних уставах указывалось, что зимой наступление ведется вдоль дорог и по дорогам. Это соответствовало реальности – зимой в самом деле пехота и танковые части только по дорогам и могут наступать. Снежные заносы и сугробы не дают места маневру, войска вязнут в снегу. Зимнее наступление – это борьба за дороги и на дорогах, а еще за населенные пункты – за дома и тепло. Так было и впоследствии, в Великую Отечественную, так было и в финскую.

ЗАСАДА

И вот идем колонной рядом с танками, а для них наша скорость – черепашья, напрасная трата ресурса моторов и утрата маневренности. Весь смысл преследования теряется. А мы нагружены оружием, боеприпасами, средствами инженерной разведки, шанцевым инструментом (топорами, пилами, продовольственным НЗ), никак не можем идти быстрее. Иногда подбегаем чуток, чтобы согреться, но бежать весь день за танками мы, естественно, не в состоянии.

В общем, танки медленно, но верно нас обогнали и скрылись за поворотом. А тогдашние финские дороги – это что-то. Поворот на повороте, прямых ста метров нет. Строились они с таким расчетом, чтобы пикирующий самолет не смог сжечь много машин транспортной колонны с одного захода. Мы, не снижая темпа марша, изготовились к бою: патроны в патроннике, автоматы сняты с предохранителей, смотрим кто вправо, кто влево. Так идем.

Зимний день короткий, и уже смеркалось, когда впереди загремел бой. Мы перешли на быстрый шаг с бегом пополам. Пока поспели, уже стояла ночная темень. Впереди близко работали танковые моторы. Выскакиваем из-за поворота и видим картину: несколько танков догорает, а целые ощетинились орудийными стволами во все стороны, как ежи. Танкисты своих погибших собирают и в одно место сносят. То есть все уже кончилось.

Оказалось, финны устроили засаду: головной танк подорвали на мине и открыли огонь из пулеметов и противотанковых ружей. Наши танкисты шли смешанными колоннами из легких, средних и тяжелых танков. Последним такой обстрел был нипочем, а вот легкие БТ прошивались. Еще англичане поставили финнам свои противотанковые бронебойные ружья – ну и попили они у нас кровушки, ведь бронирование легких машин было противопульным. Пользуясь близким расположением деревьев к дороге, финны били в упор. А еще они бросили с хвоста колонны группы «охотников за танками», вооруженных гранатами, бутылками с бензином и пистолетами-пулеметами «Суоми». Из танков при закрытых люках увидеть этих «охотников» в маскхалатах, среди заснеженных деревьев очень сложно. Поэтому часть танкистов была вынуждена покинуть машины и принять пехотный бой, будучи вооруженной лишь револьверами Нагана и гранатами. Повторилась наша история середины января: против «Суоми» с наганом не повоюешь. Все эти ребята погибли, но немного задержали финнов и дали возможность нескольким машинам в хвосте колонны развернуть пушки на новые цели.

Подобная тактика засад, как показало дальнейшее, стала для финнов стандартной. В тот день мы познакомились с ней, а раньше финны ее обычно не применяли, старались навязать нашим наступающим войскам обычный бой.

В ЛОВУШКЕ

На следующий день повторилось подобное. Начали марш мы вместе с танкистами. Постарались держать самый быстрый темп, какой могли. Бежим, идем быстрым шагом и опять бежим. Однако скоро стали выдыхаться. Ледяной воздух режет легкие, задыхаемся, давимся от кашля. Груз давит на плечи. Тяжело. Не можем поспеть. Танки снова ушли вперед.

Под вечер услыхали глухие выстрелы. Что случилось на этот раз? Короткая перестрелка не была похожа на бой с засадой. В темноте догоняем своих. Зрелище незабываемое. Колонна стоит на дороге, ощетинившись стволами орудий. Фары головных танков зажжены, и в их узких лучах мечутся силуэты людей. Подходим к голове колонны. Ну и ну! Сразу за поворотом дороги в земле зияет гигантская воронка, и в ней – свалившийся туда многобашенный танк, только корма торчит над краем воронки. Оказалось, финны взорвали фугас, начиненный огромным количеством взрывчатки, образовалась воронка метров 15 в диаметре и примерно 5–6 – в глубину, куда и угодил вынырнувший из-за поворота головной танк. Путь был перегорожен. А выстрелы, что мы слышали, – это «выкуривали» оставленного на прикрытие препятствия снайпера.

Сначала танкисты пытались вызволить из ловушки попавшую туда машину спаренной тягой двух легких танков БТ. Безуспешно. Дорога узкая, по бокам сугробы, маневр ограничен. Из-за поворота тяговое усилие идет по диагонали, то есть пытаясь вытащить машину, лишь сдвигают ее вбок. Рвутся буксирные тросы, их собирают со всей колонны. У одного из БТ

На передовые позиции

Финский солдат с пулеметом

рвется гусеничная лента (у этих танков не гусеница, а ряд плоских пластин, соединенных чем-то вроде витой пружины). Еще на Карельском перешейке к пластинам начали наваривать болты в качестве грунтозацепов для движения по обледенелым дорогам, чтобы машина не слетала с трассы, но все равно сцепление было слабое. Так на тех двух БТ порвалось несколько гусеничных лент. Командир части кричит: «Стоп! Думаем, что делать, а то все без гусениц останемся. Саперы, помогайте!»

И надумали, как помочь. Часть из нас стала раскапывать снег и прокладывать новую дорогу, чтобы к месту ловушки могли подойти тяжелые танки с тыла колонны. Из-за глубокого снега и обледенелого вала на обочине дороги они садились на днище и буксовали (вот почему сначала машину из воронки пытались вытащить легкие танки). Другие принялись подрывать лопатами край воронки под гусеницами танка, чтобы его корма осела и соответственно меньше усилий потребовалось для буксировки.

К середине ночи, наконец, выдернули танк из воронки. Затем стали ее засыпать, ведь надо было идти дальше (воронку финны сделали на повороте, зажатом между двух холмов, не обойдешь). Тем более, что вслед за нами двигались пехота и колонны снабжения. Мы валили деревья, распиливали стволы на короткие бревна и укладывали в яму. Затем для выравнивания слоя наваливали сверху сучья и засыпали их снегом. Все это, чтобы замерзло, поливали водой (растапливали снег на кострах). Поверх опять укладывали бревна, вновь покрывали их ветками, заливали – и т.д. Самый верхний слой посыпали оттаявшей землей с места костров.

Такая технология заделки воронок от фугасов с тех пор стала у нас стандартной. Она позволяла делать это качественно и довольно быстро. «Темп, держать темп наступления», – этого от нас требовали вышестоящие командиры. А таких воронок-ловушек на нашем пути встретилось еще очень много.

Кроме того, из данного случая был сделан еще один вывод. Ранее головным танком в наших бронеколоннах шел средний многобашенный Т-28 (какой и угодил в воронку). Они обладали достаточным бронированием, держали даже попадания снарядов, а при встрече с финской засадой могли принять бой. Но выдернуть их «в случае чего» из воронки, как видно из вышеприведенного примера, было очень трудно. И у танка, попавшего в ловушку, обязательно заклинивало трансмиссию, выбивало подвеску, очень часто ломало и повреждало орудие. Он надолго выходил из строя, так как требовал длительного ремонта. В то же время средних танков было гораздо меньше, чем легких, и их нужно было беречь – они могли уверенно вести бой с финскими дзотами в опорных пунктах, которые ждали нас впереди. Поэтому отныне в ГПЗ шли только легкие танки, а средние стали поддерживать их в случае необходимости.

«С ВЕТЕРКОМ» НА САНЯХ

...Утром к нам подошла колонна снабжения – бензовозы, грузовики с боеприпасами и продовольствием и несколько санных поездов с тем же грузом под прикрытием броневиков.

Санный поезд – это быстроходный трактор, тянущий на прицепе бронированные сани. Они отличались от уже знакомых нам по предыдущему моему рассказу штурмовых саней-волокуш, которые использовались при прорыве обороны. Хотя и те, и другие делали из стальных бронелистов на Кировском заводе, но штурмовые волокуши были низкими, чтобы затруднить пристрелку противника по ним, на них можно было только лежать трем-четырем бойцам. Транспортные же сани представляли собой большие, в рост человека короба из наклоненных бронелистов. Появились такие «салазки» в период стояния на «линии Маннергейма». Финны тогда часто забрасывали своих диверсантов в наш тыл, и те обстреливали транспортные колонны, прежде всего машины с боеприпасами, которые взрывались. Поэтому боеприпасы к линии фронта и стали тянуть в таких бронированных транспортных санях.

При взгляде на них и танкистов, и нас, осназовцев, осенило – вот оно, решение проблемы нашей маневренности! Нам надо использовать санные поезда для того, чтобы идти на них вместе с танками!

Тут же, пока в танки загружали боекомплект, попробовали разместиться в бронесанях. Выяснилось, что в них вмещалась наша боевая группа из шести осназовцев. Командир танкового батальона принял решение оставить санные поезда в составе нашего сводного отряда. Согласовал это, а мы тем временем выстелили дно саней крышками от деревянных снарядных ящиков, чтобы меньше мерзнуть, ведь от брони несло жутким холодом. И пошли. Несколько санных поездов (меньшую часть) поставили в голове колонны, остальные двигались в хвосте для защиты с тыла.

Марш в таких санях оказался жесток. Прожигает холодом броня. От рева двигателя трактора, буксирующего сани, от скрежета полозьев в ушах стоит непрерывный гул. К концу дня «глохли» так, что шум в ушах стоял и ночью, когда мы охраняли в «секретах» стоянки наших подразделений. Сани трясет, и стоять очень трудно. Тесно, ледяной ветер обвевает лицо. Четверо бойцов полусидели-полулежали на дне саней, а двое стояли по боковым бортам, зацепившись за них локтями и ведя наблюдение. Менялись мы часто, чтобы не обморозиться.

Но главное, что теперь мы, при всех этих лишениях, двигались вместе с танками и имели возможность при-

Лыжный переход

Собаки – первые помощники на войне

крывать их. Противостоять финским засадам стало гораздо легче.

ТАКТИКА МЕНЯЕТСЯ

Поначалу финны были явно ошарашены и не знали, куда бить – по танкам или по нам, прикрывавшим их из наших бронесаней. Огонь противника рассеивался. Мы уверенно отстреливались, а группы «охотников за танками» встречали очень просто – гранатами. Как только замечали движение в тылу, начинали швырять назад веером мощные оборонительные Ф-1 (в просторечии – «лимонки»). Нам под броней дальний разлет их убойных осколков не страшен, а финнов выбивает – только держись. Сидим на дне саней, один запалы вкручивает, другой, который «порукастее», гранаты швыряет. Командир посматривает по сторонам, обстановку контролирует и боем руководит. Двое из автоматов бьют, еще один боец им магазины снаряжает, чтобы поддерживать шквальный огонь. В общем, не бронесани, а маленькая крепость.

Да и танкисты кое-чему научились, сначала даже непроизвольно. Дело в том, что из-за близости финских засад к дороге танки не могли бить прямо по противнику, не хватало отрицательного угла наводки орудий. Но как раз это в лесной местности оказалось благом: снаряд взрывался от попадания в деревья, над головой противника, осколки секли засаду сверху. Помимо этого, снарядами перебивало стволы, которые рушились на финнов и давили их. Получался двойной эффект. Танкисты, народ грамотный и сообразительный, быстро это подметили и начали специально бить осколочными по деревьям, осыпая финнов «картечью» и давя стволами карельских сосен. Очень хороший прием борьбы с засадами. Кроме того, танковые колонны заранее стали разворачивать орудия вправо и влево, к опушкам и обочинам по принципу «ежа». Это сокращало время на открытие огня.

...И СНОВА ВЫХОД НАЙДЕН

Но при всем этом самым уязвимым местом бронеколонн стали именно трактора, которые буксировали наши бронированные «волокуши», и сами трактористы (на каждой машине их было по паре). Танкисты и мы все-таки находились в броне, а они, трактористы, – на «верхотуре», открытые всем ветрам и пулям. Сколько мужества и дисциплины от них требовалось, чтобы день за днем идти вперед, на все новые и новые засады. Очень скоро противник понял, где у нас слабина. С первых же секунд боя он стал концентрировать огонь сначала на тракторах и трактористах, стремясь их уничтожить и обездвижить колонну, а затем на бронесанях в хвосте колонны, чтобы оставить ее без пехотного прикрытия с тыла и без помех бросить на танки своих «охотников».

Трактористов неожиданным огнем из засад выбивало много. Финские пули корежили движки тракторов, и они вставали намертво. В первое время нам несколько раз присылали замену машинам и водителям, но впоследствии командование сообщило, что больше такого не будет. Иначе в войсках нечем будет буксировать крупнокалиберные пушки-гаубицы и подтягивать боеприпасы к фронту. Но мы все видели, что идея совместного марша танков и пехоты единственно правильная, причины после всего вышеописанного объяснять не надо. Марш для бронеколонны без пехотного прикрытия губителен. Как же быть в сложившейся ситуации?

И тут родилось новое предложение – за неимением тракторов прицепить транспортные бронесани непосредственно к танкам. Командиры-танкисты поначалу пришли в ужас и сразу заявили, что из этого ничего не выйдет: у них на машинах или порвет гусеницы, или перегреются и выйдут из строя от перегрузки моторы, или то и другое произойдет вместе. Но марш на Выборг надо было продолжать, и высокое танковое начальство приказало: «Пробуйте! Экспериментируйте как хотите, но «волокуши» к танкам цепляйте».

Попробовали. У БТ гусеничные ленты летели сразу, Т-26 наши «волокуши» тащили, но еле-еле. Выручили средние многобашенные Т-28 – у них и гусеницы не слетали, и моторы тянули. Прицепили мы свои бронесани к этим танкам – и вперед.

ЯДОВИТЫЙ АД

Все, казалось бы, хорошо, пехотное прикрытие по-прежнему оставалось с танками, но для нас началась... форменная душегубка. До сих пор с содроганием вспоминаю о тех днях. Дело в том, что выхлопные трубы у Т-28 находятся высоко, на уровне лица стоящего человека, и направлены горизонтально назад. Поэтому отработанные газы двигателя били нам прямо в лицо, ведь «волокуши» буксировались на короткой тяге из металлических труб, чтобы обеспечить надежную сцепку. Мы дышали выхлопными газами! На ветерке еще ничего, стоя наблюдателем над бортом можно было глотнуть кислорода. Опасная работа стала желанным спасением от удушья. Но как только ты, отдежурив, опускался в сани – воздуха не хватало, один угарный газ. Мы начали медленно травиться. Болела голова, тряслись руки и ноги, пропал аппетит. И все же мы держались! Сжали зубы и держались! Что ни говори, нет мужественнее и терпеливее человека, чем русский солдат. Но и его силы не безграничны.

Однажды, через несколько дней такого марша, выпала совершенно ясная и безветренная погода. Солнце, мороз – и никакого ветерка, даже самого слабенького. К вечеру мы все угорели.

(Продолжение на стр. 38)

ГАЛЕРЕЯ

5,45-мм автомат ТКБ-09 разработан в Тульском ЦКИБ СОО ведущим конструктором Г.А. Коробовым. Одной из первых его разработок является автомат по схеме Bull-Pup, с эскизным проектом которого он выступил в октябре 1946 года на конкурсе проектов автоматов в числе шестнадцати конкурсантов. Схема компоновки Bull-Pup заключается в том, что магазин с патронами располагается перед рукояткой управления оружием. Применительно к автомату это при неизменной длине ствола позволяет сократить длину оружия примерно на 200 мм. Этот автомат был газоотводного типа с запиранием канала ствола перекосом затвора. Существует мнение, что это был первый в мире образец Bull-Pup. Сам Коробов шутя говорил, что коль скоро это первый в мире Bull-Pup, то называться он должен «тул-пап».

Стрельбовые испытания образцов проходили в декабре 1946 года. По результатам конкурса первое место никому присуждено не было, второе место занял Рукавишников, Коробов был следующим.

В дальнейшем Коробов стал, если говорить об автомате, твердым поборником полусвободного запирания канала ствола. Идеи Коробова поддерживали теоретики ЦКБ-14, считавшие, что газоотводная схема автомата АК-47 не позволяет кардинально снизить рассеивание и трудоемкость производства автомата.

Сравнительные испытания автомата Коробова ТКБ-454 и АК-47 показали, что автомат Коробова превосходил автомат АК-47 по кучности стрельбы, ведущейся малотренированными стрелками, в 1,3—1,9 раза.

На конкурсе в 1955 году в жесточайшей конкуренции сошлись два автомата: Коробова ТКБ-517 с полусвободным затвором и АКМ. На этих испытаниях малотренированные стрелки, ведя стрельбу очередями лежа с упора из ТКБ-517, показывали результаты лучше, чем из АКМ. По надежности действия ТКБ-517 отвечал заданным требованиям.

В конечном итоге автомат АКМ проигрывал соревнование. Однако, несмотря на превосходство ТКБ-517 над АКМ по многим показателям, в том числе по кучности стрельбы и вдвое меньшей трудоемкости, предпочтение на аппаратном уровне было отдано не более удачному автомату Коробова, а проверенному несколькими годами эксплуатации в войсках автомату с газоотводной схемой.

Продолжая настойчиво трудиться над автоматом с полусвободным затвором, Коробов стремился к дальнейшему упрощению конструкции. Примером этому является его автомат ТКБ-09. Он имеет совершенно необычную конструкцию полусвободного затвора, который состоит из двух деталей — боевой личинки и качающегося на ней коромысла. Свободному перемещению боевой личинки в направлении отката в начальный момент препятствует коромысло с роликом на конце, упирающееся в наклонную поверхность перемычки в затворной коробке. В начальный момент угол между продольной осью личинки и коромыслом близок к 180 градусам. При откате боевой личинки небольшое продольное ее перемещение приводит к большому угловому перемещению массивного коромысла. Такое взаимодействие создает так называемую приведенную массу личинки, что замедляет ее откат.

Возвратная пружина спиральная, находится в стальной трубке, расположенной вдоль верхней части ствола.

Ударно-спусковой механизм куркового типа размешен в отъемной рукоятке. С левой стороны коробки ударно-спускового механизма находится поворотный флажок. Поворот флажка по ходу часовой стрелки до упора соответствует стрельбе очередями. При повороте флажка до упора в обратном направлении оружие устанавливается на предохранитель. Для ведения одиночного огня флажок устанавливается в промежуточном положении.

Питание патронами осуществляется из прямого магазина на 30 патронов,

5,45-мм опытный автомат

ТКБ-09

Основные характеристики

Калибр ствола, мм	5,45
Начальная скорость пули, м/с	890
Масса автомата с магазином	
без патронов, кг	2,48
Длина автомата, мм	860
Тип патрона	5,45x39
Длина ствола, мм	405
Темп стрельбы, выстр./мин.	800–850
Емкость магазина, патр.	30

располагаемых в шахматном порядке с двухрядным выходом.

Под стволом находится длинное деревянное цевье. Приклад также деревянный, крепится к тыльной части металлической основы рукоятки двумя трубчатыми заклепками.

Прицел секторного типа. Мушка, регулируемая по высоте и сторонам, защищена боковыми шечками от ударов.

Фото Виталия Анькова

В разведку

Бойцы под прикрытием пулеметов продвигаются вперед

(Начало на стр. 32)

Страшно. Кое-как выползли из саней вечером и повалились навзничь. Жуткие головные боли, рвота. Лежишь на земле и головы поднять не можешь. Вся наша часть слегла. Танкисты бегают кругом и не знают, что делать. Кто-то уже крикнул: «Газы, финны пустили газы!» А слухи о применении белофиннами газового оружия по войскам ходили. Назревала паника. Хорошо, нашлось несколько твердых командиров, которые пресекли ее в зародыше: «Какие газы, если бы финны ударили химическим оружием, то отравили бы всех, и пехоту, и нас. А мы здоровы. Отставить панику!» Нас отпаивали водой и пичкали какими-то таблетками.

К утру мы кое-как пришли в себя. Слабость во всем теле, руки-ноги противно мелко трясутся, но ходить и воевать можем. И тут нас бросает в холодный пот – погода, как вчера, ни малейшего ветерка. Мы, осназовцы, все как один поняли, что нового «ядовитого» марша не выдержим. Умрем. Поэтому в бронесани не полезем. Мы рисковали, сильно рисковали, открыто заявляя это танковым командирам. Сами понимаете, законы военного времени, трибунал... Но вновь выдержать такое действительно было невозможно.

ТАК И РОДИЛСЯ ТАНКОВЫЙ ДЕСАНТ...

Спасительный выход нашел один из наших осназовских командиров. Он вдруг предложил: «А давайте залезем на танки сверху и пойдем на их броне! Снова будем вместе, и выхлопы нам будут не страшны. Ведь танкисты вчера не угорели, значит, и мы на броне не отравимся!»

Тут уже холодный пот прошиб танкистов. Кричат, что нет, нельзя, инструкции по эксплуатации танков запрещают это! Дескать, «мы угробим машины, и нас отдадут под суд за преднамеренное повреждение техники!»

А надо сказать, что действительно наши довоенные танковые инструкции и уставы запрещали посадку и перевозку пехоты сверху на броне машин в качестве десанта. Причинами были слабые гусеницы и огнеопасные моторы, которые порой загорались сами собой из-за неправильной регулировки. А тут еще дополнительный груз на броне в виде десанта... В общем, запрещались нашими уставами танковые десанты. Но каждая новая война пишет кровью новые уставы. Вот наши командиры и заявили танкистам: «Чего вы запаниковали, ваши машины тянули бронесани с десантом — и ничего, моторы и гусеницы держали нагрузку. А сейчас просто пехота из саней пересядет наверх брони. Пробуем! Время поджимает!» Танкисты поколебались, подумали и решились: «Была не была. Без пехоты вперед нельзя, поэтому пробуем!»

Мы оставили все лишнее в санях, по-прежнему зацепленных за Т-28, и с одним оружием, подсумками с патронами, гранатами и перевязочными пакетами полезли на танки. В общем, облегчились по-максимальному и начали обживать броню. На ней нашлись укромные уголки за пулеметными башнями и теплые места над двигателем.

...Забегая вперед, сразу скажу, что отныне шли мы на броне уже до самого конца войны, до освобождения Выборга. Так, в середине февраля 1940 года на Карельском перешейке родились в Красной Армии танковые десанты. Мы, инженерные осназовцы, были первыми такими десантниками. В общем, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Когда идешь десантником на танковой броне, испытываешь противоречивые чувства. С одной стороны, все далеко видишь и всякую опасность готов заранее заметить и встретить во всеоружии. С другой – ты открыт всем ветрам и враждебным взглядам, тебя видно вражеским снайперам и пулеметчикам. И это вносит постоянное подспудное напряжение в марш. Ощущение опасности, исходящей от темного леса, что чужие глаза берут тебя на мушку, непрерывно давит на психику. У нас были парни, которые отказались садиться на броню, не смогли преодолеть этот «психологический террор». Они так и остались в бронесанях. Впрочем, это было плюсом, позже объясню почему...

«ДЕСАНТНЫЕ» ОСОБЕННОСТИ ЗИМНЕГО БОЯ

Совершенно новые для нас действия в качестве танкового десанта по ходу нашего продолжающегося марша на Выборг рождали и новые особенности тактики борьбы с засадами. Прежде всего, как упоминалось выше, теперь мы имели хороший обзор. Готовя засады, оборудуя позиции для пулеметов и стрелков, отрывая для них снежные окопы, финны, естественно, не могли не оставлять следов. Конечно, их всячески старались маскировать, заметая лапником, но все-таки провалы-канавы в снегу оставались. Мы осматривали край леса от опушки вглубь метров на пятьдесят, потому что далее бессмысленно оборудовать засаду: стволы деревьев сомкнутся в почти сплошную стену, закроют нашу колонну и не оставят просветов для стрельбы.

Увидев что-то похожее на канаву-след, мы давали знать об этом командиру и открывали упреждающий огонь по всем подозрительным местам. Иногда эти тревоги были ложные, но нередко нам удавалось упредить финнов в открытии огня. В случае попадания в засаду вся колонна останавливалась и принимала бой. Мы, осназовцы, стремились тут же спрыгнуть с танка на землю, чтобы не быть легкой мишенью на броне.

Здесь есть один существенный момент — прыгать с брони надо было

Блиндажи, замаскированные сеткой

Отступая, финны жгли дома

не абы как, а с умом. С одного борта мы сидели почти над снежной целиной на высоте не более полуметра, а с другого под нами были полтора метра высоты и лед дороги. Тем, кто спешивался на дорогу, было легче: прыгай, как обычно, на ноги, молниеносно перекатывайся в положение лежа и ползи под корму танка, под защиту брони и катков гусениц. Затем осмотрись и начинай вести ответный огонь по финнам, при этом не забывая контролировать противоположную от засады сторону дороги. Сложнее было тем, кому приходилось прыгать в снежную целину. Тут как раз действовало железное правило, которое мы постигли на марше, – не приземляться на ноги! Этого нельзя было делать ни в коем случае, так как от прыжка на ноги боец глубоко уходил в снежную целину и застревал в ней стоя. Ни согнуться, ни лечь, ни даже сесть застрявший по пояс в снегу человек не мог. Фактически на некоторое время он становился живой ростовой мишенью для финнов, и им хватало нескольких секунд, чтобы «нашпиговать» его свинцом.

Прыгать в целину надо было «ласточкой», вытягиваясь во весь рост, одновременно плотно закрыв лицо локтем одной руки, чтобы не повредить глаза от удара о прочный поверхностный снежный наст, и вынося далеко в сторону другую руку с крепко зажатым в ней автоматом, чтобы не выбить себе зубы прикладом. Упав и проломив своим телом наст, нужно было тут же начать перекатываться с боку на бок, чтобы уплотнить под собой и по бокам снег, одновременно зарывшись в него. Так всего секунд за тридцать получался своеобразный снежный окоп для стрельбы лежа. Окопался, перевел дух, приподнялся, осмотрелся и открыл прицельный одиночный огонь по вспышкам вражеских выстрелов.

Самым главным при всем этом было сохранить выдержку и ясную голову. Чуть запаниковал, неправильно прыгнул – и считай погиб. Если мы обнаруживали засаду и навязывали ей бой, то все прыгали нормально. А вот если финны подлавливали нас, то от внезапного огня засады, бывало, терялись даже опытные ветераны, и мы после таких боев обязательно вытаскивали трех-четырех наших товарищей, уже мертвыми стоявших в снегу...

После спешивания мы рассредоточивались на большой площади, и финнам трудно было пристреляться по всем нам. Когда они пытались бросить на нас группы «охотников за танками», то осназовцы, прикрывавшие хвост колонны, встречали их гранатами Ф-1, прячась за бронесани от осколков. Если бой затягивался, то ребята, оставшиеся в бронесанях, начинали снабжать нас всех, лежащих в снегу и под танками, снаряженными магазинами. В этом и был упомянутый выше «плюс» от того, что кто-то психологически не мог себя заставить двигаться на броне танков и оставался в наших прежних «салазках». Особенно это было ценно, когда заканчивались патроны и тебе перебрасывают по цепочке вещмешок со снаряженными магазинами.

Финские засады останавливали наши колонны подрывом головной машины на мине. А вот если мы вовремя замечали их и упреждали в открытии огня, то сразу вставшая колонна обходилась без подрывов. После этого, отбившись от засады, нам оставалось только разминировать дорогу и двигаться дальше.

...ЭТА НЕСКОНЧАЕМАЯ ИГРА В «КОШКИ-МЫШКИ»

Как уже упоминалось, на момент нашего марша с боями к Выборгу дело шло к концу войны. Финские войска были изрядно истрепаны и «прорежены». У них стало не хватать людей, оружия, мин и т.д. А ведь засада против наступающей бронеколонны – это дело серьезное. Как правило, засаду осуществляла финская рота, а это (с учетом уже понесенных потерь) человек 70–90. Из них после боя с нашей бронеколонной оставалось в живых не больше половины. Со временем способность противника организовывать большие засады терялась, силы таяли.

И вот для того, чтобы хоть немного задержать нас на пути к Выборгу, с учетом нехватки людей финны все чаще стали ставить небольшие «минно-снайперские» ловушки. Как правило, они представляли собой заминированный участок дороги (три-четыре мины), прикрытый замаскировавшимися неподалеку снайперами. Мины противник старался ставить, как мы говорили, «под левую гусеницу», по центру дороги, с таким расчетом, чтобы после подрыва танк развернуло и он преградил путь колонне, задержал на некоторое время наше продвижение. А потом начинали работать снайперы.

Ближе к Выборгу дорога все чаще петляла среди низких и крутых холмов и скал, видимость была предельно ограниченной, и расстояние между ГПЗ и основной колонной было сокращено, чтобы всегда иметь возможность быстро поддержать заставу огнем. Поэтому часто мы становились свидетелями таких подрывов. Хорошо помнится, как это происходило. Из-под левой гусеницы головного танка вдруг бьет яркая вспышка огня с белым дымом, машину закручивает на месте, она влетает в снежный вал на обочине и становится поперек дороги. Оседает туча снежной пыли. Выбитые танковые катки, расстеленная на снегу гусеница, воронка от мины. Приехали...

Сначала, естественно, спрыгиваем с брони по-боевому из-за опасения, что это незамеченная нами засада «лахтарей». Отлежавшись некоторое время и осмотревшись, понимаем, что это очередная «минно-снайперская пакость». Наша задача – подползти к подорванному танку, проверить и

Разрушенный финский дот

Захваченные финские танки

разминировать дорогу от оставшихся мин, накинуть буксировочный трос на крюки поврежденной машины. Затем стоящий сзади танк должен отбуксировать ее назад и развернуть вдоль дороги, чтобы освободить проход для бронеколонны. Само собой разумеется, все это время засевшие в стороне финские снайперы будут пытаться нас убить...

Вот ползем на помощь танкистам. Трое нас, осназовцев, и один танкист в помощь. Еще три человека чуть поодаль осуществляют огневое прикрытие. Все в колонне во все глаза смотрят на снег, скалы и лес: не блеснет ли где стекло оптического прицела, не сверкнет ли огонек выстрела.

Надо сказать, в таких засадах финские снайперы рыли снежный окоп, покрывали его лапником, засыпали снегом и поливали сверху водой. Получался своеобразный ледяной дот, который мог защитить финна от пуль и осколков. Выглядел он как маленький холмик и был совершенно незаметен среди снега и валунов карельской тайги. Бил финн из глубины дота, не высовывая ствол винтовки наружу, поэтому и пламя, и звук выстрела зачастую были незаметны и трудноуловимы.

...Ползком двое с миноискателями обшаривают дорогу, а танкист и третий в группе волокут за собой стальной буксировочный трос. Он тяжелый, дорога обледенелая, ноги проскальзывают. Наконец, добрались до подорванного танка. Двое ищут мины, а танкист с помощником ползут под машину. В днище есть десантный люк, они начинают стучать в броню, вызывая экипаж. Дело в том, что подрыв заставал машину с включенной передней скоростью, и если в таком положении пытаться тащить танк назад, то неизбежна поломка трансмиссии, и потребуется большое дополнительное тяговое усилие. Трос может не выдержать и порваться. Поэтому перед началом буксировки требовалось переключить скорость в нейтральное положение.

Если танк подрывался на одиночной противотанковой мине, все было еще более-менее нормально, самое главное, экипаж оставался жив. Опытный механик-водитель сам переключал скорость в нейтраль. Гораздо хуже, если танк налетал на фугас (это противотанковая мина с мощным взрывным усилением). Тогда ребята в машине гибли от взрывной контузии. С виду они были целыми, только... неживыми.

Скорость переключали уже мы сами.

...Наши товарищи обнаружили мины, которые теперь нужно обезвредить. Необходимо также накинуть буксировочный трос на танковые крюки. Сказать легко. Сделать же это, оставшись живыми, неимоверно тяжело. Именно в тот момент, когда мы отползали от защитного для нас снежного вала на обочине для снятия мин и поднимались у кормы машины для наброски троса, ибо лежа его не накинешь, снайперы и открывали по нам прицельный огонь. Положат нас – и еще несколько часов выиграют, а то и до утра колонну у этого препятствия задержат. Поэтому в этот момент нас прикрывали огнем всей колонны. Мы стреляли в воздух, давая сигнал на открытие общего огня на прикрытие. А затем все в темпе. Как только прогремели первые выстрелы, все вчетвером резко встаем, хватаемся за трос и одним общим рывком накидываем его на крюки. Есть! Зацепили. Затем двое ползут к минам, а двое показывают из-за снежного вала финнам свои шапки для приманки-отвлечения. В общем, снова «кошки-мышки» со смертью...

ЗАВАЛ – ВЕРНАЯ ПРИМЕТА ТЯЖЕЛОГО БОЯ

Пожалуй, самыми тяжелыми для нас на пути к Выборгу стали промежуточные заградительные позиции финнов. Их приходилось брать штурмом. В качестве основного препятствия на таких позициях использовались мощные завалы-засеки из бревен.

Возводили такую засеку финны хитро. Они не срубали ели и сосны, а скручивали их хомутом из стальной проволоки у основания, подпиливали ствол и ломали дерево. Оставался пенек высотой 30–40 сантиметров, связанный крепким хлыстом древесины с поваленным стволом, и все это дополнительно укреплялось скруткой из проволоки. Пенек играл роль низкой противотанковой надолбы, мешая движению танков, а сдернуть буксиром на тросе срубленное таким образом дерево практически нереально. Кроме того, с нашей стороны финны дополнительно подрубали крупные ветки так, чтобы получились острые колья, которые могли пронзить бойца, если он падал на них. Мелкие ветки они частично оставляли, чтобы те закрывали колья.

Срубленные таким образом деревья валили друг на друга так, чтобы они перевились друг с другом, а затем на них для усиления наваливали бревна. В готовом виде засека имела форму пирамиды до трех метров высотой и до пяти в ширину. За ней на высотках оборудовались дзоты и окопы. Места, где завал перегораживал дорогу, обязательно контролировались противотанковыми шведскими пушками «Бофорс» калибра 37 мм. Иногда такой рубеж усиливался противотанковым и противопехотным минным полем и полосой колючей проволоки. Всегда, даже когда не было «колючки», перед завалом наваливали ряд ветвей, срубленных с деревьев: политые водой, они мешали продвижению не хуже колючей проволоки, играя роль малозаметного в снегу препятствия. На гладкой «финской», обратной стороне завала не за что было ухватиться при спуске; и если ты все же под огнем сумел влезть на верх засеки, то летел оттуда прямо в переплетение бревен, ломая себе все что можно.

Эвакуация раненого с поля боя

На огневой позиции под Выборгом

Поэтому когда с головных машин мы видели в лесу просвет, а в нем верхушку такого завала, то сразу знали – впереди тяжелый бой.

Сил у наших передовых частей для штурма такой позиции было недостаточно, и мы ждали подхода пехоты. Колонна вставала на дороге, не доходя до опушки леса. Танковые командиры связывались с командованием и просили поддержки. Мы проверяли на наличие противотанковых и противопехотных мин край леса напротив завала, после чего танки рассредоточивались по опушке в 15–20 метрах от ее края. Начинали копать по краю леса снежные траншеи для себя и для прибывающей пехоты. Финны в это время не открывали огня, чтобы не обнаружить своих позиций раньше времени. Танкисты и наши командиры в орудийную оптику пытались обнаружить их дзоты и противотанковые пушки.

Так в молчаливом противостоянии проходило время до подхода нашей пехоты. Обычно она нагоняла нас поздно вечером на грузовиках. С ней подходила и полковая артиллерия калибра 76 мм. Крупнокалиберные орудия, которые буксировались тракторами, к сожалению, редко поспевали к боям за такие промежуточные рубежи.

АТАКА НАЧИНАЛАСЬ В ТИШИНЕ

За ночь командиры «утрясали» взаимодействие, части немного отдыхали, и на рассвете мы находились на позициях, изготовившись к бою. У нас было маловато артиллерийских боеприпасов для длительной артподготовки, да и калибры наших орудий были слабоваты против дзотов, что все знали еще по опыту боев на «линии Маннергейма», поэтому не было никакой артподготовки. Кроме того, конечно, важен был фактор внезапности. Все происходило сперва без выстрелов, в полной тишине.

Начинали мы, инженерные осназовцы. Конечно, никто не бежал по снегу с криком: «Ура!» Мы просто выползали в рассветной мгле из снежных траншей нашими группами на широком фронте и ползли к засеке. Первый в каждой тройке полз с винтовкой Мосина с примкнутым штыком и протыкал снег в поисках противопехотных мин (можно было идти с саперным щупом, но мы предпочитали именно так – и мины ищешь, и стрелять можешь). Второй осназовец полз с миноискателем: он обезвреживал противотанковые мины. Третий сзади из автомата Федорова прикрывал обоих товарищей.

У всех нас были с собой, помимо основного вооружения, саперные лопатки и заряды взрывчатки. Как правило, нам удавалось без особых помех доползти до полосы из веток или колючей проволоки. За нами оставалась в снегу глубокая колея, по которой потом двигалась в наступление пехота. Наступать цепями по целине было бы самоубийством: в глубоком снегу боец шел сто метров примерно двадцать минут. Представим себе, двадцать минут под прицельным огнем, каждые сто метров! Конечно, финны остановили бы наши атаки, наступай мы по целине. А так, по снежной траншее, продвигаться вперед было гораздо быстрее и безопаснее. Тем более, выползали мы в разных местах, по всему фронту, и финны не знали, где именно начнется атака.

Полоса веток или колючей проволоки, заранее пристрелянная финнами, находилась на полпути от наших позиций до засеки. Когда мы выползали к ней, противник открывал шквальный огонь. Только этого и ждали наши танкисты и артиллеристы. Первые стреляли по вспышкам огневых точек, а вторые вели огонь по полосе финской обороны для общего подавления противника. Но мы знали, что у наших не так много снарядов и поддержка не могла быть долгой. Прорубившись саперными лопатками сквозь заграждение, мы гранатами пробивали себе путь к засеке. Гранатные разрывы и разминировали местность перед нами, вызывая детонацию финских мин, и пробивали для нас проход в глубоком снегу.

Прорвавшись к засеке, мы подкапывали снег и закладывали саперные заряды на всю ширину у основания. Затем поджигали бикфордов шнур и отходили на безопасное расстояние. Подрыв зарядов взметал бревна вверх и разбрасывал их в стороны, раскрывая для нас проход. (Примерно по такому же принципу делался проход для танков на дороге, только там взрывчатки уходило больше.)

В то время, когда мы закладывали заряды на засеке, поднималась в атаку наша пехота. Она шла по нащим следам-траншеям, а путь через завал уже был расчищен нами.

Начинался штурм высот. Наши орудия прекращали огонь, чтобы не поразить своих, а для нас начинались «огненные метры». Финны били по нам в упор. Нас спасало только то, что фактически штурм велся двумя волнами. Нашей, штурмовой осназовской, и основной второй – пехотной. Финны были вынуждены рассеивать огонь на два направления, и свинца нам доставалось чуть меньше, чем могло бы. В этот момент нас, осназовцев, поддерживали только станковые «максимы» из снежной траншеи у опушки и ручные «дегтяревы» из пехотной цепи от завала.

Мы забрасывали гранаты вверх по склону, кидая их как можно дальше. Запрыгнешь в свежую воронку, еще дымящуюся от взрыва, и снова изо всех сил кидаешь наступательную гранату. Вновь разрыв, и пока не осела поднятая взрывом снежная пелена – вперед. Снег, поднятый взрывами, частично прикрывал нас от финского огня, вроде дымовой завесы. Валишься в новую воронку, стреляешь по противнику – и продвигаешься дальше...

Вот и наши Т-28 пошли вперед,

Работают артиллеристы

Части Красной Армии вступают в Выборг

протискиваются в узкий пролом в засеке на дороге и начинают бить из орудий куда-то в тыл финской обороны, наверное, по позициям противотанковых пушек. Кажется, сердце вот-вот выскочит из груди, задыхаешься от страшного напряжения. По нашим следам идет пехота. Самым главным для нас было дорваться до финской траншеи на высоте, а там уже успех был предрешен...

ЗУБОВ НА «ОРЕШКАХ» НЕ ЛОМАЛИ

Штурмы финских населенных пунктов тоже были на нашем пути к Выборгу. Как ни странно, они оказывались для нас более легкими, чем вышеописанные штурмы завалов-засек. Притом что поселки были укреплены ничуть не хуже промежуточных полос.

Каждый населенный пункт окружался сетью дзотов и траншей, оборудовавшихся так, что они позволяли вести многослойный перекрестный ружейно-пулеметный огонь и прикрывали друг друга. Все дзоты имели телефонную связь между собой и с тыловыми позициями в поселке. Подвалы домов тоже были превращены в укрепленные огневые точки. Перед траншеями ощетинились полосы колючей проволоки.

И вот такие «крепкие орешки» мы брали гораздо легче, чем полосы завалов. Выйдя к такому населенному пункту, мы осматривались, а потом наши подразделения разделялись. Две роты нашего осназа с танками начинали окружать поселок по широкой дуге, а одна рота под прикрытием танков шла в лоб прямо на поселок. В окружение шли легкие Т-26, а нас вели на финские позиции средние Т-28.

Обработав беглым пушечным огнем пространство перед финскими траншеями, чтобы уничтожить мины, надолбы и проредить колючую проволоку, Т-28 медленно и уверенно ползли вперед. Танки били под основание домов и сугробов. Даже если снаряд не попадал в амбразуру дзота, он поднимал фонтаны земли, которые заваливали амбразуры, ошеломляли противника. Ну а мы бежали гурьбой за танками, как бегали за ними еще в первом наступлении на «линии Маннергейма». Главное было на последних метрах перед финскими траншеями не дать противнику возможности закидать наши танки бутылками с бензином. Патронов мы на этих метрах не жалели и гранаты швыряли без счета. А когда прорывались в траншею, то по ней уже растекались по всей финской обороне.

К этому времени обходные роты уже прорывались на флангах финнов. Этого они не выдерживали и, в страхе перед окружением и неминуемой последующей гибелью, бросали укрепления и начинали отходить. Словом, был «крепкий орешек» – и не стало...

Вот так мы «грызли» одну за другой финские позиции на пути к Выборгу. Марши, мины, бои, засады, штурмы... Много чего было на этом пути, прежде чем наконец мы добрались до цели.

ШТУРМ ВЫБОРГА

В городе были сосредоточены последние наиболее боеспособные части финнов. Штурм города начался с мощнейшей артподготовки. Такого огня мы не видели даже на «линии Маннергейма». Артиллерии было приказано ввиду близкого мира израсходовать как можно больше снарядов. И артиллеристы постарались. Потом, под прикрытием этого огня, саперные части, включая и наш инженерный осназ, двинулись вперед, снимая мины и подрывая противотанковые надолбы.

Как только артиллерия перенесла огонь вглубь, под прикрытием танков пошла вперед пехота. Все как в десятках боев до этого. Ворвались на окраину города. Запомнились баррикады в Выборге. На окраине они были из огромных рулонов бумаги, за которыми прятались финские противотанковые пушки. Город был центром целлюлозно-бумажной промышленности Финляндии, вот и городили финны заграждения из того, что было под рукой. Вроде бы бумага, но, скрученная в рулон, она держала пули и осколки.

А в центре города баррикады были собраны из чего попало – нагромождение мебели, телег, досок и т.д. Не баррикады даже, а всего лишь легкие препятствия, единственная задача которых была чуть приостановить нашу атаку, чтобы финские пулеметы с верхних этажей могли нас обстрелять.

Горели деревянные перекрытия многоэтажных зданий, пламя с гулом рвалось из их окон и дверей. Чтобы избежать шквального финского огня на открытых пространствах улиц и площадей, мы продвигались по городу от дома к дому и внутри них. Мы либо врывались в здания через окна и двери первых этажей, либо танки пробивали для нас проломы в глухих стенах. А потом самым главным было пробиться на верхний этаж, где установлены финские пулеметы и сидят их артиллерийские наблюдатели. Таким образом, мы расчищали путь пехоте и «ослепляли» финские артиллерийские и минометные батареи, которые теряли возможность прицельно бить по нам. Как всегда, нас выручали наши автоматы Федорова. Они в таком бою вещь незаменимая. Как и в траншейном бою, не жалели гранат. Впереди граната, а ты за ней...

Вот так, шаг за шагом, среди дыма, огня, пыли и свинца мы медленно освобождали Выборг. А потом, когда вышли на окраину города, к нам прибежали связные от командования и сообщили, что в 12.00 необходимо полностью прекратить огонь, ибо с финнами заключен мир. Ровно в полдень в Выборге установилась звенящая тишина. После неимоверного грохота и рева штурма она была удивительной. Мир... Мы победили... Мы живы... Были удивление от этого и несказанная радость. Война закончилась...

КАК МИЛЛИОН ОСТАЛСЯ БЕЗ ПОГОН

Василий ХОРЕШКО

(Начало на стр. 26)

Остальным пришлось довольствоваться выходным пособием в размере двух окладов по должности и воинскому званию.

Спустя год после выхода постановления министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский отчитался о проделанной «чистке» ратного стана. Минорный тон сквозит в его докладной записке от 8 января 1959 года (с грифом «совершенно секретно»). *«...Уволенные офицеры, считавшие службу в Вооруженных Силах своей пожизненной профессией, как правило, уходили из армии с большим нежеланием. Крайне болезненно переживали свое увольнение семейные офицеры, не имеющие гражданских профессий, права на пенсию и жилье... С учетом офицеров, уволенных по прежним оргмероприятиям, количество нетрудоустроенных составляет 4.736 человек и не обеспеченных жилплощадью — 47.674 человек».* Маршал, надо отдать ему должное, категорически настаивал на принятии на местах (центральными комитетами компартий союзных республик, крайкомами и обкомами партии) дополнительных мер по трудоустройству и жилищному обеспечению названной категории военнослужащих.

В 1960 году последовало решение о сокращении еще 1,2 млн., которое не было полностью осуществлено из-за обострения международной обстановки. Тем не менее на Министерство обороны по-прежнему продолжали давить, побуждая умерить аппетиты.

В детском стишке под названием «Мир» Сергей Михалков, вероятно, непреднамеренно уколол главного реформатора государства. За фигурой мальца-именинника, из любопытства разобравшего подаренную ему игрушку, так и видится большой дядя, который дорвался до оказавшейся в его руках военной машины и грубо влез в нее. *«Что же ты наделал, Женя?!/ Все сломал? Какой кошмар!/ — У меня разоруженье!/ — громко крикнул юбиляр».* Представьте себе, как шокировало бы чтение этого четверостишия, допустим, даже в шутку, на праздновании 70-летия Никиты Сергеевича.

Гордость поколения... в зоне отчуждения

Вот как охарактеризовал Хрущев своих современников: *«...Люди жили впроголодь, зато работали с остервенением. Не совсем благозвучное выражение, но в то время оно понималось по-хорошему: трудились с самозабвением, пренебрегая личным благополучием... Все во имя социализма, для рабочего класса, для будущего! А пока что — спартанский образ жизни». «...Наш народ затягивал животы поясами, голодал и холодал, жил в нужде, но не жалел средств на создание такой индустрии и вооружение армии, с тем чтобы враг не мог даже подступиться к нашим границам».*

В «обществах потребления» подобный курс на лишения заведомо был бы обречен на провал. Недаром не обошли вниманием данный вопрос сотрудники центра стратегических исследований, тесно связанного с Пентагоном и ЦРУ. Они подчеркнули: *«Для обеспечения обороны всеми ресурсами нужны и ВНП (совокупная стоимость ежегодно выпускаемой продукции в денежном выражении), и желание людей приносить жертвы»* («Военная экономика в ядерный век», перевод с английского, Воениздат, 1964).

Даже запуганного советской угрозой американского обывателя трудно было заставить раскошелиться. Он привык считать цент и доллар и не спешил поступиться даже малым («минимальные потребности» в их и

нашем понимании являли собой разительный контраст). Отказ от второй автомашины в семье янки воспринял бы как трагедию (напомню, что разговор идет о 1950-х годах, когда пределом мечтаний Хрушева было «накормить, одеть и обуть народ»). Заокеанские налогоплательщики до глубины души возмутились и бурно протестовали, узнав, что «корпус морской пехоты покупает туалетную бумагу по цене выше той, которую уплачивают ВВС». В свой черед члены конгресса подняли шум, узнав о скопившихся на складах военно-морских сил 11 тысяч дюжин... вилок для устриц.

США в то время откровенно и самонадеянно признавали свое экономическое положение в три раза лучшим, чем у нас. На Западе прекрасно понимали наше положение: *«...Советский Союз решил свои главные задачи путем отвлечения ресурсов из сферы потребления в сферу обороны и сферу определенных видов капиталовложений».*

Ладно, создавали мы новый вид Вооруженных Сил, ощутимо ущемляя другие виды. Но ведь и востребованным атомным веком Ракетным войскам (объявленным главенствующими, элитными!) тоже пришлось начинать с лишений. Среди множества документальных свидетельств хотелось бы выделить сборник «Ветераны-ракетчики вспоминают» (выпущенный к 35-летию РВСН), из которого я уже цитировал некоторые фрагменты.

Первопроходцев загнали в полосу отчуждения – в прямом и переносном смысле. Как серьезный просчет воспринимали они требование значительного удаления ракетных комплексов (не менее 30 км) даже от мало-мальски населенного пункта, не говоря уже о крупных городах. В итоге вершители первоочередного государственного дела, исполнители важнейшей миссии оказались в безрадостной изоляции – вдалеке от всех благ цивилизации.

«Трудно поверить, какое непомерное терпение выпало на долю офицеров, большинство из которых по 3–5 лет жили без семей, в помещениях барачного типа, без элементарных удобств», – свидетельствует один из первых комдивов РВСН, выросший до заместителя главкома, летчик-фронтовик Герой Советского Союза генерал-полковник в отставке В.М. Вишенков. Он же пишет о трудностях другого рода, с какими столкнулся при формировании дивизии с нуля. *«...Попрежнему продолжали «осаду» моряки и летчики, требуя направить их в свой вид Вооруженных Сил или уволить в запас. Категорически отказывались менять форму одежды. Приходилось убеждать их в перспективности службы в Ракетных войсках. В результате нам удалось за 5–8 лет создать монолитный коллектив офицеров, с честью несущих звание ракетчиков».*

Генерал-полковник в отставке А.Д. Мелехин командовал отдельным ракетным корпусом после окончания в 1961 году Военной академии Генштаба. *«...Я познакомился с местным гарнизоном, проведя строевой смотр в военном городке, где размещался штаб с несколькими частями вновь сформированной дивизии... В строю стояли офицеры из Сухопутных войск с различными эмблемами и цветами околышей фуражек, а также моряки, летчики и в гражданской одежде – призванные из запаса. Такая же картина была и в других дивизиях...»*

А вот личные впечатления о тех преобразованиях генерал-майора в отставке Н.В. Лапшина 1923 года рождения, присягнувшего РВСН в 1959 году: *«...Основная масса моих ровесников с желанием записывалась в ракетчики, но были и недовольные. Прежде всего отдельные боевые летчики, которые всей душой любили небо и имели на своем счету сбитые фашистские самолеты, а также их «единомышленники», которые в силу своей неподготовленности в военно-техническом отношении чувствовали: нет у них перспективы в службе в войсках, оснащенных новейшим сложным оружием».*

Сначала – ракеты, потом – соцпакеты?

Каким бы аскетическим ни был армейский уют, его почему-то всегда считали дорогим удовольствием. Новоселов в погонах испокон веку вынуждали довольствоваться тем, что попроще, поплоше, подешевле. Из перечня объектов первой очереди – традиционно! – выпадали жилье, благоустройство городков, строительство школ, детских садов, поликлиник.

Смех сквозь слезы вызывает чтение записок генерал-лейтенанта П.П. Свотина о бытности его пребывания на секретном объекте «Тайга». В реальности это расположение оказалось не в суровой сибирской глуши, а в безводной пустыне за Аральском. В Москве назначенцам выдали шерстяное обмундирование, на конечной же станции их встретила 30-градусная жара. Приезжающих кое-как устраивали в переполненных сборно-щитовых домиках. Они продувались насквозь, так что острословы неспроста окрестили их «сборно-щелевыми». Отсутствие даже минимальных удобств вызвало вспышку дизентерии. А местный санитарный врач майор с характерной фамилией – Смертин – не имел в достатке даже креозота, чтобы защититься от роя мух. Потребовался не один год, покамест те, от кого зависел офицерский комфорт, не пришли к выводу: на времянках долго не продержаться. Но вся беда в том, что и доныне нашему брату традиционно предлагаются, мягко говоря, не лучшие варианты жизнеобеспечения. Понятно, для чего испытывают агрегаты, подвергая их воздействию предельных температур, вибраций и перегрузок. Непростительно, когда подобная безжалостность переносится на людей...

Генерал-майор Н.В. Лапшин с сожалением признал, что забота о поддержании боеготовности часто отодвигала на второй план человека с его переживаниями и нуждами. *«...Социально-бытовые вопросы у ракетчиков решались, как теперь принято говорить,*

по остаточному принципу. В гарнизонах постоянно 300–400 семей офицеров и прапорщиков не имели квартир. Несовершенство нашей финансовой системы подталкивало ко всяким ухищрениям, чтобы выкроить какие-то средства на строительство жилья, школ, детских садов и при этом уложиться в смету. Нас ругали, грозились строго наказать, но в конечном итоге соглашались. Стараясь как-то выйти из положения, иные начальники чрезмерно загружали личный состав хозяйственными и прочими работами. Тем самым увеличивалась нагрузка на тех, кто занимался первостепенным делом. По норме боевое дежурство не должно было превышать 90 суток в год, а практически каждый из нас дежурил по 130–150 суток и более. Ни юридической, ни медицинской защиты профессионал в погонах в то время не имел. От перегрузок, физического перенапряжения многие болели, некоторых списывали и увольняли. По сути, выбрасывали, как отработанный материал. Ставился этот вопрос в разных инстанциях, но решался медленно, со скрипом».

«Жалоба у всех была одна — нет жилья, — не с чужих слов судит о трудностях генерал А.Д. Мелехин. — *Как сейчас помню, по состоянию на 1 января 1962 года в корпусе было 4.980 бесквартирных только семей офицеров, не считая сверхсрочнослужащих и служащих Советской Армии... Десятки тысяч людей возводили объекты, используя разнообразную технику, день и ночь, в три смены без выходных дней, среди бездорожья, в лесисто-болотистой местности, вдали от населенных пунктов. Был определен пусковой минимум, то есть вначале строили сооружения на стартовых и технических позициях, и лишь потом — все остальное...»*

Многие ракетчики могли бы сказать: живем, как на каторге или в ссылке, подразумевая не только географическую отдаленность освоенных ими районов: от южных степей Средней Азии до Камчатки, мыса Шмидта и Анадыря. Такое положение долго продолжаться не могло, и очень скоро оно дало о себе знать.

Офицерами одного из полков дивизии генерал-майора Д.Д. Агеева был послан гонец с коллективным письмом лично к Н.С. Хрущеву. Разразился скандал. На место выехала авторитетная правительственная комиссия, которая сделала обобщенные выводы о состоянии дел не только в указанном, но и в других соединениях. Никита Сергеевич немедля принял меры, проявив отеческую заботу о «ссыльных». За его подписью в марте 1963 года вышло в свет строгое постановление Президиума ЦК КПСС. В нем, в частности, указывалось, что пусковые установки и в целом боевые стартовые комплексы не должны приниматься в эксплуатацию и ставиться на боевое дежурство без элементов соцкультбыта. В результате увеличились ассигнования на обустройство войск и строительство жилья для семей военнослужащих.

Как вы посмели, командиры, родные изорвать мундиры?!

Благо, что в СССР не было безработицы — всюду пестрели объявления: «Требуются...» А с появлением огромнейшей массы уволенных (имя им — легион!) вербовать добровольцев куда бы то ни было стало проще некуда.

Писатель Семен Ваксман в одном интервью уважительно отозвался о таких бедолагах, с кем ему довелось в середине 1960-х годов мерить версты в пермской тайге в составе группы топографов и сейсмологов: «...*Они шли по тонкому льду, шестами выдавливали на поверхность черную воду — она намерзала. Они выдавливали еще, сверху бросали хворост, и это называлось «наморажи*

ванием трассы». И когда эти первопроходцы, рисковавшие на каждом шагу, возвращались на стоянку в промокших робах, они первый тост поднимали «за нашу новую дорогу». Говорили так в широком смысле, горестно причисляя себя к жертвам волюнтаризма, когда Хрущев «изорвал» миллион с гаком мундиров, чтобы залатать ветхое одеяло экономики. И строки из Лермонтова им приходили в голову в переосмысленном виде. *«Им некуда было деваться. Они шли куда угодно, в том числе намораживать дороги»*. А разве и сугубо гражданские лица не испытали на себе прихоти властных структур, страдающих субъективизмом и произвольными решениями?! Тот же Ваксман описывает минобороновскую затею второй половины 1950-х годов, ставящую целью резко увеличить число спецов военно-транспортной авиации (для крупномасштабных десантов — в противовес тем же натовским устремлениям). Для этой цели выбирались подчас совершенно негодные средства, когда науку самолетовождения пытались вдолбить призванным из запаса учителям, агрономам, юристам и тому подобным резервистам. Заодно с ними на переподготовку направлялись и высококвалифицированные летчики. Писатель вспоминает одного бывшего старшего лейтенанта, штурмана 2-го класса, который после сокращения устроился грузчиком на винзавод и постепенно спивался. Для армии он был потерян, и никакая переподготовка уже не могла его спасти.

К сожалению, это не единичная кампания «принуждения к службе» при одновременном небрежении теми, кто к этой самой службе давным-давно прикипел. Сам Хрущев в своих мемуарах в пух и прах раскритиковал самовольство Сталина, замыкавшего на себе все военные проблемы. Сразу после войны загорелись строить могучий ВМФ, не считаясь ни с какими затратами. *«...Призывали студентов старших курсов, а также лиц, окончивших вузы, и посылали их в военно-морские академии и училища. Готовили специалистов всех категорий, нужных для флота»*. А чем все закончилось, уже при Хрущеве? Разукомплектовали и оставили ржаветь в бухтах линейные корабли и тяжелые крейсеры. А разве и в последующем мы не сталкивались с «вивисекцией» над собственной армией, с волюнтаризмом брежневского типа и т.д.?!

Бесконечное множество печальных исповедей извлек я из Интернета, зарядив поисковую систему всего одним термином «хрущевское сокращение».

Вначале – письмо офицера из Забайкальского военного округа, написанное родным в 1958 году: *«...Уже не раз мы находились под страхом этих мероприятий, но теперь и нас не миновала «чаша сия». Надо видеть, как демобилизуются мои сослуживцы, у которых по двое-трое детей: ни жилья, ни одежды, ни денег, ничего нет. Их увольняют без пенсии, не хватает полутора-двух лет. Настроение у всех ужасное...»*

Следом мое внимание привлек то ли очерк, то ли рассказ Д. Улаховича: *«...Скорее, это был разгон, а не сокращение. Косили без разбору. Наша дивизия расформировывалась. Из всего полка оставалось пять офицеров. Василий Филиппович Плужников был к тому времени командиром полка и собирался в академию. Не посмотрели, что всего-то тридцать семь лет, полковник, боевых наград целый иконостас. Тоже под увольнение, словно лишний скот под нож. А именно такие, как он, и вынесли на себе всю войну и подарили победу... И Витька Бревнов от жизни неудавшейся кричит. Служба – вот его призвание и судьба. Но кого интересовало его призвание? Разнарядка – вот и вся судьба».*

Приведу еще ряд «выжимок». *«...Два года всего не дали мне дослужить до военной пенсии по выслуге лет. В возрасте 35 лет, с женой и двумя детьми на руках, оказался я не у дел, без всякой гражданской специальности и без средств к существованию. Увидел объявление о наборе студентов в Казанский электротехникум и зашел к директору. А тот говорит: принимаем молодых – не старше тридцати лет. Недолго думая, настрочил я письмо министру связи СССР. А через две недели приходит телеграмма: «В виде исключения зачислить в техникум без экзаменов». Постепенно жизнь наладилась. После техникума до самой пенсии проработал в организации «Промсвязьмонтаж».*

«...Ф.Д. Поленов, главный хранитель и директор музея «Поленово», в юные годы мечтал стать моряком. Федор Дмитриевич окончил Высшее военно-морское училище и почти 10 лет служил офицером на флоте. Хрущевское сокращение вернуло его в родные места. Усадьбе своего деда он служил ровно 40 лет, с 1960 года...»

«Мой дед – офицер-десантник. Воевал на Карельском фронте, имеет много наград. Войну закончил в Венгрии. Туда же был направлен в 1956 году для подавления мятежа. Был уволен по сокращению в звании майор – чуть-чуть не дотянул до нормальной пенсии. Работал в Курске на каком-то заводе. Но никогда не мог отрешиться от того, что, говоря высоким штилем, зовется жизненным призванием».

Что передалось сыновьям? Великая обида за старшее поколение, которое «не умело жить для себя».

«...Мой батя воспринял сокращение как смертельный удар и как оскорбление – взамен боевого ремесла идти поднимать сельское хозяйство».

«...Из-за контузии, полученной в Румынии, отец был комиссован во время сокращения войск, оставшись без пенсии. Я не помню, чтобы он хоть раз среди застолья изобразил пафос вставания со стаканом и провозглашения какого-нибудь доблестного тоста. Вот честь офицерскую он соблюдал повседневно, даже в мелочах».

И еще один автор нашел не менее трогательные слова для своего отца, Гейко Василия Ефремовича – фронтовика, штурмана пикирующего бомбардировщика: *«...Он начал воевать в 1943-м. Ему исполнился тогда 21 год. Моему среднему сыну сейчас 23, а я считаю его ребенком... В 1959-м он оказался пенсионером в тридцать семь лет. И это виделось настоящей трагедией...»*

«...О людях у нас никогда не думали. Нужны – с ними возятся, не нужны – под зад коленом. Мечтал я о службе в палубной авиации, а попал в реформистский переплет. Все-таки выкрутился, а другие так и не сумели выйти из пике...»

Не летаешь и молчишь? Значит, тебе имя – Чиж!

Один майор из злосчастного «миллиона двести» по фамилии Чиж устроился в колхоз свинарем. Журнал «Огонек» дал о его трудовом почине развернутый фоторепортаж. Вылепили из запасника-энтузиаста образец для подражания. Только маловато что-то нашлось желающих ему подражать.

Трудно сказать, может, и действительно нашел свое призвание, перейдя на свиноферму, распропагандированный майор Чиж. Трудяга и хороший организатор, он и на новом поприще не уронил офицерского звания, добился рекордных результатов в новом деле, прежде ему совершенно не известном. И, думается, вполне заслуженно был удостоен высших правительственных наград. Хотя, легко догадаться, немало ядовитых стрел было выпущено в его адрес со стороны своих братьев-военных. Особенно раздражало их, по-видимому, демонстрируемое благополучие вроде бы товарища по несчастью. Его сделали бескрылым, а он и доволен. «Невысоко ж ты паришь, дорогой товарищ Чиж!» – пеняли ему те, кто не мог смириться с отлучением от боевой профессии. Брошенные и неопределившиеся, они жаловались друг другу слезно, как в песне: «Мы – люди другого полета, куда мы с тобой полетим?»

Поэт С. Маршак, обладавший и сатирическим даром, написал когда-то в соавторстве с Д. Хармсом вроде бы детскую песенку с задорным лейтмотивом. Чего только не умели у него «сорок четыре веселых чижа»: *«Чиж – судомойка, чиж – поломойка, чиж – огородник, чиж – водовоз, чиж – за кухарку, чиж – за хозяйку, чиж – на посылках, чиж – трубочист».* Как знать, может, кто-то воспринимал эти строки применительно к майору Чижу и его экс-военной братии, вынужденных по мере своих способностей приноравливаться к своему новому положению. Только таковых было, по самым скромным подсчетам, сорок четыре, помноженное на десятки тысяч. Да и вряд ли кому-то из них «метаморфоза» прибавила веселья.

«...Я отлично помню, каким жалким и растерянным выглядел мой дядя после того, как был отправлен в отставку

в 39 лет. Мог бы ругать Кукурузника, лишившего его того, к чему он готовился и чем жил 20 лет. Вместо этого он перешел в Аэрофлот и еще почти 20 лет летал, даже, кажется, успешнее, чем в армии».

Мне не удалось докопаться: кем, где и как служил майор Чиж. Почему столь легко переквалифицировался? У иных (и многих!) вообще не задался переход в цивильное состояние. Но были и другие, кто в ином качестве продолжал верой и правдой служить ратному делу. Оставленные без места, вынужденные заниматься чем придется, они не роняли честь мундира, пусть оскорбительно изорванного.

Показателен пример А.А. Кадочникова, которого по праву считают творцом системного подхода к рукопашному бою как комплексной составляющей жизнеобеспечения современного боя. Внук полного георгиевского кавалера, он с юности целеустремленно шел к избранной раз и навсегда цели — стать высокопрофессиональным военным. В Харьковском авиационном военном училище получил диплом летчика, затем в спецучилище в Ейске освоил 18 дополнительных специальностей, необходимых для выживания воина в автономных и экстремальных боевых условиях. Казалась очевидной прекрасная офицерская карьера — пока не грянуло печально знаменитое сокращение. Кадочникову пришлось уйти на гражданское поприще. Успешно окончил политехнический институт. Счастье для армии, что он не оставил боевую стезю, а стал передавать наработанную им науку выживания курсантам Краснодарского высшего военного училища. Теперь его ученики в свою очередь создали школы с преподаванием «стиля Кадочникова», и благодаря этому тысячи военнослужащих прошли необходимую подготовку.

«...Армия вытолкнула их, а они остались верны ей до гроба, так или иначе не порывая связи с ней, воспитывая юных патриотов. Это относится и к Кадочникову, и к тысячам подобных ему — и получивших известность, и оставшихся незаметными». А сколько потерянных для армии ценных кадров — из-за того, что, видя безрадостный удел отцов, вынужденно снявших погоны, сыновья не пошли по их стопам. Прекращение традиции унаследования профессии — это вам не шутка! Биография Героя России Геннадия Трошева — скорее исключение из правил. Его отец, военный летчик, попавший под хрущевское сокращение, был против армейской карьеры сына...

Или, например, летчик-космонавт Владимир Аксенов. Он тоже усложненным путем пробивался к мечте. И вот как об этом поведал в интервью: *«В 1956 году после учебы в Чугуевском военном авиационном училище весь наш курс, за исключением нескольких человек, отправили «на гражданку». Нужно было определяться с работой, и я поступил в ОКБ-1 к Сергею Павловичу Королеву конструктором 3-й категории, поскольку до высшего училища окончил Мытищинский машиностроительный техникум. Без отрыва от работы окончил политехнический институт, прошел все ступени квалификации конструктора до ведущего инженера. И, наконец, в 1964 году был принят в летно-испытательский отдел, созданный по инициативе Королева...»*

Покуда миру есть угроза, не дремлет русская «Береза»

Генерал-лейтенант в отставке А.С. Калашников описывает показ ракетной техники руководителям партии и правительства в сентябре 1958 года. Эту акцию замаскировали кодовым названием «Береза». Пуск баллистических и крылатых ракет произвел впечатление на высоких гостей. *«Н.С. Хрущев произнес знаменательную фразу: «...сегодня мы увидели, что такое ракеты. Они могут быть грозным оружием и надежным щитом Родины. Все участники разбора поняли, что это и есть начало создания нового вида Вооруженных Сил».*

РВСН начали свой отсчет с 17 декабря 1959 года — со дня принятия соответствующего постановления советским правительством. В этом году мы отметим их полувековой юбилей.

Герой Советского Союза генерал-полковник в отставке В.М. Вишенков, строевик и штабист со стажем в полвека, вправе был сказать: *«Лучшими годами службы считаю период становления Ракетных войск, когда требовались воля, ум, сила духа, знания, опыт, находчивость, коммуникабельность и выносливость (вот сколько качеств диктует военная профессия!) Я только сейчас в полную меру осознал все величие дел, в которых принимал участие».*

Выражу собственное мнение, которое не собираюсь никому навязывать: знакомство с деятельностью беспощадного реформатора не убавило и не прибавило мне симпатий к Хрущеву. Показательно то, что при отлучении Хрущева от штурвала государственного

корабля среди множества обвинений в его адрес не прозвучало ни одного, касающегося его ломки военной системы. Ломать — не строить, но он же и строил! *«...Произошла реорганизация структуры войск, формирование новых, более оснащенных по огневой мощи и технике, соединений при их в несколько раз меньшем, чем в войну, количестве». «Каждая стрелковая дивизия обзавелась положенным ей по штату ракетным дивизионом — и сразу обрела современный вид и вес»*, — делился со мной бывший генштабист своим видением тех реформ. Уже за одно это можно многое простить верховоду сокращений.

А с чем же решительно нельзя согласиться? С беспардонным отношением к наиболее ценным из всех видов ресурсов — людским. У нас, похоже, мало учитывается первейший фактор — моральный дух офицерского корпуса. Пожалуй, худшее в хрущевских преобразованиях — это предубеждение против армии, которое незаметно насаждалось среди обывателей и в конце концов стойко закрепилось в обществе. Что мы, к великому прискорбию, наблюдаем и сегодня.

Наверное, нет ничего хуже в стиле руководства, чем прихотливость решений и пагубные метания. *«...Народ устал от шараханий власти в разные стороны, от лозунгов и демагогии»*. На это указывает в своих мемуарах, наполненных поучительными примерами и серьезными раздумьями, генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малашенко («Вспоминая службу в армии», Редакционно-издательский центр Генштаба ВС РФ, М. 2003). Работая после увольнения в запас в генштабовском Центре оперативно-стратегических исследований, он с некоторым удивлением обнаружил существенные пробелы в советской военной доктрине. *«...Много было надуманных, политизированных положений о ведении ракетно-ядерной войны, далеких от реальной действительности... Не разрабатывались способы ведения локальных войн и применения высокоточного оружия, а отставание средств разведки не обеспечивало наблюдения за полем боя и получения данных для применения оружия в реальном масштабе времени»*.

На своем веку генерал Малашенко повидал немало тех или иных веяний в военном искусстве. В частности, он ссылается на то, как менялись взгляды на спецназ. В связи с появлением в НАТО ядерного арсенала было предложено создать спецподразделения для разведки этих средств при подготовке и ведении боевых действий. В начале 1950-х годов их стали включать в состав общевойсковых и механизированных армий и внутренних округов (не имеющих армейских объединений). Быстро сформировали 40 рот специального назначения численностью 120 человек каждая. А правильнее было бы (не с кондачка рассуждает автор) вначале подготовить для них учебно-материальную базу, получить опыт и затем постепенно увеличивать их количество. Когда грянуло общее сокращение Советской Армии, из 40 таких подразделений осталось всего 11. Прошло какое-то время, опять взялись за возрождение спецназа: создали 5 отдельных батальонов, которые позже выросли до бригад...

Позвольте высказать собственное соображение по поводу систематически-спорадической тяги к урезанию либо наращиванию каких-либо армейских структур. Часто это происходит стихийно, непродуманно, скоропалительно, в силу субъективных причин. Главная же пагуба заключается в том, что мы ставим на карту людские судьбы. Ставим под удар саму профессию — Родину защищать. Ибо нестабильное положение, тем более масштабное увольнение, военного сословия как бы девальвирует необходимейший род деятельности. А на кого в таком разе прикажете равняться, кого считать истинным подвижником и сыном Отечества?

А ведь служивые в погонах, пожалуй, самые здоровые силы общества, их отличает и гражданская зрелость, и готовность к самоотречению при отстаивании государственных интересов. Нельзя сказать, что государевы люди в полном небрежении. И вместе с тем порой (да если бы иногда — регулярно!) с ними поступают как заблагорассудится. И далеко не всегда кардинальные изменения идут во благо обороноспособности.

Надо отметить, что Хрущев был горазд на самые противоречивые заявления. На закате дней своих, будучи «на положении вольного казака», он рассуждал: *«Можем ли мы в принципе полностью удовлетворять запросы людей? Конечно. Следует выделить на это больше средств, зажав расходы по военному ведомству. Нельзя, прикрываясь словами о защите Родины, не удовлетворять повседневных запросов человека»*.

Одновременно плюсом в своей деятельности он считал заботу об увеличении арсенала. *«...Я очень много внимания, времени и энергии уделял тогда совершенствованию Вооруженных Сил. Конечно, как организатор, а не как специалист. Руководству важно своевременно прислушаться, услышать нужное, поддержать здоровую мысль и правильно нацелить людей». «...Пока что мы живем в мире, где нужно смотреть в оба, и поддаваться одностороннему пацифистскому настроению, без учета международных обстоятельств, опасно. Нас могут слопать»*.

Что ж, добрыми советами не стоит пренебрегать, тем паче забывать исторические уроки.

ШТАБНЫЕ ХЛОПОТЫ

Михаил СЛИНКИН

Когда 25 декабря 1979 года был начат ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск, в этой стране уже находились наши военные советники и переводчики. Многие из них 27 декабря приняли участие в операции «Шторм-333» по свержению Хафизуллы Амина и приведению к власти Бабрака Кармаля. После этого они вернулись к своим обязанностям, выполнять которые пришлось в новых и порой весьма сложных условиях.

В начале января 1980 года, после недолгого сидения во дворце Арк, штаб афганского центрального армейского корпуса переезжает, но не по прежнему адресу в центре города, а в район Дар-уль-аман, в здание, где до событий 27 декабря располагался генеральный штаб афганских вооруженных сил. Еще раньше там был музей. Нам выделяют большой кабинет погибшего здесь же во время штурма начальника генштаба Мухаммада Якуба — зятя убитого тем же вечером Хафизуллы Амина.

В подвальных помещениях разместилось управление советского десантного батальона с одним взводом. Техника стоит во дворе. Этот взвод и охраняет двухэтажное здание, причем как-то чрезмерно рьяно. Перекрыты постами не только подступы к нему, тичные клетки, коридоры и выходящие из них на улицу окна. На площадке парадной лестницы установлен на треноге вызывающий недоумение у нас и афганцев крупнокалиберный пулемет ДШК, возле которого постоянно дежурит расчет. Службу несут в две смены: половина взвода отдыхает, вторая половина тревожно бдит на постах.

Возникает вопрос: кого это они так боятся? Корпусных офицеров? Но их не видно. Может, еще на службу не прибыли? Заглядываю в один кабинет, в другой: офицеры на местах, делают вид, что заняты чем-то, но из кабинетов выходить не спешат. Лишь два пожилых афганца в подполковничьих погонах, завидев меня, вдруг оживляются и бегут здороваться: «Господин переводчик, салам алейкум! Ну пожалуйста, скажите им, чтобы не держали нас взаперти, мы ведь уже не молодые, нам часто выходить нужно, сами понимаете куда». Не понимаю, прошу объяснений. Рассказывают, что всю прошедшую ночь они просидели в кабинете. Расставленные повсюду часовые пресекали любую их попытку пробраться в туалет. А в окно малую нужду не справишь. Во дворе тоже часовые, неправильно понять могут, оскорбиться... Сочувствую и выражаю готовность разобраться. Иду к советнику начальника связи корпуса Анатолию Андреевичу, объясняю ситуацию. «Они что там, совсем охренели? Мало того, что своих людей донельзя самоохраной измучили, еще и афганцев обижают, прямо-таки измываются над братьями по оружию, — свирепеет Андреич. — А ну пошли к их командиру!»

Спускаемся в подвал. У молодого комбата на одну звездочку меньше, чем у Андреича, но у него она настоящая, а у Андреича — виртуальная, так как знаки различия на афганскую форму, положенную советникам, пришпиливать не принято. Поэтому он сначала представляется: подполковник такой-то. Это впечатления не производит. Тогда Андреич, сурово глядя в глаза майору в десантном прикиде и добавив металла в голос, строго вопрошает:

— Тебя как зовут?

— Николай.

— А по батюшке?

— Николаевич.

— Николай Николаевич, что за балаган ты устроил?

— Какой балаган?

— А такой! Ты что ж это, победитель, боишься чего?

— Ничего я не боюсь, — выпячивает грудь победитель.

— Ничего? А почему ж ты тогда безоружных старичков по кабинетам позапирал?

— Каких старичков?

— Да штабных! Ночами их в туалет не пускаешь, расставил тут посты по всем углам, армию советскую позоришь, будто «непобедимая и легендарная» безоружных инвалидов испугалась...

Эмоциональный Андреич цели не достигает: комбат стоит на своем, доказывая, что бдительность его вытекает из строгих указаний командования и неопределенности угроз, подстерегающих вверенный ему батальон в дикой восточной стране. Тогда Андреич решает, что правильно осветить обстановку и внушить ретивому комбату, что она уже никакой опасности не представляет, сможет лишь наш спокойный и рассудительный старший коллектива советников корпуса, поэтому идем втроем к нему.

Анатолий Анатольевич интересуется у комбата задачей батальона. Тот не сразу, но сообщает, что батальон расписали охранять афганское министерство обороны — это дворец напротив, и еще один дворец чуть поодаль да наше здание. Людей не хватает, обстановка нервная, поэтому и перестраховываются, выставляя дополнительные посты. Выслушав комбата, Анатолий Анатольевич тихо и размеренно, словно педагог с многолетним стажем, в пять минут превращает ершистого майора-десантника в подлинного интернационалиста, как и мы, озабоченного необходимостью быстрейшего снятия напряженности между советскими и афганскими военнослужащими и укрепления боевого братства перед лицом общего врага — непримиримых противников левого режима.

— Так что же, охрану совместно с афганцами организовывать? — поражается прежде неведомой для него перспективе комбат.

— Конечно, — подтверждает Анатолий Андреевич.

— И внутри здания все посты снять?

— А кого бояться? Все ж свои!

— Ну, положим, свои за речкой Аму остались, а эти ни бельмеса по-русски не понимают.

Анатолий Анатольевич кивает мне: «Пойди помоги!» Через полчаса часовые оставляют посты у окон и в коридорах, с лестничной клетки уносят трофейный ДШК. Внешнюю охрану штаба батальон выстраивает вместе с афганцами: на самое опасное направление — ближайший перекресток дорог — выдвигается их танк, у него броня потолще, одна наша юркая БМД прикрывает главный вход в здание, остальные БМД на задворках в резерве, а на второстепенном направлении у палатки афганского караула ставится их допотопный БТР-40. Черноусый начальник караула тут же пользуется случаем и приглашает светловолосого комбата вместе со свитой на чай. «Вот и хорошо, — думаю, — хватит уже ходить буками, пора знакомиться — у них за традиционным чаем, у нас, как принято, за чем-нибудь покрепче». То, что у запасливых десантников непременно найдется что-нибудь покрепче, не сомневаюсь...

Отсидев еще несколько дней безвылазно на службе, возвращаемся к прежнему режиму работы. На ночь в штабе остается только афганская дежурная смена да наша — советник с переводчиком. Страна после шока, причиной которого стали ввод советского «ограниченного контингента» и смена власти, в ожидании: что же будет дальше? Но временное затишье, это понимаем и мы, и афганцы, обязательно сменится оживлением противников режима. Поэтому новые должностные лица, отвечающие за вопросы безопасности в столице, решают собираться ежедневно по утрам в штабе корпуса на совещания, с нашей подачи названные пятиминутками, хотя продолжаются они иногда часами. Участвуют в них командир корпуса Халилулла со своим советником Анатолием Анатольевичем, начальник штаба Нурулхак со своим — Валерием Петровичем, мэр столицы и секретарь городской партийной организации, начальник царандоя и другие представители силовых структур. На одной из пятиминуток принимается разумное решение для отслеживания настроений в городе направлять партийцев даже на пятничные молитвы в мечети и конечно же на базар, который живо реагирует на любые изменения симпатий горожан, а также на появление подозрительных пришлых, высказывающих недовольство властями.

После «пятиминуток» командир корпуса принимает ходоков из числа гражданского населения, но уже не только как военный руководитель, но и как государственный деятель, член революционного совета. Являются както колоритные старики — крестьяне из деревеньки у окраины города. Командир корпуса усаживает их на диван, сам устраивается в кресле напротив и потчует гостей чаем со сладостями. Неторопливый обмен любезностями продолжается довольно долго, и Халилулла, которому адъютант уже напомнил о необходимости выезжать на какую-то важную встречу, все же решается сам побудить старших по возрасту перейти к сути дела, нарушая тем самым нормы восточного этикета. Старики сразу же начинают жаловаться на советских, стоящих невдалеке от их деревни лагерем. Тут уж настораживаемся и мы, понимая, что речь идет о расположении штаба нашей 40-й армии. Халилулла пытается сузить расплывчатые претензии местных жителей и наконец

прямо ставит вопрос о том, что конкретно заставило крестьян обратиться к его покровительству. «Верблюд! — говорит один из стариков. — Пусть отдадут веблюда, он три дня назад ушел к ним и не вернулся. Хотя верблюд умный, раньше никогда надолго не пропадал». «К кому ушел?» — уточняет Халилулла. «К советским», — отвечают старики.

Халилулла неосмотрительно, а вслед за ним старики, но уже вопросительно, смотрят на Анатолия Анатольевича. Тот на меня, так как я все еще продолжаю негромко переводить ему последние реплики беседы. Когда же я замолкаю, в кабинете повисает неловкая тишина. Первым приходит в себя комкор и поясняет просителям, что он свяжется с советскими друзьями, и если умный верблюд в самом деле у них, то его непременно вернут. Старики благодарят, прижимают руки к сердцу и с поклонами покидают кабинет. Халилулла просит Анатолия Анатольевича помочь разобраться с этим недоразумением. Возвращаемся к себе в кабинет, и уже там, ни к кому, собственно, не обращаясь, он говорит:

— Давно уже съели этого глупого верблюда. Был бы умный, ни за что бы не поперся к нашим военным, сидящим на одних консервах.

Верблюда, несмотря на все наши потуги во имя укрепления советско-афганской дружбы прояснить его судьбу, так и не нашли. Канул в безвестность одногорбый, подтвердив тем самым невысокую оценку его умственных способностей, данную опытным Анатолием Анатольевичем...

После нескольких неудачных операций конца декабря — начала января (их подопечные афганцы проводили по инерции, по ранее сверстанным планам, отменить которые в неразберихе тех дней не удалось из-за отсутствия возможностей управления войсками) штаб вновь начинает заниматься организацией боевых действий против отрядов вооруженной оппозиции. Оцениваем потери последних дней — они велики, в том числе и среди наших. Обстановочка внутри страны не ахти, да и международная тоже. Раскручивается антисоветская и антиафганская истерия в западных и не только средствах массовой информации. Зашевелились противники режима, в том числе в нашей зоне ответственности — в Хазараджате, Нуристане, да в Кабульской долине тоже.

На очередную операцию я не попал — не моя очередь. Не светит мне и следующая. Но и в штабе скучать не приходится. Много хлопотной дерготни по самым разным делам, в том числе и довольно необычным для нас. Мотаемся по высоким афганским назначенцам: то заступаться за прежних руководителей, с кем долгое время работали, но ныне арестованных новыми властями; то договариваться о выделении мест дислокации нашим подразделениям; то выбивать помещение для гарнизонной комендатуры, без которой советские военные почему-то никак не могут обойтись.

Один из тех, кому потребовалось наше заступничество, — генерал Али Шах. С должности начальника политотдела центрального корпуса он ушел руководить царандоем. Во время событий 27 декабря оказал активное вооруженное сопротивление и был арестован. Но о прежней совместной работе с ним у наших советников остались самые благоприятные воспоминания. Он производил впечатление убежденного в правоте левых идеалов человека и у многих вызывал искренние симпатии — молодой, высокий, всегда в ладно скроенном военном мундире. Была, однако, маленькая странность в его облике — он не носил носков, а также и шнурков на ботинках. Когда его спросили об этом, он сначала рассмеялся, а потом серьезно пояснил: «Кубинские революционеры-барбудос поклялись не брить бороды до победы мировой революции, вот и я решил до этого приятного во всех отношениях события не пользоваться носками и шнурками». Но, как оказалось, была в нем и еще одна совсем не невинная странность. Он, не афишируя это, оставался глубоко религиозным человеком. И когда узнавал, что кто-либо из его подчиненных нарушает освященные шариатом устои, жестоко карал их, а с теми, кто был замечен в прелюбодеянии, расправлялся лично, используя большие ножницы для лишения виновника возможности повторно совершить подобный грех. Когда стали известны такие подробности, пришлось свернуть наше заступничество.

По одному из вопросов мы были вынуждены обратиться прямо к новому министру финансов Абдул Вакилю. Сам вопрос решили быстро, но задержались у него за чаем: молодой министр решил отвлечься от дел государственных и пооткровенничать с нами. Мы с удивлением узнали, что 27 декабря ему довелось быть в здании генерального штаба, более того, именно он добил раненого Якуба в его же кабинете, который ныне занимаем мы. Об этом Вакиль поведал нам с улыбкой, хотя и немного нервно и сбивчиво, видно, еще раз переживая события той тревожной ночи...

Тема о комендатуре была поднята на одной из «пятиминуток», на которую специально прибыли наши военные. Она вызвала некоторое недоумение у афганцев, не знакомых с таким явлением, как недостойное поведение военнослужащих во время увольнений из расположения части. Переводил я, и первое же упоминание о комендатуре, учреждении мною конечно же нелюбимом, не только расстроило меня, так как я никак не ожидал, что с ним придется встретиться и в Кабуле, но и заставило напрячься профессионально. Не было тогда в языке дари слова, под которым скрывалось бы это понятие. Я вбросил как возможное иностранное заимствование просто «комендотур», произнесенное в полном соответствии с фонетическими особенностями языка дари. Но в глазах у афганцев никакого намека на понимание этого термина не проскользнуло. Тогда я решил идти по уже много раз опробованному описательному пути и произнес на дари следующую абракадабру: «Комендотур, или учреждение для поддержания порядка и дисциплины среди военнослужащих гарнизона города Кабул, а также обеспечения полевых и необ-

ходимых мероприятий, проводимых войсками в обычные дни и в праздники». Все стало на свои места, афганцы понимающе закивали. Но еше некоторое время, пока они не привыкли сразу же соотносить в уме короткую первую часть термина с длинной описательной, мне приходилось ловить на себе недоуменные взгляды советских участников переговоров, которые никак не могли взять в толк, почему их по-военному четкие и короткие реплики так разбухают при переводе на дари.

С выездом первой нашей группы на операцию в Хазараджат вновь начинаем делить дежурства в штабе пополам — ночь моя, ночь коллеги-переводчика. Дежурство — дело привычное. После рабочего дня нужно перевести и записать в журнал боевых действий донесения от подчиненных частей в провинциях, суммировать другие ежедневные доклады, полистать местные газеты и прослушать «радиоголоса» для подготовки обзора по обстановке.

Если все спокойно, то можно поболтать с кем-нибудь из афганских офицеров или с Алямом — солдатом, выполняющим при нас роль вестового. Он из Герата, и хотя в его внешности прослеживаются тюркские черты, Алям таджик. Парень он веселый, поэтому каждое утро встречает нас с неизменной улыбкой, здоровается и тут же предлагает чай, за которым в кабинете и проводится первый доклад по обстановке, обмен мнениями по другим вопросам, планируется рабочий день. Чай все пьют разный. Поэтому и ждет Алям нашего прибытия у входа в штаб, чтобы уяснить, сколько чайников черного и сколько зеленого ему заваривать. Потом вприпрыжку бежит в свой закуток и через несколько минут возвращается с огромным подносом, на котором расставлены чашки с блюдцами, заварочные чайнички с нужным чаем каждому, сахар и сладости. В течение дня эту процедуру Аляму приходится повторять много раз.

Вечерами он загружен меньше. Его обязанности ограничиваются подачей ужина нашей дежурной смене да выполнением мелких поручений: то за сигаретами сбегать, то свежей выпечки из ближайшей лавки принести...

Возвращается из Хазараджата Анатолий Анатольевич. Гоняли туда один из полков нашего корпуса. Задачу вроде бы выполнили — дошли, преодолевая сопротивление отрядов оппозиции, до намеченного рубежа, но как только двинулись обратно, противник вернулся и тут же вновь занял его. Анатолий Анатольевич прямо с дороги, отправив отдыхать переводчика, заезжает в штаб корпуса и за чаем устало и немного разочарованно рассказывает о проведенной операции. Было от чего расстроиться: мало того, что успех сомнительный, еще и ночевали по всяким халупам на земляных полах, пропахли дымом и, похоже, какую-то живность с собой на теле в столицу привезли. Поэтому Анатолий Анатольевич, удовлетворив первое свое желание — напиться горячего чаю из чистой посуды, озвучивает второе — помыться и по известному завету непременно выпить после бани сорокаградусной, даже если для этого придется продать последнюю рубаху. Поздно вечером еду вместе с Анатолием Анатольевичем домой. Уже в микрорайоне он спрашивает:

— Ты в местных дуканах ориентируешься, где тут бутылочку прикупить можно?

— Водки вряд ли найдем. Поздно. Если только кишмишовку.

— Да какая разница, мне бы только усталость снять!

Подъезжаем к дукану, хозяин которого не только торгует кишмишовкой, но и сам активно ее потребляет. Поэтому он, проникшись любовью к этому напитку и заодно уважением к его почитателям из числа проживающих в микрорайоне иностранцев, не закрывает свой дукан допоздна, то есть до начала комендантского часа. Действительно, его дукан — единственный из всех — открыт, хозяин клюет носом за прилавком. Окликаю его:

— Салам! Отечественная есть?

— Да, господин, — отвечает дуканщик и наливает себе в пиалу немного жидкости из чайника, выпивает, запрокидывая голову, и только после этого спрашивает: — Сколько?

Говорю ему: «Давай две!» Тот достает из-под прилавка два тщательно завязанных целлофановых пакета размером с кулак каждый, в которых болтается чуть мутноватая жидкость, сует их в бумажный пакет и подает мне. Расплачиваюсь. Пока идем к подъезду Анатолия Анатольевича, спрашиваю у него, знает ли он, как управляться с пакетом. Говорит, что раньше кишмишовку пробовал, но с такой тарой не знаком. Деликатно инструктирую: «Проще всего использовать чайник. Протыкаете над ним пакет, выливаете содержимое в чайник, а потом из носика в стакан». «Вот как? — удивляется Анатолий Анатольевич. — Уже и ритуал под местный напиток разработали. Так что же, дуканщик не чаем баловался?» «Нет, конечно, — говорю, — но он как-то очень быстро спился. С полгода всего торгует, а уже законченный алкоголик». «Ну ты тогда сам-то поаккуратнее», — кивает Анатолий Анатольевич на пакет с кишмишовкой, который я взял для себя. Обещаю ему соблюдать осторожность и поделиться содержимым с соседями. На том и расстаемся...

Потом на операцию уезжает Валерий Петрович, на этот раз не со мной, а с другим переводчиком. Следующий билет с открытой датой на выезд мой. Ожидание не затянулось, но ехать

пришлось недалеко и всего-то на одну ночь.

В тот вечер я вернулся домой за два часа до начала комендантского часа, поэтому решил поужинать в шашлычной. Там уже обосновалась компания переводяг. Подсел к ним, заказал кебаб себе и кишмишовки на всех. Выпили по первой. До второй дело не дошло... Явился посланец с указанием срочно прибыть в штаб корпуса. Спрашиваю: «Что случилось?» Отвечает: «В учебной бригаде караул перестреляли, поедешь с Анатолием Андреевичем разбираться». — «За автоматом нужно забежать». — «Времени нет, в штабе возьмешь!»

У штаба корпуса под парами стоит БМП. Нас с Андреичем ожидают несколько афганских офицеров. Знаю не всех. Те, что незнакомы, надо полагать, из органов. Интересуюсь маршрутом. Отвечают, что будем выбираться из города не через центр, а северными окраинами до дороги на Куте-йе санги, где расположена учебная бригада. Андреич предлагает мне занять командирское место за водителем и шепчет при этом: «Присмотри за дорогой, чтоб не завезли ненароком куда-нибудь не туда».

Трогаемся. Еще раз убеждаюсь, что БМП — не моя машина. Ну не лежит к ней душа! Идет рывками, лязгает и позванивает, словно набитая болтами бочка на колесах, что-то в ней воет, повизгивает, ну и пахнет всем и сразу — давно нестиранной солдатской формой, промасленными тряпками, пылью и сгоревшей соляркой. Пытаюсь следить за дорогой, больно стукаясь головой о выступающие части. Вокруг темень, фары выхватывают какие-то дувалы, за ними дома, но разобрать, правильно ли едем, совершенно невозможно. Наконец, узнаю громаду кабульского хлебозавода, значит, движемся куда-то на север. Туда нам, вроде, и нужно.

В Куте-йе санги быстро уясняем, что наше высочайшее присутствие в общем-то ничего особо полезного уже не даст. Картина печальных событий ясна. Расстрелян караул — семь убитых. Двое из его состава отсутствуют. Они и есть те предатели, которые организовали это преступление. Вместе с ними из арсенала пропали несколько десятков стволов стрелкового оружия и гранатометы. Все вывезено на бригадной машине. Войска уже прочесывают окрестности в поисках оружия и пособников. Представители госбезопасности идут разбираться с деталями в караулку и пересчитывать оружие, чтобы точно выяснить, сколько попало в руки оппозиции. Мы же с корпусными офицерами пытаемся установить контроль над ходом поисковой операции. Устраиваемся в неотапливаемом помещении дежурного. Оно очень напоминает застекленную веранду подмосковной дачи: вход с крылечка, перед ним какие-то кусты, внутри дверь в комнатушку без окон, но с двумя кроватями и печкой-буржуйкой у стены. Печка топится, горячая.

Через некоторое время прибывает офицер с докладом о ходе прочесывания. Украденное оружие не найдено. Изъяли попутно несколько клинков да два пистолета. Владелец арестован. Приводят человека лет пятидесяти, крупного телосложения. Судя по одежде — традиционные пирохан-о патлун, дорогая жилетка, шали и чалма, зажиточный крестьянин. Взгляд спокойный, но недоброжелательный. Офицеры задают ему несколько вопросов. Отвечает вяло. Пистолеты, говорит, купил в Пакистане. Зачем? Семью защищать. Арестованного отправляют в комнатушку с печкой. Рассматриваю пистолеты. Не заводские — однозарядные ремесленные под винтовочный патрон. Весят не меньше полутора килограммов каждый.

После тряской дороги страшно болит голова. Анальгина у афганцев не находится. Не предлагают они и чаю. Холодно. Выхожу на крылечко покурить, там еще холоднее. Через час, окончательно замерзнув, говорю Андреичу, что пойду в соседнюю комнатушку, где сидит арестованный, погреюсь у печки. Сажусь напротив афганца. Тот дремлет, сидя на койке и привалившись спиной к стене. Чтобы побыстрее согрелись ноги, шевелю замерзшими пальцами. Тепло приятно растекается по телу, и вместе с ним начинают слипаться веки. Голова свешивается вниз, но тут же приходит пробуждение. Нет, оказывается, не тут же: афганец сидит уже не откинувшись назад, а наклонился в мою сторону, и рука его, огромная, натруженная крестьянская лапища, лежит не на коленях, как прежде, а вытянута в сторону автомата, который я поставил между коленями. Резко встаю, афганец медленно принимает прежнюю позу. Смотрю ему в глаза. Он взгляд не отводит и чуть заметно ухмыляется.

Выхожу в дежурку. Уже рассвело. Солдат накрывает стол — утренний чай с лепешками. Андреич спрашивает:

— Ты что, прикорнул там?

— Было немного.

— Давай чайку попьем да поедем.

Уже у БМП рассказываю ему про инцидент с арестованным. Андреич на виду у афганцев с трудом сдерживает себя и, покипев с минуту молча, приглушенно говорит:

— Моя бы воля, спустил бы тебе штаны и всыпал по мягкому месту за беспечность.

— Да понимаю я, что всех мог подвести, — оправдываюсь.

— Почему афганцам не рассказал? — спрашивает уже спокойнее Андреич.

— Зачем? Ему и так мало не покажется за пистолеты.

— Пожалуй.

...Возвращаемся в Кабул. Пока Андреич докладывает старшему о том, что произошло в Куте-йе санги, добываю таблетку анальгина и прошу Аляма заварить чайку покрепче: этот день придется провести на работе, да и ночь тоже — моя очередь дежурить.

Анатолий МИРОШНИЧЕНКО

А ЕСЛИ СЛОН ПРОТИВ КИТА...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно ваш уважаемый журнал очень сильно удивил меня статьей «Все познается в воздушном бою» Юрия Рупинского («Солдат удачи» № 3, 2009 г.). На фоне достаточно интересных и серьезных материалов про действия сил специальных операций, вооружение и технику, локальные войны такая дилетантская и тенденциозная публикация данного автора выглядит очень неуместно. *(Напомним, в своем материале Ю. Рупинский сравнивал боевые возможности советской и союзнической авиации в сопоставлении с фашистским люфтваффе в годы Второй мировой войны, и сама статья была откликом на ранее опубликованный в нашем журнале материал Ю. Васильева на эту же тему. – **Прим. редакции**).*

Итак, почему же я так накинулся на автора этой статьи?

Она очень напоминает детские рассуждения на тему: «А вот если слон против кита пойдет, кто кого поборет?» То есть автор сопоставляет несопоставимое. Кроме того, он в основном оперирует цифрами и фактами, взятыми из книг, которые, возможно, в свою очередь взяты из других книг и т.д. При этом пытается обсуждать тему, в которой уже давно расставлены все точки над «и» и нашими, и зарубежными исследователями. И написана статья в стиле пресловутого Резуна-Суворова...

КТО СКОЛЬКО СБИЛ – ЭТО ДЕТСКИЙ РАЗГОВОР

Давайте по порядку. Как справедливо заметила редакция «Солдата удачи» в своем вступлении к данному материалу, кто победитель – тот и прав. То есть было сказано, что более убедительного довода, чем сам исход Второй мировой войны, не придумаешь. И это правильно. Победили СССР и союзники, а следовательно наши войска, в том числе и авиация, оказались лучше, чем у немцев.

Далее. Война – сложное и комплексное явление, где на успех или поражение влияет огромное количество взаимосвязанных факторов. И главным, если говорить об авиации, является не то, у кого сколько самолетов сбили, где они летали быстрее или их было больше, а кто достиг своих целей.

Какие задачи у авиации как рода войск?

1. Нанесение огневого поражения противнику.
2. Воздушная разведка.
3. Транспортные перевозки.
4. Воспрепятствование выполнению авиацией противника первых трех задач.

Как с этим обстояло у союзников и стран оси? В начальный период Второй мировой войны авиация Германии и ее союзников в целом успешно справлялась с этими четырьмя задачами. Авиация СССР и стран антигитлеровской коалиции – неуспешно. По каким причинам? Только не по тем, которые приводит Ю. Рупинский в своей статье.

Сравнивать количество самолетов, их качество и мастерство летчиков можно либо при огромном превосходстве по одному из факторов, либо ПРИ ПРОЧИХ РАВНЫХ ФАКТОРАХ. Иначе уместно вспомнить конкистадоров Кортеса, которые, высадившись на американском континенте, смогли победить превосходящие силы противника за счет использования огнестрельного оружия. Примеры вышесказанному утверждению? Их немерено, назовем лишь некоторые из разных времен.

Старые польские бипланы не смогли сражаться с современными немецкими «мессершмиттами».

Авиация Эфиопии во время эфиопо-эритрейского конфликта смогла победить в воздушных боях потому, что самолеты Су-27 эфиопских ВВС обладали неоспоримым превосходством нал МиГ-29 ВВС Эритреи. При этом силы сторон были примерно равны.

Во время войны в Корее наши пилоты на МиГ-15 нанесли очень серьезный урон американским ВВС, обладающим худшими по своим характеристикам самолетами. Но появление новых F-86F «Сейбр» дало американцам серьезные преимущества.

С другой стороны, много примеров, когда достаточно сильный противник проигрывал такому же сильному или технически более слабому противнику. Опять же назовем лишь некоторые.

Несмотря на то, что армия Саддама Хусейна была вооружена вполне современным оружием, причем в достаточном количестве, она проиграла все войны против войск антииракской коалиции.

Новейшие самолеты ВВС США F-4, F-105, F-8, сверхзвуковые, напичканные электроникой, средствами РЭБ, вооруженные управляемыми ракетами и т.д., несли огромные потери от зенитного огня и устаревших «тихоходных» МиГ-17.

Новейшие немецкие реактивные истребители Me-262 во время Второй мировой войны не смогли бороться с армадами американских и английских бомбардировщиков и с поршневыми «Мустангами» и «Тандерболтами», охраняющими их.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Какие же факторы влияют на успешность (или неудачу) выполнения боевых задач авиацией? Перечислю их по «пунктам» (говорим о Второй мировой войне, которой посвящен материал Ю. Рупинского).

1. Достаточное количество самолетов определенного назначения для выполнения боевых задач. То есть нужно, чтобы хватало как бомбардировщиков и штурмовиков для ударов по наземным и морским целям противника, так и истребителей для их прикрытия и блокирования вражеской авиации. У нас могут быть менее скоростные самолеты, чем у противника, но если их достаточно или даже больше, чем у неприятеля, это может обеспечить победу. Собственно, наши самолеты в течение Великой Отечественной войны упорно «догоняли» немецкие. По скорости до них, к сожалению, не дотягивали.

2. Самолеты должны быть целы и исправны! В первые дни Великой Отечественной войны фашисты внезапными ударами по нашим аэродро-

мам вывели из строя много самолетов. Действительно, у нас в первые дни войны их было больше, чем у немцев. Но очень быстро они превратились в металлолом.

3. Судя по общему состоянию наших войск на 21 июня 1941 года, у нас было много неисправной техники. Не хватало запчастей. Зачастую одни машины ремонтировали за счет снятия запчастей с других.

4. Огромное значение имеет качество изделия, ибо оно влияет на надежность и удобство эксплуатации боевой техники. О чем тут говорить, если наши летчики летали с открытыми фонарями, потому что боялись, что они не откроются в критический момент. Температура в кабине знаменитого Ла-5 зимой зашкаливала за минус 45 градусов! И следующее: почему в начале войны было так много воздушных таранов? Одна из причин — отказы оружия. Не хочу перечислять другие факты брака, некачественной продукции и т.д. Об этом много было написано. Кстати, обруганный автором вышеназванного материала МиГ-3 из всех наших одномоторных истребителей тех времен был, пожалуй, наиболее совершенным в технологическом плане. Английские, американские и в особенности немецкие самолеты отличались от наших более высоким качеством. Причинами низкого качества у нас были и эвакуация заводов, и нехватка квалифицированных рабочих, и даже то, что современные на тот момент технологии производства не успели достаточно освоить.

5. Необходима организация бесперебойного снабжения запчастями и ГСМ. В связи с отступлением войск, хаосом на дорогах в начальный период войны наша авиация испытывала дефицит и того, и другого. Порой при поспешном отступлении самолеты неисправные или с опустевшими баками просто бросали. Во второй половине войны как раз немецкая авиация зачастую простаивала на аэродромах из-за нехватки горючего.

6. Важнейший фактор — своевременный выпуск и поставки на фронт новых боевых самолетов. Ибо латаные-перелатаные самолеты не выдавали нормальной скорости и скороподъемности. А в начальный период войны, когда пришлось эвакуировать много заводов на восток, не хватало комплектующих для производства. Летали на том, что было. В том числе и на импортных «Харрикейнах», обруганных автором.

7. Нужны современные технологии производства, которые позволяют создать более совершенные самолеты. Не случайно у нас большинство истребителей были деревянными или с изрядной долей дерева. Металла просто не хватало. А высокие скоростные характеристики истребителей Яковлева были достигнуты очень дорогой ценой: за счет низкой прочности и живучести конструкции, слабого вооружения.

8. Имеющиеся средства нужно использовать адекватно. У нас стратегические бомбовозы Ил-4 или неуклюжие ТБ-3 бросали на штурмовку войск, да еще и без прикрытия! Истребители бросали на штурмовку переднего края. Кстати, одна из причин огромных потерь нашей авиации в начале войны — отсутствие истребительного прикрытия. И тут немало постарались те самые Bf-110, которые автор не считает истребителями...

9. Важнейшие составляющие — правильная тактика и стратегия. А они появились только после ряда тяжелых поражений 1941 и 1942 годов. Ну не умели наши военачальники в то время воевать...

10. Первостепенное значение имеет и координация с другими родами войск, способность к совместному выполнению боевых задач. В первые дни и месяцы войны с этим были полная неразбериха и хаос, из-за чего нередко удары наносили по своим войскам и сбивали свои самолеты.

11. Необходимы бесперебойная связь и управление. А у нас в 1941 и 1942 годах на тех же И-16 не было радиостанций.

12. Сыграла свою роль неподготовленность личного состава, отсутствие необходимых знаний, опыта. Про краткосрочные курсы летчиков уже не говорил только ленивый. Нередки были случаи в начале войны, когда зенитчики и летчики-истребители сбивали свои самолеты, все это тоже хорошо известно.

13. И только после всего этого идут технические характеристики самолетов...

Но к данному вопросу я вернусь чуть позже, а пока давайте еще раз, гораздо внимательнее, посмотрим на боевые задачи авиации.

СЧИТАЕТЕ СБИТЫЕ САМОЛЕТЫ? СРАВНИТЕ РЕЗУЛЬТАТЫ!

В каком режиме действовала наша истребительная авиация в Великой Отечественной войне? Прежде всего, это прикрытие бомбардировщиков и штурмовиков, а также объектов ПВО. И лишь отдельные асы летали на «свободную охоту». Кстати, примерно так же, как и мы, действовали наши союзники — англичане и американцы. А у фашистов, напротив, большинство «результативных асов» набрали свои «победы» на «свободной охоте».

Что это значит?

Наши истребители охраняли ударные машины и обеспечивали выполнение ими боевых задач. То есть чтобы все «бомбовозы» долетели до цели, сбросили бомбы и вернулись обратно. Это главная задача. Вражеские истребители старались разрушить боевые порядки ударной группы и помешать «бомберам» или штурмовикам поразить цели. Нередко атакующие истребители делились на две группы: отвлекающая и ударная. Отвлекающая старалась связать боем истребители охранения, чтобы ударная группа прорвалась к бомбардировщикам или штурмовикам и не дала им прицельно атаковать наземные или морские цели.

Представьте себе, истребители охранения не стали ввязываться в «собачьи свалки», а лишь отогнали вражеские истребители, никого при этом не сбили, штурмовики выполнили боевую задачу, все вернулись назад. Это хорошо или плохо? Другая ситуация: истребители охранения погнались за «мессерами», сбили несколько штук, оставили беззащитными «бомберов», на которые тут же накинулись «фоккеры» и половину сбили. Боевая задача не выполнена, но при этом сбито несколько «мессеров». Что является более ценным? Что работает на Победу?

А ведь во второй ситуации летчикам-истребителям грозил трибунал...

Конкретный пример воздушного боя. Восемьдесят (!) немецких бомбардировщиков в течение нескольких часов пытались бомбить Дорогу жизни через Ладожское озеро. Ее охраняло всего восемь, повторим – всего восемь, истребителей И-16. Поскольку их было мало против такой армады, они построили свои боевые порядки таким образом, чтобы не дать фашистам прицельно сбросить бомбы. При подходе фашистских бомбардировщиков они имитировали лобовые атаки, постоянно сменяя друг друга. Немецким самолетам так и не удалось прицельно сбросить бомбы. При этом не было сбито ни одного вражеского бомбардировщика. Это хорошо или плохо?

Теперь давайте посмотрим на пресловутых немецких «свободных охотников». Они не рисковали ввязываться в бои с плотным боевым охранением бомбардировщиков или штурмовиков, ибо это смертельно опасно. Если они их и атаковали, то по принципу «ударь и беги». Напали, стрельнули, при этом неважно, сбили или нет, сразу же сбежали, «кувыркаться» не стали. Чаще всего немецкие «асы» атаковали одиночные машины, отставшие от строя, поврежденные в бою, мелкие группы самолетов. Насколько их «победы» влияли на победу или поражение войск на данном участке фронта? Да никак не влияли! Автор просто не понимает, что означают эти «цифры побед» (точнее – «среднего уровня результативности побед»), приводимые им при сопоставлении советских и фашистских летчиков.

Причем раз уж зашла об этом речь, давайте вспомним, откуда взялись эти пресловутые «цифры побед». Почему их так мало у нас и так много у немцев? У нас, если ты сбил самолет, победа подтверждалась только по результатам расшифровки кинопленки с кинофотопулемета и показаниям свидетелей (других экипажей, представителей наземных войск). Немцы же себе победы записывали... сами! И никто их не проверял! Вот отсюда и сотни побед.

Однажды в Африке немецкая эскадрилья регулярно вылетала, никого не встречала в воздухе, расстреливала патроны в песок, а потом объявляла об «одержанных победах». Обман вскрылся случайно. У нас бы летчики пошли под трибунал.

УЧИТЕ МАТЧАСТЬ!

Теперь о технической компетентности автора. Он не понимает назначения различных типов самолетов. Истребитель – это не обязательно легкий и быстрый одномоторный самолет, который играючи выполняет фигуры высшего пилотажа... Кстати, тот же «Фокке-Вульф-190» заметно уступал в маневренности нашим истребителям, что не делало его менее опасным противником. «Тихоходная» «Аэрокобра», от которой практически отказались ВВС США, тем не менее пользовалась заслуженным уважением и популярностью в нашей авиации. Просто каждый самолет создается под свои задачи и имеет свои ограничения.

Например, Bf-110 создавался для дальнего сопровождения бомбардировщиков и для борьбы с бомбардировщиками противника. И в условиях господства люфтваффе в воздухе (начальный период войны в Европе, 1941–1942 гг. в Великой Отечественной войне) именно Bf-110 нанесли немалый урон бомбардировочной и штурмовой авиации СССР, Англии и Франции. Этот самолет обладал приличной дальностью полета, хорошей бронезащитой и очень мощным наступательным вооружением. Нашим истребителям не рекомендовалось атаковать его «в лоб». Очень эффективно он себя показал и как ночной истребитель в 1944–1945 гг. в системе ПВО Германии. Ибо на одномоторный истребитель установить тогдашние громоздкие РЛС было очень сложно.

Кстати, сравнение Bf-110 с Пе-3 неправомерно. «Для маневренного воздушного боя этот самолет, как и его советский аналог Пе-3, не предназначался», – пишет Ю. Рупинский. Bf-110 – «чистый» истребитель. У него не было внутреннего бомбоотсека, и бомбы он мог нести только небольшого калибра, на внешней подвеске. Пе-3 делали на базе пикировщика, на нем сохранились внутренние бомбоотсеки, которые допускали возможность обратного переоборудования в бомбардировщик. Почти по всем характеристикам (скорость, маневренность, вооружение) Пе-3 уступали Bf -110. Да и мало их было...

«...Интересно сравнить летно-технические данные Пе-3 с характеристиками близкого по конструкции и назначению немецкого истребителя Bf-110C с моторами DB601A. При практически одинаковой дальности, скорости полета у земли (445 км/ч) и времени набора высоты 5.000 м (8,5–9 мин.) «мессершмитт» был на 1.350 кг легче и обладал лучшей маневренностью в горизонтальной плоскости (он выполнял вираж на высоте 1.000 м за 30 с, а Пе-3 – за 34–35 с). Носовая батарея оружия из четырех пулеметов MG17 и двух пушек MG/FF обеспечивала массу секундного залпа примерно в полтора раза большую, чем у Пе-3. Вместе с тем на границе высотности мотора советский истребитель превосходил по скорости своего германского «оппонента». Впрочем, к осени 1941 года германские авиазаводы перешли на выпуск Bf-110E с более мощными моторами DB601E, что обеспечивало некоторое преимущество в скорости уже «мессершмитту».

О «ЛЕТАЮЩИХ БАРЖАХ»

Автор ссылается на слова Мельдерса, обозвавшего «Харрикейн» «летающей баржей»... Это вовсе не так! Иначе их не было бы так много в ВВС Великобритании. «Харрикейну», конечно, было очень трудно бороться с более скоростными и верткими «мессершмиттами». Но при этом в отличие от «Спитфайров» у него не сбивалась линия прицеливания при длительной стрельбе из бортового оружия, что делало его прекрасным охотником за «бомберами». Ведь чтобы сбить огромный Хе-111 или Ю-88, не нужны были скорость и маневренность, а нужно было суметь дать длинную точную очередь по мотору или кабине экипажа.

Автор дает негативную оценку английским и французским истребителям по сравнению с немецкими и советскими. Но тот же «Спитфайр» считается одним из лучших истребителей Второй мировой войны. По скорости и маневренности он не уступал немецким

истребителям, а на больших высотах не уступал советским.

Кстати, в наших ВВС даже устаревшие «Спитфайры» очень неплохо себя показали вплоть до середины войны. Недостатком их были слабое вооружение (в начальной период войны) и очень плохое поведение на пикировании. Немалое число «Аэрокобр», «Спитфайров», «Харрикейнов» и «Кертиссов» состояло на вооружении наших ВВС, и они немало повоевали. Обратите внимание, что многие наши знаменитые асы (например Покрышкин, Речкалов) воевали как раз на «кобрах».

Французов погубили вовсе не плохие самолеты. В конце концов «девуатины», «блоки», «мораны-солнье» и «хоки-75» не сильно уступали тем же «мессерам». Погубили нерешительность французского командования, трусость, нежелание и неумение воевать. А к тому же «Девуатину-520» немцы относились с уважением, он даже состоял на вооружении люфтваффе и провоевал «с обеих сторон баррикад» в течение всей войны.

НА ЧЕМ МОГЛИ, НА ТОМ И БИЛИ!

Теперь посмотрим на сравнение наших и немецких самолетов. Автор считает, что И-153 были вполне достойным противником немецких истребителей. Но «чайки» однозначно устарели в начале войны! Единственное преимущество у них было в маневренности. Плюс звездообразный двигатель воздушного охлаждения, прикрывавший летчика в лобовой атаке. Если И-153 успевал развернуться и дать очередь по «мессеру», это вовсе не гарантировало, что последний будет сбит. По своим скоростным качествам «чайки» не догоняли даже немецкие бомбардировщики (Ю-87, Ю-88, Хе-111). Так что они действительно больше годились для того, чтобы «отгонять». А чаще использовались в качестве штурмовиков.

Если говорить об «ишаках», то И-16 уже в Испании начал уступать Bf-109E по скорости, от Bf-109F он отставал уже значительно (не менее 50 процентов Bf-109 в 1941 году составляли именно «Фридрихи»). По вооружению И-16 в большинстве своем тоже уступали «мессерам», поскольку пушечных «ишаков» было не так много. Вовсе не от хорошей жизни на И-16 стали навешивать реактивные снаряды — этим компенсировалась слабость вооружения. Bf-109 был более живуч, ибо был цельнометаллическим в отличие от цельнодеревянного «ишака». И-16 спасали меньшие размеры и двигатель воздушного охлаждения. Он был значительно сложнее в пилотировании, чем Bf-109, ибо изначально сделан по «неустойчивой» аэродинамической схеме («задняя центровка»). То есть И-16 только с опытным летчиком был серьезным противником для «мессершмитта». А мы уже говорили, как обстояло дело с летной подготовкой в начальный период войны...

Почему-то автор очень низко оценил МиГи. А ведь МиГ-3 сыграли огромную роль в обороне Москвы в 1941 году. Именно благодаря им немецкая авиация так и не смогла разбомбить столицу.

Из всех наших одномоторных истребителей начального периода войны МиГ-3 был наиболее совершенным по конструкции. Его недостатком являлось слабое вооружение. К тому же создавался он как высотный, поэтому на высотах 3–5 км, где в основном шли воздушные бои, он уступал по скорости немецким истребителям. Тем не менее скидывать его со счетов никак нельзя.

Что касается «Яков», в начальный период войны они были еще очень «сырыми» самолетами, и основная их проблема была вовсе не в том, что они уступали по летным характеристикам фашистским машинам, а в многочисленных конструктивных дефектах, браке и «недоведенности» конструкции. Только к середине войны удалось добиться приемлемого качества производства «Яков» и догнать по основным характеристикам немецкие самолеты.

ЛаГГ-3 уже в 1941 году считался устаревшим самолетом. основными его недостатками были плохие характеристики — противоштопорные, разгонные и маневренные.

Тем не менее И-16, Як-1, ЛаГГ-3 и МиГ-3 достойно вынесли основную тяжесть начального периода войны.

МАССА СЕКУНДНОГО ЗАЛПА

Автор пишет, что и у американцев во время боевых действий на Тихом океане превосходство над японцами было достигнуто только с появлением «Хеллкэтов» и «Корсаров». Но он, видимо, не знает, что в решающем сражении при атолле Мидуэй американская истребительная авиация состояла из устаревших «Буффало» и «Уайлдкэтов»... Именно они вместе с пикировщиками и торпедоносцами позволили выиграть это сражение.

Автор сравнивает наши авиационные пушки с пушками немцев. Пишет, что наши были лучше. Но такое сравнение не имеет смысла, ибо решающим является не калибр и дальность стрельбы, а вес секундного залпа, то есть масса пуль и снарядов, которые вооружение самолета может выпустить в течение одной секунды.

К сожалению, по этому параметру наши самолеты сильно уступали фашистским в течение всей войны. Более-менее сопоставимы по моши вооружения с немецкими самолетами были только «Аэрокобра» и трехпушечный Ла-7. Но последних было немного. Большинство Ла-5 и Ла-7 несли две пушки. Вооружение «Яков» было еще слабее ...

ЧТО ТОЛКУ В СЛОВЕ «ПИКИРОВАНИЕ»?

В разделе «На предельных виражах» автор подчеркивает, что «мессершмитты» за счет системы MW-50 получали кратковременное преимущество в скорости, а цельнометаллическая конструкция обеспечивала возможность пикирования на скоростях более 1.000 км/ч и большую стойкость к перегрузкам.

Вот эта цифра с тремя нулями у меня вызывает огромные сомнения. Скорости более 1.000 км/ч в полете развивали только реактивные Ме-163 и Ме-262. Для поршневого самолета такое пикирование могло стать последним. Скоростные характеристики, кстати, более важны были в Европе, где фашистам приходилось воевать с более скоростными, но неповоротливыми «Мустангами» и «Тандерболтами». У нас же воздушные бои принимали характер «собачьих свалок», где большая скорость

использовалась только для выхода из боя.

Кстати, давайте подумаем, для чего нужно было это самое пикирование? Либо для того, чтобы удрать от вражеских истребителей, либо для атаки хорошо защищенной вражеской армады бомбардировщиков. Насколько высока эффективность такой атаки? На скоростном пикировании у летчика есть буквально одна-две секунды на прицеливание. Очень мало времени оставалось на стрельбу из-за опасности столкновения с вражеским «бомбовозом». После пролета сквозь строй бомбардировщиков можно было попытаться атаковать их еще раз, только снизу, но там обычно поджидали истребители нижнего эшелона. Так что повторная атака практически исключалась.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО. В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Хочется еще коснуться вопросов готовности и квалификации летчиков, затронутых автором.

К сожалению, вопросами боевой подготовки всерьез занимались лишь отдельные командиры. Очень мало отрабатывалось взаимодействие с бомбардировочной и штурмовой авиацией. Да и летная подготовка многих летчиков была крайне слабой. Окончившие краткосрочные курсы пилоты просто не успевали набрать достаточного опыта...

Не все командиры оказались готовы к началу боевых действий. Многие из них не сразу подняли самолеты в воздух, что и послужило причиной огромных потерь в первые часы войны.

Вопросам маскировки и рассредоточения боевой техники уделялось недостаточно внимания – самолеты стояли рядами, как на параде. Не было планов на случай боевых действий. Почитайте воспоминания летчиков о первых днях войны. Все метались, что-то пытались делать, были хаос и беспорядок...

РЕЗЮМЕ

А теперь посмотрим на выводы автора.

1. «Потери, понесенные люфтваффе в 1940 году в Европе, вполне сопоставимы с потерями на Восточном фронте в 1941 году», – пишет он. Это не совсем так. Люфтваффе наголову разгромили английскую авиацию, а французские ВВС почти полностью лишились самолетов. Но в битве за Англию фашистские летчики понесли первые серьезные потери. (Дальше было некоторое затишье, и только после открытия второго фронта германские ВВС снова стали терять много самолетов от действий союзников.)

На Восточном же фронте люфтваффе несли большие потери с первых дней Великой Отечественной войны. Но эти потери стали больше потерь ВВС СССР только начиная с 1943–1944 гг., то есть после достижения коренного перелома в войне. Окончательное превосходство в воздухе наша авиация завоевала в битве на Курской дуге (1943 г.).

2. «По величине отношения общего количества боевых вылетов к количеству одержанных побед лидируют немецкие летчики», – очередной вывод Ю. Рупинского. Но, во-первых, мы уже обсуждали, что эти цифры нередко вызывают сомнение. Во-вторых, и это самое главное, о чем мы тоже говорили, насколько важны были эти «победы»? «Личный счет» не шел ни в какое сравнение с выполнением главной боевой задачи, в частности, как в вышеприведенном случае в небе над Дорогой жизни. Наконец, в конечном итоге именно мы победили в той войне...

3. «Истребительная авиация РККА вступила в войну, имея количественное превосходство над противником (которое имелось на протяжении всей войны) при сопоставимом качестве», – очередной вывод автора.

Да, общее количество наших самолетов могло быть больше, чем у немцев. Возникают следующие вопросы:

– Как считали? Считали машины на фронте или все самолеты, в том числе в системе ПВО и в Дальневосточном округе?

– Кто-нибудь считал, сколько из этих машин было исправно и реально могло летать, а сколько стояло на аэродромах?

По скорости, маневренности и даже по вооружению самолеты люфтваффе и ВВС РККА были сопоставимы. Но по совершенству конструкции и качеству сборки наши уступали немецким в течение всей войны.

4. Наконец, последний вывод о том, что «численное превосходство, так же как и ТТХ техники и вооружения, имеет большое, но не решающее значение». Этот вывод практически перечеркивает все предыдущие выкладки автора.

И последнее. Честь и хвала нашим воинам и нашему народу, ценой огромных потерь и самоотверженных усилий победившим очень опасного, отлично подготовленного и оснащенного, сытого врага!

Постскриптум. Автор в своей статье ссылается на довольно-таки старые источники (десятилетней давности). За эти годы вышло немало книг и публикаций. Если попытаться их все перечислить, то это займет не одну страницу. Например, публикации в журнале «Авиация и время». В Интернете есть «Военно-исторический форум». Пусть подобные авторы все-таки почитают побольше литературы на эту тему и попытаются сделать общие выводы не на основании отдельно взятых цифр и «фактов».

Непонятно только, зачем это надо господину Рупинскому?..

Евгений КОЖУШКО

Центр 707

На учениях – как в бою

Широко известно, что израильские антитеррористические подразделения, прежде всего в силу своего богатейшего боевого опыта, были и остаются одними из лучших в мире. Страна регулярно подвергается атакам со стороны различных террористических организаций, поэтому спецназ тщательно оттачивает свое мастерство в проведении анти- и контртеррористических операций. Ключевую роль при этом играет контртеррористический центр подготовки израильского спецназа (подразделение 707). Он был основан в 1985 году в рамках специального курса подготовки (МАНАМ 7208).

От «автономности» – к централизации

Образование специального контртеррористического центра подготовки (Counter Terror Warfare School) явилось кульминационным моментом программы реорганизации израильских подразделений спецназа, начатой после провальной антитеррористической операции по освобождению заложников в средней школе в 1974 году. Во время этой акции, проводимой спецподразделением Sayeret MATKAL, погибли 25 школьников и 4 учителя.

После этого инцидента израильские спецподразделения начали уделять особое внимание подготовке по специальности «анти- и контртеррористические операции», и их профессионализм значительно возрос. По крайней мере, такого больше не повторялось.

Надо отметить, что до создания вышеназванного контртеррористического центра в каждом подразделении обучение велось по сути дела автономно, по собственной программе, согласно имеющимся возможностям. Централизованного руководства контртеррористической подготовкой не было. Образование школы, в которой обучение ведется по разнообразной, но в своей основе единой для всех программе, положило конец этой чересполосице в обучении, стало гарантией повышения уровня профессионализма бойцов. Очень важно и то, что подготовка в центре способствует улучшению координации действий различных антитеррористических подразделений во время проведения операций. Наконец, его создание способствовало упрощению штатной учебной программы любого конкретно взятого подразделения спецназа, поскольку львиную долю обучения по программе «антитеррористические операции» взял на себя именно специальный центр подготовки.

Уникальность в том, что здесь можно отработать любые задачи

Контртеррористический центр подготовки спецназа (далее – центр 707) расположен на территории базы Миткам Адам, где централизованно проходит подготовка сухопутных войск израильской армии. В то же время это отдельная, полностью огороженная территория – то есть база в базе, с отдельным въездом, расположенным рядом с основным КПП, через дорогу от центра подготовки снайперов. Комплекс зданий состоит из школы, где проходят занятия по тактико-специальной и огневой подготовке, подрывному делу (теория) и прочим дисциплинам, спортзала, где изучают тактику силового задержания и рукопашный бой, палаточного городка для курсантов и комплекса складских помещений.

Все практические упражнения по огневой подготовке, которые отрабатывают спецназовцы, проводятся на полигоне, расположенном вне территории центра, около главной дороги, пересекающей базу Миткам Адам из одного конца в другой. Этот полигонный комплекс – мечта любой антитеррористической группы, такого больше нет в израильской армии. В нем более двадцати различных стрельбищ и тренажеров, в том числе проекционный тренажер, на котором моделируются любые ситуации, отснятые

на видеопленку и проецируемые на экран, по которому ведется стрельба. Там же — так называемый «дом забав», где отрабатываются штурм зданий и стрельба в ограниченном пространстве. Само собой разумеется, имеется участок с установленными на нем автобусами, железнодорожными вагонами и авиалайнерами, среди которых есть настоящий «Боинг-707». На них отрабатываются операции по освобождению заложников в транспорте, контролируемом террористами.

Еще один очень интересный объект на полигоне — небольшая деревня с макетами зданий в полную величину. Среди курсантов ее называют «деревней Адама». Это самый сложный комплекс, где можно имитировать практически любой тип операций в городе: наступательный и оборонительный бой, скрытное выдвижение к объекту, разминирование помещений, разведку — словом, все, чего душа пожелает. На этом полигоне нередко проводятся тренировки с использованием пейнтбольного снаряжения.

В системе подготовки войск специального назначения Израиля центр 707 сродни драгоценному камню в дорогой короне. Это предмет гордости израильских военных. Поскольку, еще раз подчеркнем, на сегодняшний день израильский спецназ является одним из немногих спецподразделений, на деле столкнувшихся со множеством различных террористических актов и имеющих богатый практический опыт проведения контртеррористических операций, сюда нередко приглашают иностранных гостей, сотрудников многих антитеррористических подразделений мира, чтобы передать опыт.

Однако иностранцам принято показывать далеко не все. Раньше в центре часто практиковалось совместное обучение своих и гостей, но в последнее время зарубежным коллегам предоставляют только штатных инструкторов и полигон для самостоятельных тренировок.

В основе подготовки – специализация

В центре 707 проходят подготовку практически все спецподразделения Израиля, принимающие участие в анти- и контртеррористических операциях. В израильской армии подразделения, участвующие в таких операциях, принято делить на три основные группы. Это группы захвата (***штурмовые*** подразделения), ***вспомогательные*** подразделения и подразделения ***поддержки***. Каждое из них занимается по своей программе с уклоном на особенности своей работы.

Штурмовые подразделения

Sayeret MATKAL (разведка генерального штаба) — основное антитеррористическое подразделение израильской армии, главная ударная сила в операциях по освобождению заложников, выполняет также специальные операции за пределами Израиля в интересах всего разведсообщества.

Sayeret 13 (спецназ ВМФ — боевые пловцы). Специализация — антитеррористические операции на море, освобождение судов, захваченных террористами, поддержка действий Sayeret MATKAL со стороны моря (например, операции «Джонатан», «Весенняя молодость», «Меч Гидеона»).

Подразделения поддержки

Их роль, как правило, выполняет спецназ четырех мотопехотных бригад: **Sayeret Golany, Sayeret T'zanhanim, Sayeret NAHAL, Sayeret Givaty.**

А также **Sayeret Duvdevan** — специальное подразделение 217, созданное для организации поиска, ареста или уничтожения террористов на территории западного берега реки Иордан — территории Палестинской автономии. Специфика его подготовки — в особом искусстве маскировки под местных жителей (палестинцев) и проведении молниеносных операций на враждебной территории.

Первостепенная задача подразделений поддержки в ходе антитеррористической операции — блокирование района операции, освобождение («зачистка») близлежащих к объекту зданий, огневая поддержка штурмовой группы. Эти отряды используются в качестве отрядов быстрого реагирования в своей зоне ответственности, но в исключительных случаях могут применяться и в составе штурмовых групп. Поэтому подготовка мало чем уступает тренингу штурмовых подразделений, но в подразделении 707 их курс обучения на неделю короче.

Вспомогательные подразделения

В израильской армии во время проведения антитеррористических операций функции вспомогательных групп выполняют несколько подразделений. В центре 707 проходят подготовку только два из них.

Первое — специальная команда «штурмовых» собак: спецгруппа из состава подразделения **Oket'z** (7142) — собаки и их операторы. В израильском спецназе подготовленные собаки используются очень широко — для обнаружения террористов и похитителей, ведения разведки, поиска взрывных устройств, как отвлекающий фактор во время штурма и даже для непосредственного нападения на вооруженных террористов.

Второе — специальное инженерно-саперное подразделение **YACHSAP**, входящее в состав артполка (**EOD**).

Эти подразделения обязательно принимают участие в любой антитеррористической операции, на них возложена ключевая роль при «зачистке» зданий; нередко они включаются в состав штурмовых групп и часто попадают под обстрел. Поэтому подразделения штур-

мовых собак и YACHSAP и являются единственными в своем роде вспомогательными единицами, личный состав которых проходит обучение в центре.

Другие подразделения

Sayeret Egoz – разведгруппа северного военного округа, созданная для ведения глубокой разведки в интересах округа и противостояния боевикам «Хезболлах». Действует главным образом в зоне безопасности на юге Ливана. Нередко проводит рейды в глубь страны, в долину Бекаа – территорию, полностью контролируемую боевиками «Хезболлах» и другими террористическими группами. Специфика подготовки подразделения – контрпартизанские операции.

Sayeret Shaldag и **Sayeret Maglan** – аналогичные подразделения, созданные одновременно в южном и центральном военных округах.

«Сила 100» – маленькое подразделение численностью 25–30 человек, являющееся спецназом военной полиции. Занимается охраной и конвоированием особо опасных террористов (главным образом, в тюрьме Меддиго). Специализируется на антитеррористических акциях в тюрьмах, подавлении бунтов и освобождении заложников. Также используется как отряд быстрого реагирования на близлежащих территориях.

Для военнослужащих **резерва** армии обороны Израиля и полиции создана отдельная школа подготовки, расположенная на базе «Бейт Хорон» пограничных войск Израиля (MAGAV). Но поскольку более совершенного полигона, чем вышеописанный на базе Миткам Адам, не имеет ни одно подразделение в израильской армии, курсанты отрабатывают здесь тактику боя в городе, «зачистку» зданий и бой в ограниченном пространстве.

Ранение или болезнь – не повод прощаться с опытным специалистом

Основная масса преподавательского состава в израильских войсках специального назначения – это специалисты, имеющие немалый опыт боевой службы и проведения различных операций против палестинских и ливанских террористов. Они продолжают карьеру в качестве инструкторов после окончания срока основной службы.

В контртеррористическом центре 707 большинство инструкторов – это люди, покинувшие боевые подразделения по состоянию здоровья, из-за боевых ранений или потому, что возраст уже не позволяет справляться с интенсивными физическими нагрузками. Так как израильтяне не любят выбрасывать деньги на ветер, потраченные на подготовку высококлассных специалистов, их охотно принимают на службу в центр 707. Инструкторами они становятся после прохождения соответствующих курсов.

Так, среди инструкторского состава очень много ветеранов вышеупомянутого подразделения Sayeret 13 – отряда боевых пловцов ВМС Израиля. Служба в нем считается самой тяжелой в израильской армии. Это, пожалуй, самое профессиональное подразделение, не провалившее ни одной поставленной задачи. Но многие его бойцы во время погружений зарабатывают кессонную болезнь, не позволяющую им полноценно работать в качестве боевых пловцов. Перед ними возникает альтернатива: или уволиться из армии вообще и искать счастья «на гражданке», или остаться в рядах Sayeret 13 на какой-нибудь штабной работе, в подразделениях обеспечения и т.д., или, наконец, продолжить равноценную карьеру в подразделении 707. Вполне понятно, что многие выбирают последний вариант.

Остальная часть инструкторов – военнослужащие, переведенные в центр из других подразделений спецназа. Интересно, что во время обучения в центре порой возникает немало ситуаций, когда инструкторы обучают бойцов подразделения, в котором раньше служили. Например, многие не прочь отдельно погонять своих бывших сослуживцев или отвести душу на занятиях по рукопашному бою...

Надо отметить, что инструкторы школы, помимо выполнения основных обязанностей по обучению курсантов, составляют так называемую «команду Белого дома» – специальное подразделение, обеспечивающее безопасность высшего командного состава израильской армии и военной разведки. Это весьма привлекательная возможность зарекомендовать себя перед «сильными мира сего» и обеспечить себе в дальнейшем продвижение по службе.

Продолжая речь об инструкторах, надо особо отметить, что их готовят не только «для себя», но и для разных подразделений антитеррора. Этот курс в центре 707 преподается обычно два раза в год. Он длится четыре месяца и является одним из наиболее сложных.

Персонал курса делится на две группы. Многие из обучаемых – будущие преподаватели в центре 707. Но большинство после окончания курсов вернется в родные подразделения, для того чтобы принять под свою ответственность ежедневное обучение личного состава подразделений по специальности анти- и контртеррористические операции. Но контакта с центром они не потеряют и будут в курсе всех новинок в системе его подготовки.

В подарок достойным – пистолет

Всего в центре 707 преподают четыре основных курса:

Курс подготовки инструкторов для антитеррористических подразделений (Counter Terror Instructors Course);

Контрснайперский курс (Counter Terror Snipers Course);

Контртеррористический курс для подразделений поддержки (Counter Terror Engagement Units Course);

Контртеррористический курс для штурмовых

подразделений (групп захвата) (Counter Terror Takeover Units Course).

О первом из них мы упоминали выше, об остальных трех расскажем дальше. Но сначала стоит подчеркнуть тот факт, что, хотя подразделения проходят развернутый курс антитеррористической подготовки у себя на базах, по общему признанию спецназовцев, дни, проведенные в центре 707, являются самыми полезными и запоминающимися за все время фактически непрерывного тренинга в израильской армии. Успешное прохождение курсов центра 707 отмечается вручением личного подарка – пистолета «Зиг Зауэр» Р-226 с правом почетного открытого ношения, в том числе и на парадах. Его получает каждый выпускник школы, успешно сдавший финальный зачет. В израильской армии – это символ вершины боевого мастерства спецназовца, даже более почитаемый, чем красные ботинки парашютиста, в которых любят щеголять бойцы спецподразделений.

Тем не менее курсы в центре 707 – не панацея в тактике антитеррористической борьбы, а всего лишь завершающая, итоговая часть длительной и продвинутой программы антитеррористической подготовки, которая изучается непосредственно в каждом подразделении. Подобно большинству других боевых курсов в армии обороны Израиля (IDF), курсы контртеррора сравнительно коротки и очень насыщенны. В их ходе изучаются только основные принципы, необходимые при проведении разнотипных антитеррористических операций, но зато максимально практичные и приближенные к боевым условиям, что и составляет их высокую эффективность.

После прохождения курсов спецподразделения возвращаются к своей более развернутой штатной системе подготовки, в ходе которой закрепляются и шлифуются полученные в центре 707 навыки. Исключение составляют, пожалуй, только два подразделения: «Сила 100» и Sayeret Duvdevan, которые большую часть своего учебного процесса проводят в центре 707. Первое – из-за слабой собственной материальной базы, второе – в силу специфики задач, полностью ориентированных на действия на оккупированных территориях.

Теперь поговорим конкретно о каждом из курсов в центре 707.

Контрснайперский курс: проблемы остаются

Этот курс длится три недели. Его проходят все снайперы спецназа израильской армии. Однако попадают они на этот курс лишь после того, как пройдут базовую подготовку по специальности снайпер, которая преподается здесь же, на базе Миткам Адам, в центре подготовки снайперов – прямо через дорогу от центра 707.

Внимание контртеррористической подготовке снайпера начали уделять после нескольких неудачных операций по освобождению заложников. Так, в уже упоминавшейся операции по освобождению заложников в школе в 1974 году сигналом к штурму должен был послужить как раз выстрел снайпера. Однако он промахнулся, и террористы начали убивать заложников...

В другой раз, при попытке задержания одного из лидеров боевого крыла ХАМАС, снайперы обстреляли своих же коллег из Sayeret Duvdevan, действующих в арабской одежде. Было убито три (!) человека. Причиной случившегося стала несогласованность действий подразделений.

Подготовка в центре 707 как раз и призвана положить конец подобным провалам. Главный упор во время тренировок делается на стрельбе по малоразмерной, кратковременно появляющейся цели в условиях города. Однако вся проблема заключается в изначально слабой подготовке израильских снайперов, которая на сегодняшний день остается одной из худших в мире. Выпускники курсов неуверенно стреляют по постоянной цели с расстояния 400–500 метров, в то время как высококвалифицированный снайпер из аналогичного оружия поражает такие же мишени с расстояния 700–900 метров. А самое главное то, что за несколько недель интенсивных тренировок, конечно, можно подготовить неплохого стрелка, но вырастить мастера, в совершенстве владеющего тактикой, искусством маскировки, скрытого перемещения и т.д., реально лишь в том случае, если на подготовку будет потрачен не один год. Вот почему в ходе трехнедельного контрснайперского курса в центре 707, несмотря на то что программа составлена весьма разумно, закрыть такие пробелы в подготовке конечно же не представляется возможным. Более того, фактически отсутствует система отбора. Командиры не любят посылать на курсы толковых ребят, потому что лучших курсантов часто переводят в инструкторы и после окончания подготовки они уже не возвращаются обратно в свои подразделения.

Снайперы для общевойсковых частей, которым дают базовую подготовку в армейском центре, вооружены стандартной системой снайперского оружия – винтовкой M24 калибра 7,62x51 мм, тогда как снайперы антитеррора пользуются винтовкой Mouser 86SR, предназначенной для стрельбы в условиях города на малые дальности, до 200 метров. Чтобы расширить спектр отрабатываемых задач, снайперы в последнее время берут с собой на занятия не одну винтовку, а несколько: например, M24, Mauser 86SR, бесшумную винтовку. Использование того или иного оружия зависит от отрабатываемой тактической ситуации.

Самый распространенный тип тренировки выглядит следующим образом. Прячась за небольшой кирпичной стенкой, инструктор на несколько секунд показывает снайперу закрепленную на шесте мишень, приблизительно соответствующую размерам головы и плеч человека среднего телосложения. Обучаемый должен успеть сделать выстрел, после чего инструктор сообщает по рации результат. В качестве движущихся мишеней используются надувные шарики размером с голову человека, которые выбрасываются из-за стены по одно-

му, по два, по три. Попасть в них из снайперского оружия не так просто, как кажется на первый взгляд: их уносит ветер, они отскакивают от земли, резко меняя траекторию.

На контрснайперском курсе в подразделении 707 преподаются также маскировка в условиях города и «хирургическое» поражение малоразмерных целей.

Контртеррористический курс: на «полосе смерти» не зазеваешься…

Это основной курс в центре 707, который проходят бойцы вышеупомянутых подразделений поддержки. Он состоит из трех этапов, каждый из которых длится неделю:

1. Изучение и работа с основным вооружением — штурмовыми винтовками и пулеметами;

2. Работа с дополнительным вооружением — пистолетами;

3. Штурм и «зачистка» объекта.

В течение первых двух этапов солдат обучают правильному и наиболее эффективному использованию оружия во время антитеррористической операции. Сначала — индивидуальная подготовка с каждым бойцом: отрабатываются правильное положение тела, прикладка автомата, скоростное прицеливание, перенос огня по фронту. Задача инструктора — определить примерный уровень подготовки бойца и указать ему на выявленные ошибки: несмотря на плотный тренинг в составе подразделения, таковые имеются практически у всех. Потом начинаются упражнения по стрельбе в движении, скоростной перезарядке, переходу с основного оружия на дополнительное и т.д.

Все упражнения, преподаваемые на курсе, являются довольно сложными, рассчитанными именно на спецназовца. Они направлены на тренировку реакции, быстрое определение и поражение цели. Даже начальные из них простыми не назовешь...

Вот типичный пример — «полоса смерти». Курсант, вооруженный, как правило, автоматическим карабином M4A1 или CAR-15, быстро передвигается по стрельбищу. На его пути по фронту поднимаются мишени на разных расстояниях и под разным углом. Инструктор следует за спиной обучаемого и фиксирует ошибки. За отведенное время боец обязан поразить все мишени «террористов» и не подстрелить «заложников». Постепенно упражнение усложняют: сокращается лимит времени, в курсанта стреляют холостыми патронами — нужно уходить, падать, перекатываться (используются дымовые шашки и взрывпакеты). Несмотря на то что в центр 707 попадают уже подготовленные бойцы и даже имеющие боевой опыт, с первого раза на отлично с этим упражнением не справляется никто.

В течение первых двух этапов курсанты целыми днями занимаются практическими стрельбами, делая короткие перерывы лишь для того, чтобы подсчитать попадания и переустановить мишени. Для большинства тренировок используются обычные фанерные или картонные мишени на крестообразных подставках, которые легко переставлять с места на место. Уже на второй-третий день подготовки к мишеням «террористов» добавляют мишени «заложников», и теперь, прежде чем открыть огонь, курсант должен идентифицировать цель. Особенно сложно делать это ночью и в условиях ограниченной видимости. Для этого используются лазерные целеуказатели и тактические фонари-вспышки Surefire. Курсанты работают с карабинами, пистолетами-пулеметами и штурмовыми пистолетами.

Штурм и «зачистка»: максимальное воссоздание боевых условий

Третий этап — отработка захвата и «зачистки» помещений, транспортных средств, объектов авиационного и железнодорожного транспорта — является ключевой частью контртеррористического курса для подразделений поддержки. Выполнение упражнений начинается с отработки индивидуальных действий бойца во время операции, потом следует работа в паре, тройке, в составе штурмовой группы, с использованием основного и дополнительного вооружения и специальных средств.

В конце курса проводится финальная зачетная тренировка — несколько полностью смоделированных операций по освобождению заложников. Задача ставится инструкторами, объект захвата выбирается ими же. Как прави-

ло, критерием отбора в первую очередь является тот объект, на котором во время тренировок экзаменуемая команда справлялась хуже всего.

Подразделение делится на три группы. Первые играют роль террористов, вторые — заложников, третьи осуществляют операцию по спасению. Потом они меняются ролями, так что каждому из курсантов удается побывать во всех амплуа. Эта «игра» не только стимулирует доверие солдат друг к другу, но и позволяет взглянуть на ситуацию как бы с «другой стороны», осознать смысл предпринимаемых террористами действий.

Чтобы сделать финальное упражнение максимально реалистичным, используются специальные симуляторы — полномасштабные пейнтбольные модели настоящего оружия: карабинов, пистолетов. В настоящее время они широко применяются в израильской армии, в частности, в школе контрпартизанской борьбы, но первыми их стал использовать именно центр 707 в начале 1990-х годов, купив снаряжение у разорившегося гражданского пейнтбольного клуба. Он продал центру все снаряжение, включая маркеры, оружие и защитные маски. Уже позднее для подразделений спецназа стали изготавливать симуляторы, полностью соответствующие по форме, размеру и массе боевому оружию.

Прежде всего – самое необходимое

Несмотря на то, что вышеописанный курс является базовым в центре 707, программа подготовки учитывает специфику каждого подразделения. Например, «Сила 100» усиленно практикуется в использовании гранат со слезоточивым газом и светошумовых.

Подразделения спецназа четырех мотопехотных бригад — Sayeret Golany, Sayeret T'zanhanim, Sayeret NAHAL и Sayeret Givaty — делают основной упор на тренировках в стрельбе из M16 и ручных пулеметов, поскольку им чаще всего приходится работать на открытых площадях. Даже в городе они ведут огонь на относительно большие дальности. Поэтому тренировкам с пистолетами-пулеметами и штурмовыми пистолетами в этих подразделениях отводится самый минимум в подготовке.

Для глубинных рот разведки (LRRP), действующих в интересах крупных воинских соединений, борьба с терроризмом не является основной задачей, поэтому они учатся вести наблюдение и собирать разведданные, тренируют захват помещения без заложников, взятие «языка».

А вот Sayeret Duvdevan, как уже упоминалось, это подразделение, полностью ориентированное на борьбу с терроризмом на оккупированных территориях, фактически за линией фронта, имеет самый длительный курс подготовки. Уклон делается на маскировку под местных жителей, использование малогабаритного оружия для скрытного ношения, рукопашный бой и оперативную подготовку. Кстати, именно акцент на усиленные занятия «рукопашкой» делает курс подготовки для Sayeret Duvdevan наиболее жестким и травматичным среди всех курсов в центре 707.

Курс для подразделений захвата (штурмовых групп)

Этот курс также один из самых длительных. Три раза в год его проходят подразделения Sayeret MATKAL (разведка генштаба), операторы «штурмовых» собак из состава подразделения Oket'z, команда YACHSAP (саперы). Программа подготовки — как и у подразделений поддержки, но более основательная и продолжительная. Отрабатываются следующие вопросы:

1. Использование основного вооружения;
2. Использование дополнительного вооружения;
3. Использование специальных средств (светошумовые гранаты, слезоточивый газ, дымы, накладные заряды и т.д.);
4. Тактика штурма захваченных террористами объектов;
5. «Неделя сюрпризов» — новое в тактике антитеррористических операций (на основе изучения недавних террористических актов);
6. Зачетная неделя: отработка операций по освобождению заложников в зданиях и на транспорте.

Рукопашный бой: в «камере смертников»

В то время как практические стрельбы и отработка операций составляют основную часть курса в центре 707, самым сложным звеном в обучении считаются занятия контактным единоборством Крав Мага (Krav Maga). Этот прикладной стиль рукопашного боя был разработан в израильской армии в начале 1970-х годов для подразделений спецназа. Как и в большинстве армейских прикладных стилей, в его основе не какое-то направление восточной философии, а принцип — чем проще, тем эффективнее. Это синтез техник на базе самых распространенных боевых искусств: бокса, карате, джиу-джитсу и самбо.

В ходе тренировок акцент делается на спарринги в полный контакт, выработку агрессивности и подавление страха в поединке. Главный тактический принцип — за минимальный промежуток времени обезоружить и вывести из строя врага. Курс рукопашного боя отрабатывается и в подразделениях, и непосредственно на базе центра 707, где все «жестче». У обучаемых вырабатывается агрессивность, чтобы подавить волю противника к сопротивлению. Здесь курсант должен продемонстрировать все свои бойцовские качества, чтобы выиграть учебную схватку.

Типичные примеры распространенных упражнений — «камера смертников» и «кольцо». В первом случае перед курсантом, находящимся

в одной стороне комнаты, ставится задача прорваться через строй своих сослуживцев. Обучаемые используют боксерские перчатки и футы, на голову экзаменуемого надевается специальный защитный шлем с забралом из пластика.

В упражнении «кольцо» группа солдат становится по краям очерченного на площадке круга. По команде инструкторов каждый из них должен сблизиться с противником, стоящим напротив, и вступить с ним в схватку. В результате получается сумбурная потасовка.

Практикуются схватки, когда один курсант должен выстоять против нескольких инструкторов. Требуется продержаться одну минуту.

В конце каждой недели проводятся соревнования между представителями разных подразделений. Они отличаются особой жесткостью, поскольку каждый выступающий пытается доказать, что его подразделение лучше. Это несколько помогает снять напряжение, накопленное за время прохождения курсов...

Все познается в сравнении

Готовясь к прохождению курсов в центре 707, большинство курсантов перед отправкой несколько недель проводят в усиленной подготовке к рукопашным схваткам. 90 процентов травм, полученных в подразделении, приходится именно на занятия Крав Мага, что уже несколько лет вызывает нарекания со стороны некоторых военных чиновников. Мол, тратятся большие деньги на подготовку спецназа, бойцы которого, получив серьезную травму, потом уходят в отставку или переводятся в другие подразделения.

Поскольку большинство инструкторов по Крав Мага не являются профессионально подготовленными бойцами-рукопашниками, в системе прикладной подготовки много брешей. Солдат не учат правильно защищаться и уходить от ударов. Мало внимания уделяется отработке самостраховки при падении. В результате, даже несмотря на то что бойцы проводят тренировки «закованными» в протекторы с ног до головы, уровень травматизма довольно высок. Эти повреждения включают все, начиная от сломанных носов и ребер и кончая сотрясением мозга и вывихами суставов. В большинстве случаев травмы довольно легкие, и пострадавший возвращается в строй уже через считаные дни, но в других, более серьезных случаях иногда требуются месяцы на восстановление.

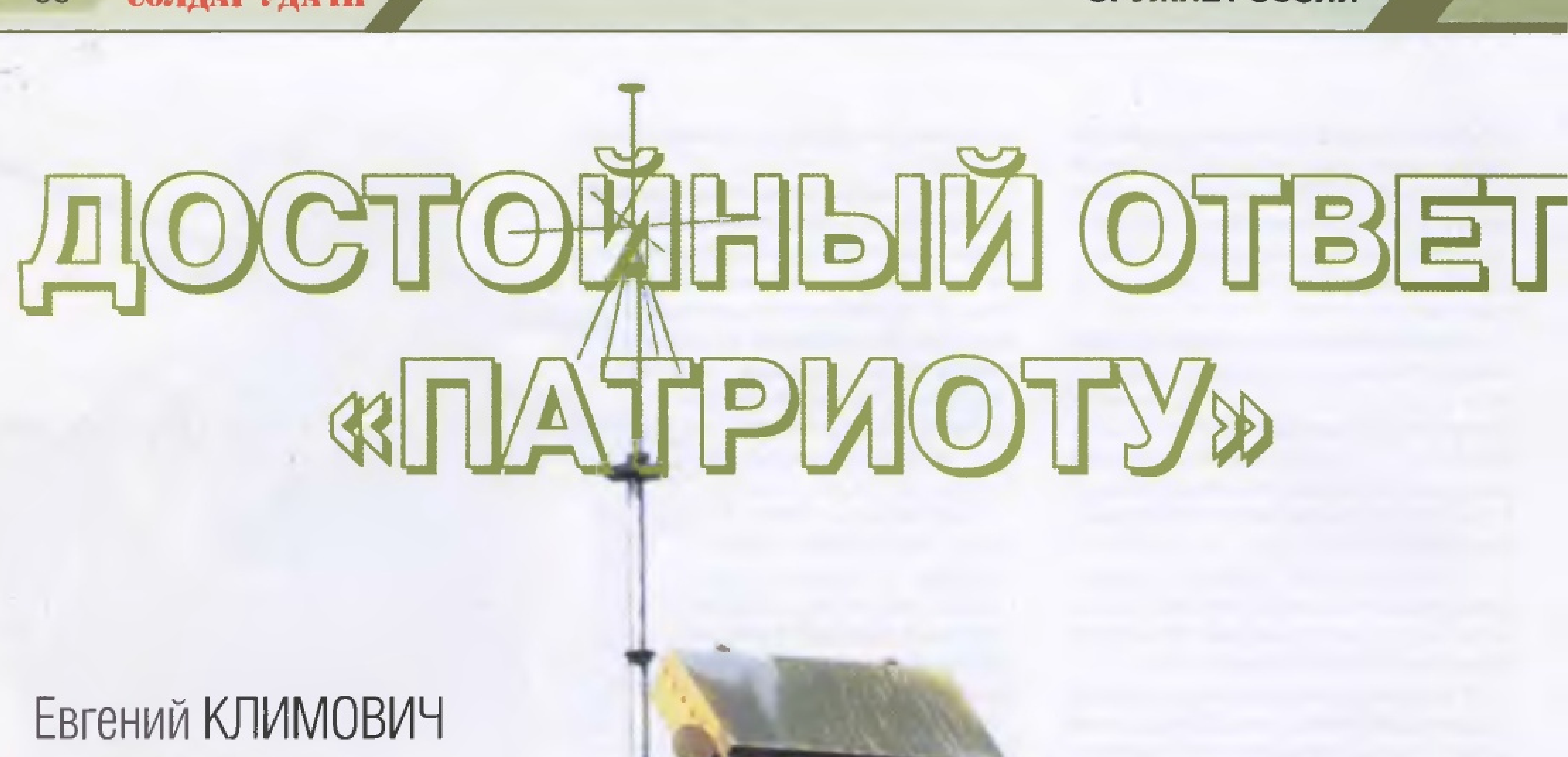
В результате командование израильской армии издало приказ о мерах по уменьшению уровня травматизма на тренировках по рукопашному бою, и тренировки стали более мягкими. В некоторых подразделениях было запрещено «кольцо». Значительно облегчена система подготовки для подразделения Sayeret MATKAL, что в свою очередь вызывает презрительные усмешки со стороны бойцов других подразделений, особенно Sayeret Duvdevan, где рукопашный бой – основа тренинга.

От себя хочу заметить: несмотря на то, что израильтяне не считают свой курс рукопашной подготовки очень жестким, все, как говорится, познается в сравнении. По меркам подготовки отечественного спецназа – это детские игры. Например, мой опыт занятий рукопашным боем и последующая служба во Внутренних войсках позволяют утверждать, что наша подготовка гораздо жестче, хотя бы в силу отсутствия должной экипировки. В подразделениях и перчаток не хватает, что уж говорить про футы, шлемы или протектор на корпус. Мы обычно заменяли его легким бронежилетом ЖЗЛ (очень удобно и безопасно отрабатывать удары ногой). Сломанный нос и растяжения – травмы настолько обыденные, что на них уже никто внимания не обращает. Мне самому нос ломали четыре раза. Ни одно соревнование в фул-контакте не проходит без того, чтобы кому-то не сломали руку на рычаге или ключицу при падении.

Между тем после бесед со знакомыми, уехавшими в Израиль и послужившими в тамошней армии, я сделал вывод, что причина травматизма у них заключается изначально в том, что занятия спортом вообще в израильском обществе престижными не считаются. Израильских спортсменов редко увидишь на соревнованиях международного класса, а если и увидишь, то скорее всего недавнего эмигранта из России с типичным рязанским лицом. Отсюда и проблемы в рукопашной подготовке в войсках специального назначения. Если у нас в спецназ всегда отбирали спортсменов (в любой роте как минимум три-четыре к. м. с. и десяток разрядников) или на худой конец просто крепких ребят, то в Израиле особо-то и выбирать не из кого...

Но, как бы ни обстояли дела с рукопашным боем, мало кто поставит под сомнение высокий профессионализм израильских бойцов антитеррора. И, как видно из вышеизложенного, в немалой степени он обусловлен не только боевым опытом, но и продуманной, эффективной централизованной подготовкой разных подразделений, выполняющих схожие задачи. Что и говорить, израильтяне сумели вовремя сделать выводы из своих первоначальных ошибок...

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ «ПАТРИОТУ»

Евгений КЛИМОВИЧ

В конце 70-х годов прошлого столетия американцы приняли на вооружение зенитный ракетный комплекс «Патриот» – самый передовой на то время. Советские конструкторы ответили на этот вызов, разработав аналогичную систему, но с гораздо более высокими техническими характеристиками.

Созданием ЗРС С-300В (9К81), предназначенной для обороны важных войсковых и тыловых объектов фронтов, административно-политических центров страны от ударов разнотипных средств воздушного нападения в условиях огневого и помехового подавления при ведении маневренных боевых действий занимался Научно-исследовательский электромеханический институт (главный конструктор В.П. Ефремов).

ЗРС С-300В обеспечивает поражение оперативно-тактических и тактических баллистических ракет, крылатых ракет, самолетов дальнего радиолокационного обнаружения, барражирующих самолетов — постановщиков помех, а также самолетов стратегической и тактической авиации.

В состав боевых средств системы С-300В входят:

– командный пункт (9С457);

– РЛС кругового обзора «Обзор-3» (9С15М) для обнаружения аэродинамических целей и баллистических ракет типа «Скад» и «Ланс»;

– РЛС программного обзора «Имбирь» (9С19 М2) для обнаружения головных частей баллистических ракет типа «Першинг-1А» и «Першинг-1Б», аэробаллистических ракет типа СРЭМ и барражирующих постановщиков помех с целью обеспечения их поражения на дальностях до 100 км;

– четыре зенитных ракетных комплекса (ЗРК) С-300В для поражения всех перечисленных выше средств воздушного нападения.

Каждый ЗРК С-300В состоит из:

– многоканальной станции наведения ракет (9С32);

– зенитных управляемых ракет двух типов: 9М82 для поражения головных частей баллистических ракет типа «Першинг-1А», «Першинг-1Б», аэробаллистических ракет типа СРЭМ, самолетов – постановщиков помех на дальностях до 100 км (ЗУР-1) и 9М83 для поражения самолетов, крылатых ракет, баллистических ракет типа «Ланс», «Скад» (ЗУР-2);

– пусковых установок (ПУ) двух типов: 9А82 с двумя ЗУР 9М82 и 9А83 с четырьмя ЗУР 9М83;

– пуско-заряжающих установок двух типов: 9А84 для работы с ПУ 9А82 и ЗУР 9М82 и 9А85 – для работы с пусковой установкой 9А83 и ЗУР 9М83.

Все боевые средства ЗРС размещены на унифицированных гусеничных шасси, обладающих высокими маневренными качествами. На каждом таком шасси кроме соответствующего специального оборудования (РЛС различного назначения, пусковые и заряжающие устройства, ЗУР, средства управления) установлены: аппаратура навигации, топопривязки и взаимного ориентирования, средства связи, энергоснабжения, жизнеобеспечения и деятельности экипажа. Это позволяет зенитным формированиям С-300В с марша, без предварительной инженерной и топогеодезической подготовки, занимать намеченные огневые позиции. Полная автоматизация процессов развертывания и свертывания позволяет приступить к боевой работе не более чем через пять минут после марша, а также начинать движение через пять минут после выполнения задачи.

Разработка С-300В началась в 1969 году и проводилась в два этапа. На первом этапе ЗРС создавалась для борьбы с аэродинамическими целями, крылатыми ракетами и баллистическими ракетами типа «Скад» и «Ланс». Система боевых средств в составе КП (9С457), РЛС кругового обзора «Обзор-3» (9С15М), многоканальной станции наведения ракет (9С32), ЗУР 9М83 (ЗУР-2), пусковой установки 9А83 (для ЗУР-2), пуско-заряжающей установки 9А85 (для ЗУР-2) в 1983 году была принята на вооружение войск ПВО Сухопутных войск. Она получила наименование ЗРС С-300В1.

На втором этапе ЗРС была доработана в интересах обеспечения борьбы с баллистическими целями типа «Першинг-1А», «Першинг-1Б», аэробаллистическими ракетами типа СРЭМ и барражирующими постановщиками помех на дальностях до 100 км. Для решения этих задач в состав системы были включены: РЛС программного обзора «Имбирь», ЗУР 9М82 (ЗУР-1), пусковая установка 9А82 (для ЗУР-1), пуско-заряжающая установка 9А84 (для ЗУР-1). В 1988 году зенитная ракетная система С-300В в полном комплекте ее средств была принята на вооружение войск ПВО Сухопутных войск. За рубежом она получила наименования SA-12 (по терминологии США) и Giant (по терминологии НАТО).

РЛС кругового обзора «Обзор-3» обеспечивает обнаружение аэродинамических воздушных целей и баллистических ракет типа «Скад» и «Ланс». РЛС является трехкоординатной с мгновенной перестройкой частоты, программным электронным управлением лучом по углу места и электрогидравлическим вращением антенны по азимуту. В РЛС «Обзор-3» реализованы два режима кругового обзора воздушного пространства: для обнаружения аэродинамических и баллистических целей.

В первом режиме зона кругового обзора РЛС составляет 45 градусов по углу места, инструментальная дальность обнаружения — 330 км, темп обзора — 12 секунд. Истребитель засекается на дальности 240 км.

Во втором режиме зона кругового обзора составляет 20 градусов по углу места, инструментальная дальность — 150 км, темп обзора – 6 секунд. В этом режиме для обнаружения баллистических целей предусмотрена возможность замедления вращения антенны по азимуту в определенном секторе (до 120 градусов — сектор ПРО) и увеличения сектора обзора по углу места до 55 градусов. Дальность обнаружения баллистических целей в этом режиме составляет 115 км (ракета «Скад») и 95 км (ракета «Ланс»).

РЛС кругового обзора «Обзор-3» имеет высокую пропускную способность — обеспечивает в режиме автосъема выдачу данных по 250 отметкам за период обзора, из которых 200 могут составлять потенциальные цели. Ошибки определения координат цели составляют: 250 метров по дальности, 35 минут по углу места, 30 минут по азимуту.

В состав РЛС «Обзор-3» входят следующие устройства:

– антенна – плоская одномерная волноводная решетка с программным электрогидравлическим вращением по азимуту и с электронным сканированием луча по углу места. Ширина луча – 1,4 градуса по азимуту и углу места;

– передающее устройство, выполненное на лампе бегущей волны и двух амплитронах со средней мощностью 8 кВт;

– приемное устройство с усилителем высокой частоты на лампе бегущей волны, обладающее чувствительностью 10^{-13} Вт;

– аппаратура определения государственной принадлежности воздушной цели по признаку «свой–чужой»;

– аппаратура навигации, топопривязки и взаимного ориентирования, система электроснабжения.

Все устройства и аппаратура РЛС «Обзор-3» смонтированы на унифицированном гусеничном шасси высокой проходимости. Масса станции – 46 т, расчет – 4 человека.

РЛС программного обзора «Имбирь» (9С19М2) обеспечивает обнаружение головных частей баллистических и аэробаллистических ракет, барражирующих постановщиков помех на дальности до 100 км. РЛС «Имбирь» – трехкоординатная, сантиметрового диапазона волн с электронным управлением лучом по

углу места и азимуту. В РЛС реализовано несколько режимов обзора:

1 – режим регулярного обзора пространства в заданном секторе ответственности для обнаружения и сопровождения головной части БР типа «Першинг». При этом зона обзора составляет ± 45 градусов по азимуту, 26–75 градусов по углу места, дальность обнаружения таких целей составляет 75–175 км;

2 – режим предназначен для обнаружения и сопровождения аэробаллистических ракет типа СРЭМ и крылатых ракет. В этом режиме зона обнаружения перечисленных целей составляет ± 30 градусов по азимуту, 9–50 градусов по углу места, 20–175 км по дальности;

3 – режим предназначен для обнаружения и сопровождения аэродинамических целей, а также для пеленгации постановщиков активных помех. В этом режиме зона обнаружения составляет ± 30 градусов по азимуту, 0–50 градусов по углу места и 20–175 км по дальности. Среднеквадратические ошибки измерения координат целей не превышают 70 метров по дальности. Аппаратура РЛС размещена на унифицированном гусеничном шасси, общая масса станции – 44 тонны, расчет – 4 человека.

Многоканальная станция наведения ракет (МСНР) 9С32 обеспечивает управление пусковыми установками (до шести), передавая на них всю информацию, необходимую для пуска и наведения ЗУР. Станция представляет собой трехкоординатную многоканальную (по целям и ЗУР) РЛС сантиметрового диапазона волн, с электронным сканированием луча по азимуту и углу места. Сканирование обеспечивается за счет использования в станции фазированной антенной решетки и управления лучом на базе специальной ЭВМ.

МСНР обеспечивает: поиск, обнаружение, захват и автосопровождение аэродинамических и баллистических целей по данным целеуказания с командного пункта (КП) системы и в автономном режиме (баллистические цели обрабатываются только по данным целеуказания с КП); выработку и передачу на пусковые установки необходимых данных для наведения на обстреливаемые цели станции подсвета целей и ЗУР; управление огневыми средствами ЗРК (пусковыми и пуско-заряжающими установками).

Многоканальная станция наведения ракет осуществляет секторный поиск (по данным целеуказания или автономно) и сопровождение до 12 воздушных целей, а также одновременное управление работой всех пусковых и пуско-заряжающих установок, передавая на них всю информацию, необходимую для пуска и наведения 12 ЗУР по 6 воздушным целям.

В МСНР используются два режима боевой работы: по данным целеуказания от командного пункта и автономная работа. В первом режиме станция осуществляет поиск воздушной цели в секторе 5 градусов по азимуту и 6 градусов по углу места. В автономном режиме поиск производится в секторе ± 30 градусов по азимуту и 0–18 градусов по углу места. В режиме работы по целеуказанию МСНР обеспечивает обнаружение на высоте более 5 км: истребителя – на дальности 150 км, БР типа «Скад» – на дальности 90 км, БР типа «Ланс» – 60 км, аэробаллистической ракеты типа СРЭМ – 80 км.

При работе в автономном режиме станция обеспечивает обнаружение самолетов-истребителей на дальности до 140 км. Ошибки определения дальности при реализации автосопровождения воздушных целей разного типа составляют: 5–25 метров (для истребителя), 4–90 метров (для головной части БР «Першинг»).

В состав многоканальной станции наведения ракет входят следующие основные элементы:

– антенная система на основе пассивной фазированной антенной решетки с фазовым управлением лучом шириной около одного градуса;

– передающая система, развивающая среднюю мощность 10–13 кВт;

– приемная система, обеспечивающая чувствительность 10^{-17} Вт;

– система управления основной антенной;

– система телекодовой связи с командным пунктом и пусковыми установками;

– система навигации, топопривязки и ориентирования;

– система автономного электроснабжения и жизнеобеспечения.

Вся аппаратура МСНР размещена на унифицированном гусеничном шасси высокой проходимости, масса станции – 44 т, расчет – 6 человек.

В состав универсальной ЗРС С-300В входят зенитные управляемые ракеты двух типов – 9М82 и 9М83. ЗУР 9М82 (ЗУР-1), как уже отмечалось, способна поражать головные части баллистических ракет типа «Першинг», аэробаллистических ракет, самолеты – постановщики помех на дальности до 100 км. Максимальная скорость полета ЗУР-1 – 2.400 м/с. ЗУР 9М83 (ЗУР-2) предназначена для поражения в условиях интенсивного радиопротиводействия самолетов, крылатых ракет и БР типа «Скад» и «Ланс». Максимальная скорость полета ЗУР-2 – 1.700 м/с.

ЗУР 9М82 и 9М83 – твердотопливные, двухступенчатые, вертикального старта с газодинамическими органами управления первой ступени, выполнены по аэродинамической схеме «несущий конус». Конструкция обоих типов ракет в максимальной степени унифицирована, основные отличия связаны с применением более мощной стартовой ступени на ЗУР 9М82 (ЗУР-1).

В головной части ЗУР размещены блоки бортовой аппаратуры (единые для обеих ЗУР): аппаратура самонаведения, неконтактное взрывательное устройство, инерциальная система управления, бортовое вычислительное устройство. На хвостовом отсеке маршевой ступени размещены 4 аэродинамических руля и 4 стабилизатора. ЗУР оснащены боевой частью направленного действия. В районе поражаемой цели в зависимости от условий встречи ракета доворачивается по крену в ее сторону, чтобы обеспечить совпадение максимума плотности поля разлета осколков с направлением на воздушную цель. За 0,3 секунды до момента встречи ракеты с целью включается неконтактное взрывательное устройство, которое затем выдает команды на

подрыв боевой части. При большом промахе обеспечивается самоликвидация ЗУР подрывом боевой части.

Пуск ракет производится при вертикальном положении транспортно-пускового контейнера (ТПК) с помощью находящегося в нем порохового аккумулятора давления. После выхода ЗУР из ТПК склонение ракеты на заданный угол осуществляется включением соответствующего количества (из общего числа, равного восьми) импульсных двигателей. Процесс склонения ракеты завершается к моменту окончания работы двигателя стартовой ступени. В случае пуска ЗУР к дальней границе зоны поражения (при стрельбе по аэродинамическим целям) запуск двигателя маршевой ступени производится с задержкой до 20 секунд по отношению к моменту окончания работы двигателя стартовой ступени. Управление ракетой на маршевом и пассивном участках полета осуществляется с помощью четырех аэродинамических рулей.

ЗУР наводится на воздушную цель либо системой инерциального управления с последующим полуактивным самонаведением (примерно за 10 секунд до подлета к цели), либо системой командно-инерциального управления с полуактивным самонаведением в течение последних трех секунд полета. Последний способ наведения используется при стрельбе по воздушным целям в условиях интенсивного радиопротиводействия со стороны противника. Инерциальное управление осуществляется при стрельбе на предельно большие дальности, так как при этом полет ракеты осуществляется по энергетически оптимальным траекториям.

Выбор команд перехода на режим полуактивного самонаведения происходит по информации, вырабатываемой аппаратурой самонаведения ЗУР (способ наведения «через ракету»), что делает возможным поражение ракетой 9М82 (ЗУР-1) таких малоразмерных целей, как головные части БР «Першинг» и аэробаллистическая ракета СРЭМ.

Командный пункт 9С457 предназначен для управления боевыми действиями зенитных ракетных дивизионов, вооруженных средствами ЗРС С-300В, как при их автономной работе, так и при управлении от вышестоящего командного пункта (от КП зенитной ракетной бригады) в режиме противоракетной (ПРО) и противосамолетной (ПСО) обороны.

В режиме ПРО командный пункт обеспечивает работу боевых средств системы по отражению ударов баллистических и аэробаллистических ракет. Обнаружение таких целей осуществляется с помощью РЛС программного обзора «Имбирь». В этом режиме командный пункт осуществляет прием и обработку радиолокационной информации, управление режимами боевой работы РЛС «Имбирь» и многоканальной станцией наведения ракет, распознавание и селекцию истинных целей по траекторным признакам, автоматическое распределение целей по боеготовым зенитным ракетным батареям, выдачу помеховых направлений для определения координат постановщиков помех.

В режиме ПСО командный пункт обеспечивает управление боевой работой четырех зенитных ракетных батарей, каждая из которых способна обстреливать до шести воздушных целей. Командный пункт обеспечивает обработку (завязку и сопровождение трасс) до 70 воздушных целей из 200, обнаруженных РЛС кругового обзора «Обзор-3», прием информации от многоканальной станции наведения ракет и вышестоящего КП, распознавание классов целей (аэродинамические или баллистические), отбор наиболее опасных для последующего обстрела. Командный пункт может распределять в автоматическом режиме до 24 целей между четырьмя станциями наведения ракет (батареями). При этом целераспределение осуществляется с учетом степени опасности воздушных целей, готовности боевых средств и наличия боеготовых ракет.

Вся аппаратура КП, включающая спецвычислители, блоки телекодовых и речевых линий связи, пост управления ЗРК (зенитными батареями) с тремя рабочими местами, аппаратура навигации и топопривязки, газотурбинный агрегат питания, аппаратура жизнеобеспечения размещены на унифицированном гусеничном шасси высокой проходимости. Масса командного пункта — 39 тонн, расчет — 7 человек.

Пусковая установка 9А83 обеспечивает: транспортировку и хранение четырех полностью боеготовых ЗУР 9М83 (ЗУР-2) в транспортно-пусковых контейнерах; автоматическую предстартовую подготовку и пуск ЗУР (с пусковой установки 9А83 или с пуско-заряжающей установки 9А85); расчет и выдачу необходимых команд на находящиеся в полете ракеты, подсвет обстреливаемых воздушных целей.

Пусковая установка обеспечивает одновременную предстартовую подготовку и пуск двух ЗУР с интервалом 1–2 секунды (из числа размещенных на самой пусковой установке или соединенной с ней пуско-заряжающей установке). Время предстартовой подготовки не превышает 15 секунд. Заряжание пусковой установки осуществляется с помощью крана, установленного на пуско-заряжающей установке. На пусковой установке производится отработка команд, поступающих от многоканальной станции наведения ракет (подготовка ЗУР, разворот станции подсвета целей), осуществляется отображение на индикаторе информации о располагаемом времени (времени до входа воздушной цели в зону пуска и времени до ее выхода из зоны), а также вырабатываются команды для передачи на МСНР сведений о состоянии пусковой установки. После старта ЗУР с пусковой установки осуществляется передача радиокоманд коррекции

полета ракеты, управление антенной и передающей системой станции подсвета целей.

В состав пусковой установки 9А83 входят: четыре ЗУР 9М83 в транспортно-пусковых контейнерах; устройство для установки транспортно-пусковых контейнеров с ЗУР в стартовое (вертикальное) положение (с гидроприводом); станция подсвета целей; специальная ЭВМ; аппаратура навигации, топопривязки и ориентирования; средства связи; система автономного электроснабжения; система жизнеобеспечения.

Вся аппаратура размещена на унифицированном гусеничном шасси высокой проходимости, общая масса пусковой установки с боекомплектом ЗУР – 47,5 тонны, расчет – 3 человека.

Пусковая установка 9А82 предназначена для транспортировки и хранения двух полностью боеготовых ЗУР 9М82 (ЗУР-1) в транспортно-пусковых контейнерах, а также для выполнения тех же операций, которые выполняет пусковая установка 9А83 с ЗУР 9М83 (ЗУР-2).

Пуско-заряжающие установки также двух типов. Первые используются для транспортирования и хранения четырех ракет ЗУР-2, вторые – двух ЗУР-1. По командам с пусковых установок они могут производить пуск ракет. В их состав входит крановое устройство, с помощью которого производится заряжание пусковой, а также и пуско-заряжающей установок. Кроме боевых средств в состав системы входят средства ремонта и технического обслуживания, предназначенные для поддержания ЗРС в постоянной боевой готовности.

Организационно боевые и технические средства ЗРС С-300В состоят на вооружении зенитных ракетных батарей, дивизионов, бригад. В состав зенитной ракетной батареи, вооруженной ЗРК С-300В, входят: одна многоканальная станция наведения ракет; две пусковые установки 9А82 с двумя ЗУР 9М82 (ЗУР-1) на каждой и одна пуско-заряжающая установка 9А84; четыре пусковые установки 9А83 с четырьмя ЗУР 9М83 (ЗУР-2) на каждой и две пуско-заряжающие установки 9А85.

Зенитные ракетные батареи объединяются в зенитные ракетные дивизионы. Они состоят из командного пункта 9С457, РЛС кругового обзора «Обзор-3» (9С15М), РЛС программного обзора «Имбирь» (9С19М2), четырех зенитных ракетных батарей.

Зенитные ракетные дивизионы С-300В объединяются в зенитную ракетную бригаду. В состав такой бригады входят: автоматизированный командный пункт (АСУ «Поляна-Д4»); радиолокационный пост в составе РЛС кругового обзора «Обзор-3», РЛС программного обзора «Имбирь», РЛС дежурного режима 1Л13; пункт обработки радиолокационной информации (ПОРИ-П1); три-четыре зенитных ракетных дивизиона.

Ближайшим зарубежным аналогом ЗРС С-300В является американский ЗРК «Патриот», который был разработан в конце 1970-х годов как противосамолетный комплекс. В 1980-х годах этот комплекс был доработан в направлении обеспечения борьбы с баллистическими ракетами (модернизация ПАК-2). Основные технические характеристики этих зенитных средств приведены в таблице.

Основные характеристики ЗРС С-300В и ее зарубежного аналога

Наименование характеристик	С-300В	«Патриот»
Зона поражения аэродинамических (АЦ) и баллистических (БЦ) целей, км		
по дальности АЦ	до 100	до 90
по дальности БЦ	до 40	до 20
по высоте АЦ	0,025–30	0,06–24,4
по высоте БЦ	2–25	3–12
Макс. скорость поражаемых целей, м/с	3.000	2.000
Макс. скорость ЗУР, м/с	2.400 (ЗУР-1) 1.700 (ЗУР-2)	1.800
Стартовая масса ЗУР, кг	4.600 (ЗУР-1) 2.500 (ЗУР-2)	1.000
Масса боевой части, кг	150	90,7
Количество ЗУР на ПУ	2 (ЗУР-1), 4 (ЗУР-2)	4
Время свертывания/развертывания, мин.	5/5	30/15
Тип шасси	гусеничные	колесные
Год принятия на вооружение	1988	1980
Страна-разработчик	СССР	США

Владимир МОСАЛЁВ
Вадим УШАКОВ

«ТАЛОН» НА СМЕРТЬ

Бразильский спецназ готов к схваткам с террористами

Федеративная Республика Бразилия находится в восточной и центральной частях Южной Америки. На севере она граничит с Венесуэлой, Гайаной, Суринамом, французской Гвианой, на юге – с Уругваем, Аргентиной и Парагваем, на юго-западе и западе – с Боливией, Перу, Колумбией. На востоке она омывается Атлантическим океаном. Общая площадь страны с островами – 8.512 тыс. кв. км, население – свыше 190 млн. человек, из них 95 процентов – бразильцы. Столица государства Бразилиа. Страна делится на 26 штатов и столичный федеральный округ. Государственный язык – португальский, господствующая религия – католическая. Главой государства и правительства является президент, законодательная власть принадлежит конгрессу.

Вооруженные силы Бразилии состоят из армии, ВВС и ВМС. Главнокомандующим вооруженными силами является президент. Руководство видами вооруженных сил осуществляют министры армии, ВВС и ВМС. Комплектование происходит на основе всеобщей воинской повинности, срок службы – один год (планируется 1,8 года). Общая численность личного состава регулярных вооруженных сил – 287,87 тыс. человек.

В составе армии имеется 8 дивизий, 28 бригад (бронетанковая, 3 мотопехотные, 4 механизированные, 10 моторизованных, 4 для ведения боевых действий в джунглях, армейской артиллерии, пограничная, легкая пехотная, воздушно-десантная, береговой обороны, зенитной артиллерии), 3 кавалерийских полка, 12 групп, 10 отдельных инженерных батальонов. На вооружении имеется около 330 танков и 79 вертолетов.

В ВВС насчитывается восемь боевых эскадрилий, на вооружении состоит около 280 самолетов и около 100 вертолетов.

В составе ВМС находится дивизия морской пехоты (3 пехотные бригады, полк ПВО, танковая и штабная роты), вооруженная танками, бронемашинами, бронетранспортерами. На вооружении флота имеются противолодочный авианосец, 5 подводных лодок, 9 фрегатов УРО, 4 корвета, 5 патрульных кораблей, 12 патрульных катеров, 12 речных патрульных катеров, 2 танкодесантных корабля и 11 десантных катеров. Авиация ВМС (1,3 тыс. человек) имеет одну истребительно-штурмовую эскадрилью и восемь вертолетов.

В Бразилии есть военизированная полиция, насчитывающая около 150 тыс. человек.

Бразильские силы специального назначения имеются в составе армии, авиации, военно-морских сил и полиции.

В армии части специального назначения представлены 1-м батальоном специальных сил в составе воздушно-десантной бригады. Кроме того, в ней имеются четыре специальных пехотных батальона для действий в джунглях.

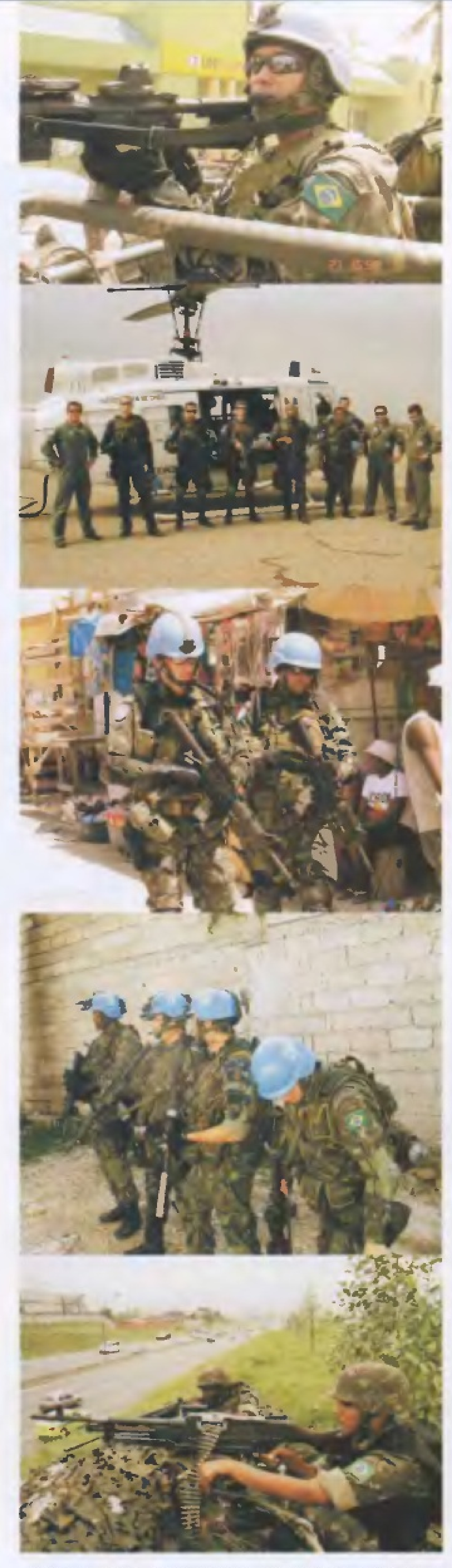
1-й батальон специальных сил был сформирован в 1983 году и дислоцируется в Вила Милитар (район Рио-де-Жанейро). Он включает две роты специальных сил, роту коммандос, роты командную и обслуживания. В составе батальона имеется специаль-

ное контртеррористическое подразделение численностью около двухсот человек, которое делится на несколько взводов.

В авиации в 1953 году был сформирован собственный контртеррористический отряд «Талон». В отряд набираются добровольцы, прошедшие тщательный 14-дневный отбор, из числа личного состава воздушно-десантных войск и подразделений специальных операций. В ходе отбора отсеивается до 90 процентов желающих служить в отряде. Прошедшие фазу отбора направляются на 13-недельный тренировочный курс, успешно сдавшие зачеты этого курса зачисляются в отряд.

В ВМС силы специального назначения представлены группой боевых пловцов (GRUMEC), сформированной в 1970 году после того, как небольшие группы подводников прошли подготовку в школах специальных операций ВМС в США и Франции. Группа боевых пловцов входит в состав подводных сил и в настоящее время проходит тренировки по различным способам скрытного проникновения в тыловые районы противника, использованию подводных дыхательных аппаратов открытого и замкнутого дыхательных циклов, прыжкам на парашютах с малых и больших высот с немедленным раскрытием парашюта (HAHO) и с задержкой его раскрытия до малых высот (HALO), использованию подрывных зарядов, подводных средств движения, выходу и возвращению на подводную лодку в подводном положении. Основной курс подготовки личного состава проводится в военно-морском центре подводных лодок и подводных погружений. Курс включает четыре фазы. В ходе первой осуществляются недельная тренировка по использованию подводных дыхательных аппаратов открытого дыхательного цикла и пятинедельные тренировки по выживанию в воде. В ходе второй фазы изучается базовый и углубленный курс разведки в морских десантных операциях, проводятся групповые погружения с использованием дыхательных аппаратов замкнутого цикла, а в ходе третьей фазы — атаки против вражеского флота с использованием «прилипающих» диверсионных мин и других взрывных устройств. Четвертая фаза подготовки посвящена наземным операциям, в том числе рейдам, ориентированию на местности, действиям на реках и в джунглях, способам выживания и рукопашному бою.

Успешно окончившие этот шестимесячный курс направляются для службы в группу GRUMEC, где проходят усложненные учебные курсы, такие как разведка, военное скалолазание, парашютные прыжки в свободном падении и другие. Небольшой отряд группы боевых пловцов, обозначаемый GERRMEC, предназначен для проведения контртеррористических операций и освобождения заложников на объектах ВМС, кораблях и морских нефтедобывающих вышках.

В военное время группа GRUMEC осуществляет диверсионные операции против вражеских кораблей, баз и морских нефтеплатформ, противоминные мероприятия и сбор разведывательной информации.

В морской пехоте силы специального назначения представлены батальоном специальных операций «Тоне Лерос», дислоцирующимся на базе морской пехоты Кампу-Грандие (район Рио-де-Жанейро). В батальоне имеется специальная спасательная группа GER численностью 120 человек, подготовленная для подводных погружений и авиационной высадки.

В федеральной полиции подразделение коммандос тактических операций было создано после 1988 года, когда выяснилось, что в Бразилии нет специалистов для освобождения захваченных террористами самолетов. До формирования этого подразделения задачи по борьбе с террористами выполняли подразделения поиска и спасения ВВС. Кроме коммандос тактических операций, борьбу с террористами ведут отряды военизированной полиции, имеющиеся в различных штатах. Эти отряды не входят в состав федеральной полиции и не являются полицией вооруженных сил.

В составе вооруженных сил Бразилии созданы **силы быстрого реагирования**, в которые включены:

— парашютно-десантная пехотная бригада в составе трех пехотных батальонов, артиллерийской группы, батальона обеспечения, кавалерийского эскадрона, рот командной, связи и инженерной. Бригада базируется в Вила Милитар. Ее деятельность обеспечивает группа транспортных войск и группа воздушных сил;

— 12-я воздушно-штурмовая бригада легкой пехоты, штаб которой находится в Какапава (штат Сан-Пауло). Обеспечивают деятельность бригады 1-я, 2-я и 3-я вертолетные авиаэскадрильи армейской авиации, которые осуществляют переброску по воздуху подразделений бригады, а 4-я авиаэскадрилья армейской авиации непосредственно поддерживает операции бригады;

— 1-й батальон специальных сил;

— авиаэскадрильи армейской авиации.

Силы быстрого реагирования для боевой подготовки используют армейский учебный авиационный центр, проводят совместные наземные учения, в ходе которых широко применяются современные тренажеры, имитирующие боевую обстановку, близкую к реальной.